

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова"

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – "Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки")

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрякина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
Е.В. Угрюмова (отв. секретарь),
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
"Гуманитарные и социальные науки"

Т. 23,
№ 2 / 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Коршунков В.А. Путь к Белому морю в XIX веке. Статья 1: Состояние дорог и условия перевозок.....	5
Лукьянов В.Ю. Проблема «несостоявшегося государства» во внешней политике России и США в конце XX – начале XXI века.....	14
Шуняков Д.В. Награждение сотрудников правоохранительных органов в предвоенный период (1933–1941).....	24
Хромцова Т.В. Подготовка командных кадров для морского торгового флота во второй половине XIX века (на материалах Архангельской губернии).....	34

ЛИНГВИСТИКА

Дмитриева Е.А. Метафоризация судебного заседания в терминах войны в американском и канадском национальных вариантах судебного дискурса. Сравнительный анализ.....	47
Левитская А.А. Особенности выражения значения результативности глаголами специально-результативных способов действия в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским).....	57

ФИЛОСОФИЯ

Петев Н.И. Игровой аспект мифологии: вопрос генезиса, постановочность и опыт.....	68
Ерохин В.С. Нормативная природа персональной идентификации.....	77
Аксюткина З.А. Социально-философская трактовка социальной универсальной категории.....	84

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
М.Г. Аверина

Ведущий редактор
И.В. Кузнецова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17,
ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 26.04.2023.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 13,81.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8282.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2023

Сысоев М.С. О связи трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма.....	91
Сапан И.Е. Общественное мнение и публичное пространство: проблема смысловой взаимосвязи в рамках системно-коммуникативного подхода.....	103
Мартин Э. Метафизический разрыв: критический анализ идеи технологической сингулярности.....	112

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Сухомлинова М.А. Дискурс как результат межстилевого взаимодействия: случай религиозно-церковной русско- и англоязычной коммуникации.....	123
Голдин В.И. Украина, Россия, Евросоюз и США: размышления над уроками истории и современной геополитикой.....	127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Марьянич В.А., Попова Л.В., Шестакова Т.Э. Международная научно-практическая конференция «Филологическое образование в условиях взаимодействия вузов», Архангельск, САФУ, 13–14 февраля 2023 года.....	132
---	-----

ЮБИЛЕИ

«Наставник, открывающий двери в большой исторический диалог» (К юбилею профессора, доктора филологических наук Николая Ипполитовича Николаева).....	138
---	-----

НЕКРОЛОГ

Памяти выдающегося историка А.Л. Литвина.....	144
Наши рецензенты.....	146
К сведению авторов.....	148

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
E.V. Ugryumova (Executive Secretary),
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 23,
No. 2 / 2023

CONTENTS

HISTORY

Korshunkov V.A. The Route to the White Sea in the 19th Century. Part 1: Road State and Transportation Conditions.....	5
Luk'yanov V.Yu. The Failed State Problem in the Foreign Policies of Russia and the USA in the Late 20th and Early 21st Centuries...	14
Shunyakov D.V. Awarding Law Enforcement Officers in the Pre-War Period (1933–1941).....	24
Khromtsova T.V. Training Command Personnel for the Merchant Marine in the Second Half of the 19th Century (Based on the Materials from the Arkhangelsk Province).....	34

LINGUISTICS

Dmitrieva E.A. Metaphorization of the Trial Using War Terminology in the American and Canadian National Variants of Judicial Discourse: A Comparative Analysis.....	47
Levitskaya A.A. Expression of the Meaning of Effectiveness by Verbs of Special Effective Aktionsarten in the Modern Ossetian Language (Compared with Russian).....	57

PHILOSOPHY

Petev N.I. The Game/Play Aspect of Mythology: Genesis, Staging and Experience.....	68
Erokhin V.S. The Normative Nature of Self-Identification.....	77
Aksyutina Z.A. Socio-Philosophical Interpretation of Sociality as a Universal Category.....	84
Sysoev M.S. On the Relation Between the Hard Problem of Consciousness and the Combination Problem for Panpsychism.....	91

CONTENTS

Editor
M.G. Averina

Managing Editor
I.V. Kuznetsova

Translator
S.V. Biryukova

Document Manager
E.V. OreI

Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:
nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:
nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 26.04.2023.
Writing paper. Format 84x108 1/16.
Conv. printer's sh. 15.75.
Acad. publ. sh. 13.81.
Circulation 1000 copies. Order no. 8282.

Printer's address:
NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2023

- Sapan I.E.** Public Opinion and Public Space: The Semantic Relationship Within the Systems-Communicative Approach..... 103
Martin E. Metaphysical Gap: A Critical Analysis of the Idea of a Technological Singularity..... 112

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

- Sukhomlinova M.A.** Discourse as a Result of Inter-Style Interactions: A Case of Religious and Ecclesiastical Russian- and English-Language Communication..... 123
Goldin V.I. Ukraine, Russia, the European Union and the USA: Reflections on the Lessons of History and Modern Geopolitics..... 127

ACADEMIC LIFE

- Maryanchik V.A., Popova L.V., Shestakova T.E.** International Academic Conference "Philological Education in the Conditions of Interuniversity Cooperation", Arkhangelsk, NArFU, 13–14 February 2023..... 132

ANNIVERSARIES

- "A Mentor Who Opens the Door to a Great Historical Dialogue" (to the Birthday Anniversary of Professor, Doctor of Philology Nikolay I. Nikolaev)..... 138

OBITUARIES

- In Memory of the Prominent Historian A.L. Litvin..... 144
Our Peer-Reviewers..... 146
Information for Authors..... 148

КОРШУНКОВ Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6150-8308>

ПУТЬ К БЕЛОМУ МОРЮ В XIX ВЕКЕ. СТАТЬЯ 1: СОСТОЯНИЕ ДОРОГ И УСЛОВИЯ ПЕРЕВОЗОК

Из Вятского края пролегали пути на север – к Архангельску и побережью Белого моря. По ним в течение нескольких веков каждую зиму вывозили из вятских городов – Хлынова (Вятки), Слободского, Котельнича, Орлова – зерно, муку, крупу, льняное семя, пеньку, а также те товары, которые поступали из Поволжья и Прикамья. Трассы проходили по густым лесам, затем грузы отправлялись на речных баржах в Архангельск. Обрато везли на юг рыбу и импортные вещи. В этой статье исследуется состояние сухопутных дорог, которые вели из центральной части Вятского края к речным пристаням (преимущественно в XIX веке). Целью работы является определение того, как сказывались на межрегиональной торговле сельскохозяйственными товарами состояние дорог и придорожное обустройство. Эта тематика рассмотрена в контексте так называемой дорожной традиции России (иначе: дорожной повседневности, культуры дороги, традиционной культуры путешествия). Дорожная традиция – это условия, обстоятельства, ситуации, которыми сопровождалось сухопутные перемещения на дальние расстояния. Добраться с грузом к северным речным пристаням по гужевым сухопутным дорогам было очень трудно, т. к. путь был протяженным и проходил по малонаселенным лесистым местам. Зимняя дорога изобиловала ухабами, сани ломались, лошади выбивались из сил. Все это очень затрудняло экономическую деятельность миллионов людей: затраты получались значительными, а заработки – небольшими. Кроме того, перевозимые товары представляли собой сырье либо же сельскохозяйственную продукцию низкого уровня переработки. Плохие дороги стимулировали поиски принципиально иных способов доставки грузов к Белому морю.

Ключевые слова: *Русский Север, Вятский край, межрегиональная торговля, сухопутные пути сообщения, дорожная традиция России, мемуары, архивные источники.*

*Адрес: 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36, e-mail: vla_kor@mail.ru

Для цитирования: Коршунков В.А. Путь к Белому морю в XIX веке. Статья 1: Состояние дорог и условия перевозок // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т 23, № 2. С. 5–13. DOI: 10.37482/2687-1505-V248

В течение нескольких столетий от центра Вятского края и далее на север проходили пути к портовому городу Архангельску. По ним вывозили сельскохозяйственную продукцию из г. Хлынова (Вятки) и прилегающих к нему городов Слободского, Орлова, Котельнича, а также те товары, что поступали на Вятку из Поволжья и Прикамья для дальнейшей транспортировки к Белому морю. По морю их можно было переправлять в самые отдаленные места, в т. ч. за границу. Да и само Поморье постоянно нуждалось в притоке того продовольствия, которое трудно было произвести на месте (хотя бы по климатическим причинам), а южнее оно имелось в достатке. Обратное на Вятку везли обычно рыбу и импортные вещи.

От вятских городов эти трассы шли лесными чащами, потом товары перегружались на баржи и сплавлялись вниз по рекам Лузе, Юг, Северной Двине, лишь затем ими загружали морские корабли. Пути были долгими, особенно если учесть, что зерно, муку, крупу, льняное семя, пеньку на среднюю Вятку, откуда начиналась дорога к Белому морю, могли доставлять издалека. Однако связность северных территорий России несколько веков назад была невелика, а торговля являлась существенным способом получения хоть какого-то дохода, так что в тогдашних условиях, до появления железных дорог и автомобилей, вывозить излишки местной сельскохозяйственной продукции приходилось даже таким непростым способом.

Несколько веков назад перевозки в России производились преимущественно по рекам. Вяткой и Камой не так уж сложно было сплавлять грузы вниз, т. е. к Волге, и потом по ней – в так называемые низовые города. А для отправки товаров с юга на север, в сторону Белого моря, приходилось преодолевать десятки верст по суше, через леса (а потом совершать не меньший по протяженности путь по рекам). Однако снабжать Поморье было в любом случае необходимо, равно как имело смысл вывозить продукцию оттуда за границу.

При таких географических условиях сухопутные пути сообщения и организация дви-

жения по ним играли важнейшую роль. Если сказать коротко, то эти пути были очень трудными для проезда и провоза. Таким образом, для того, чтобы уяснить торговые возможности того времени, заметно отличавшиеся от нынешних, нужно прежде всего изучить состояние дорог.

Немногие интересовались такой тематикой. Иногда ее касались краеведы, уточняя маршруты перевозок и публикуя отдельные сведения о купцах и извозчиках. В книге журналиста Ф.О. Гулямова о гужевых и автомобильных дорогах Вятского края коротко сказано о старинном Ношульском тракте, направлявшемся на север [1, с. 11]. А из специалистов-историков об этом писал М.С. Судовиков, который занимался купечеством Вятского края и соседних регионов. В одной из статей он приводил некоторые статистические и иные данные о вывозе сельскохозяйственных товаров к Архангельску [2]. Об истории железных дорог Вятского края рассказано в книге архивиста В.С. Жаравина. В ней, в частности, разбирался вопрос о том, как и когда гужевой путь на север (о котором здесь и пойдет речь) решили заменить железнодорожным [3].

В этой статье (и в той следующей, что будет служить ей продолжением) дорожная тематика рассматривается в методологических рамках нового историко-антропологического направления – так называемой дорожной традиции России (иначе: дорожной повседневности, культуры дороги, традиционной культуры путешествия). Дорожная традиция – это условия, обстоятельства, ситуации, которыми сопровождалась сухопутные перемещения на дальние расстояния и которые воздействовали на людей, во многом определяя их повседневное поведение [4–9]. При таком подходе даже те факты, которые и прежде могли быть основой для работ историков, экономистов, краеведов, позволяют иначе взглянуть на явления прошлого. В центр исследования помещаются не глобальные историко-экономические тренды, а люди, оказавшиеся в неких обстоятельствах и вынужденные выстраивать свое поведение (в т. ч. экономическое), преодолевая их или

приспосабливаясь к ним. Объективные факторы: природно-климатические особенности (долгая снежная зима, лесистая местность), расстояния, плотность населения, уровень технических достижений – определяют возможности для обустройства путей, и на этой основе формируется дорожная традиция как способ использования таких возможностей. И люди начинают действовать в рамках сложившейся, устоявшейся традиции.

В нашем распоряжении имеется немало исторических источников о путях, которые вели в сторону Белого моря, способах перевозки товаров и разнообразных сопутствующих обстоятельствах. Правда, источники разрозненны, выявить их непросто. Во-первых, это архивные данные, и здесь требуется проверять наличие соответствующих документов в самых разных архивных фондах. Во-вторых, это мемуары. Сами извозчики, конечно же, не оставили записей, так что приходится обращаться к воспоминаниям вятских и архангелогородских купцов, а также паломников, иные из которых добирались до Соловецких святынь на Белом море вместе с грузоперевозчиками. В-третьих, это опубликованные отчеты статистиков и управленцев. В-четвертых, публицистические тексты и даже некоторые художественные произведения, созданные современниками, – они тоже могут содержать немаловажные сведения. Все эти источники относятся преимущественно к концу XVIII и к XIX веку, причем с течением времени их количество увеличивается.

Уроженец Вятской губернии, историк и краевед А.А. Спицын (ставший затем классиком российской археологии) в 1880-х годах изучал документы о Вятском крае XVII века. Одно из его наблюдений состояло в следующем: «Дороги были очень плохи. Это видно из того, что старались ездить преимущественно зимним путем, и особенно из того, что седоки... были крайне стеснены в количестве багажа. <...> Вообще, как видно, дороги не столько устраивались, сколько уделывались» [10, с. 137].

Ситуация, когда дороги обустроить было почти невозможно, сохранялась долго. По

сути, так же обстояло дело и в XVIII–XIX веках на территориях к северу от срединной части Вятского края. В центре земли Вятской протекала одноименная река и находилось несколько городов, а севернее были почти непролазные леса, да и поселения располагались негусто.

В составленном около 1780–1781 годов статистическом документе говорилось, что купечество г. Хлынова (Вятки) «производит великой торг отпуском водяною коммуникациею к городу Архангельскому и в Астрахань хлеба, меду, воску, масла и сала и сухопутно до Ношелской пристани, состоящей в Устюжской области...» [11, л. 1 об.]. В документе указаны важнейшие направления сбыта местной продукции. По р. Вятке (которая тогда считалась удобной для судоходства) ее отправляли на юг – к Астрахани. Кроме того, отмечено одно сухопутное направление, весьма важное – в сторону Архангельска, а именно к Ношульской пристани на р. Лузе, откуда товары к побережью Белого моря доставляли по рекам (слова «водяною коммуникациею к городу Архангельскому» явно относятся к отрезку пути от Ношульской пристани до Архангельска). Сплаваться по этим рекам можно было лишь по весне, во время разлива, и грузы туда подвозились в течение зимы.

Вывоз сельскохозяйственной продукции из Вятского края к Белому морю засвидетельствован еще в XVII веке [12, с. 134]. Очевидно, самое раннее свидетельство о действовавшем пути из г. Хлынова на север обнаружил А.Л. Мусихин: в 1613 году через с. Ношуль в Великий Устюг на подводах были отправлены ратники, нанятые для борьбы с поляками, литовцами, «немцами» и русскими «ворами» [13, с. 128–129]. Он также обратил внимание на документы («извозные записи») за 1706 и 1711 года, согласно которым вятский купец Фирс Прозоров обязался платить извозчикам за перевозку ржаной муки из Хлынова к Ношульской пристани. А его сыновья в 1726 и 1733 годах, помогая отцу в хлебной торговле, контролировали переправку товара от Ношуля по рекам в Архангельск [14, с. 57–58].

Знаменитый купец из вятского уездного города Слободского К.А. Анфилов (1761–1820)

торговал из Архангельска по морю с заграницей. Такое направление было им воспринято от отца (тот из крестьян выбился в купечество) [15]. Путешественник и естествоиспытатель, академик И.И. Лепёхин, побывав в 1771 году в Слободском, писал о зажиточном купечестве этого города: «Главный их промысел состоит в хлебном торге, который они отпускают к Архангельскому порту» [16, с. 40]. Значит, деловым людям из Слободского издавна и, по крайней мере, вплоть до XIX века нужно было гужевым путем доставлять товары на север.

Извозчикам и купцам приходилось пробираться через лесные неудобья к речным пристаням постоянно, каждый год – и так в течение веков. Точнее, каждую зиму, поскольку отправлялись с товарами в холодное время, на санях, а летом по тем местам вообще невозможно было ездить – разве что верхом. Зато зимою тянулись по бесконечным ухабам и колдобинам длинные обозы с грузами.

Лишь в начале XIX века купцы из городов Вятки, Орлова и Слободского за свой счет проложили на север прямую и широкую дорогу в 110 верст от Белозерской волости Орловского уезда до д. Кулиги Вымской волости Устюжского уезда Вологодской губернии (нынешние земли на севере Кировской области, у г. Лальска, тогда числились в составе Вологодской губернии). Там на р. Лузе, ниже Ношульской пристани, образовалась пристань Быковская, а затем на реках Лузе и Юг – еще пара других [17, с. 7–8].

С.А. Веснин-Святогорец в середине 1830-х годов на основе народных анекдотов о вятчанах создал шуточную поэму «Вани-вятчане». Герои поэмы извозничали, причем чаще всего – на север, в сторону Великого Устюга. Тот, кто видал Устюг, славился как человек бывалый [18].

Купец А.В. Булычев (1827–1902), который под конец жизни стал монахом Соловецкого монастыря, записывая события своей жизни, припоминал детство. Родитель его был вятским крестьянином, занимавшимся торговлей. Летом 1837 года мальчик проехал с обозом из Орлова в Великий Устюг. Путь занял более 10 дней, «лесом по болотистому месту, где до-

рога была выстроена из фашичника в роде сплошной деревянной настилки, а по бокам ее канавы и сплошное болото». Его телега сошла с накатанного пути в канаву, опрокинулась в болотину, мальчика придавило кулями с мукой, и он мог бы задохнуться или захлебнуться [19, с. 34].

Орловский уезд Вятской губернии простирался с юга далеко на север. Почвы там были не слишком удобными для земледелия, так что немало крестьян предпочитало заниматься промыслами. Мужик или по весне уходил в бурлаки, или целую зиму извозничал, а конкретно – перевозил из Орлова, Котельнича, Вятки «ссыпной товар» к Быковской, Подосиновской и Ношульской пристаням. Один из местных корреспондентов указывал в газетной публикации: «...С этим извозом он успевает сделать в течение января, февраля и марта четыре оборота, с платою от 10 до 20 копеек с пуда...». Лошади надрывались от тяжелой зимней работы, и по весне, к самому посеву, случалось, что крестьянское хозяйство оставалось без тягловой силы [20, с. 145–146]. В Орловском уезде во второй половине XIX века число отправлявшихся в извоз доходило до седьмой части населения (по-видимому, только взрослого мужского населения) [21, с. 142]. В 1873–1874 годах по инициативе Вятского губернского статистического комитета были собраны сведения обо всех селах Вятской губернии. О жителях крупных поселений центральной части Орловского уезда там говорилось, что помимо земледелия те промышляли извозом к северным пристаням. В с. Великорецком Навалихинской волости, в котором тогда жило более 6 тыс. человек (очевидно, посчитано вместе с людьми из прилегающих деревень и починков), многие занимались «извозничеством, т. е. гужевой доставкой хлеба в зерне от городов Вятки и Орлова до пристаней Под-Осиновской и Ношульской, что при реке Лузе, Вологодской губернии, к Архангельскому порту» [22, л. 361]. В с. Верходворском Верходворской волости, которое тоже, как и с. Великорецкое, находилось при р. Великой, жило более 3 тыс. человек, и не одни только крестьяне, но также люди духовного и

военного звания. «Жители из крестьян занимаются, кроме земледелия, зимой перевозкою на Ношульскую и Быковскую пристани хлеба и прочего» [22, л. 379]. В с. Верховском той же Верходворской волости, где обитало около 7 тыс. человек, отвечавшие на соответствующий вопрос анкеты священнослужители писали: «...Прихожане, помимо земледелия, в зимнее время занимаются преимущественно извозничеством» [22, л. 381]. И в небольшом с. Пышанском Шараповской волости (133 человека) «некоторые жители помимо земледелия занимаются извозничеством» [22, л. 382].

В с. Верхне-Лалье, близ г. Лальска (ныне это север Кировской области), слово «ямщина» (или, в тамошнем произношении, «ямшина») обозначало всякую долгую и тяжкую трудовую деятельность. Составитель словарика местного говора приводил выражения: «в ямшину» (по его толкованию, это означало «поехать на продолжительную тяжелую работу»); «опять в ямшину собрался» («о непоседе, человеку трудоголике, который опять куда-то уходит (уезжает)») [23].

Так что в XIX веке зимним путем к северным пристаням перевозилось большое количество грузов. Но дороги были дурны, расстояния велики, организация всего дела весьма несовершенна. Местные жители бывали вынуждены отправляться в извоз не от хорошей жизни. В отличие от южных уездов Вятской губернии, там непросто было прокормиться хлебопашеством. «Извозчики, приняв товар, везут его к пристаням на лошадях некованых, по дорогам избитым и гористым, на санях, нередко, без подрезей, от чего сани раскатываются и при спуске с гор, утомленные дурной дорогой, часто разбиваются совершенно и потому не в состоянии доставить хлеб к пристани» [24, с. 249] (гористые – значит холмистые, с горками и ухабами на пути).

Родившийся в Архангельске купец А.Н. Кузнецов (1830–1895), который стал жить в г. Орлове¹, хорошо знал этот путь. В своих публикациях

он писал об этом так: «...Крестьянин-извозчик, мучась с лошадей по дурным испорченным дорогам, представляет жалкого страдальца. <...> Многочисленные караваны, беспрестанно идущие по неисправляемой дороге, портят ее... бедные извозничьи лошади изнуряются до чрезвычайности...» [26, с. 79]; «Зимние торговые дороги почти никогда не исправляются, да и в теплое время, при глубоком снеге и непрерывно идущих обозах, с полным успехом такая поправка едва ли возможна» [27, с. 582]. Последнее надо понимать так, что дороги толком нельзя улучшить ни в какое время года.

Житель Архангельска, председатель Коммерческого суда В.Е. Михайлов зимой 1853 года сам проехал этим торговым путем, собрал разнообразные сведения и опубликовал статью с подробной характеристикой дорожного устройства. Он предлагал провести новую, улучшенную дорогу, которая связала бы Вятскую губернию с Поморьем. Описывая имевшийся тогда путь к Ношульской пристани, Михайлов замечал: «Единственно важное неудобство к затруднению по пути до Ношульской пристани представляет сама дорога, истинное бедствие для лошадей и извозчиков... Эта дорога изрыта во всех направлениях глубокими снежными ямами, где часто попадаются то трупы лошадей, то оставленные возы, то разбитые сани. Такое состояние дороги, никем не поправляемой, бывает причиною, что в декабре количество первоначальных возчиков уменьшается уже на половину и провозные цены возвышаются от 6-ти до 16-ти, а на некоторые товары, как-то паклю льняную, даже до 20 коп. сер[ебром] с пуда...». По его наблюдениям, возчики «проводят в дороге до 10 дней». А расстояние до Ношульской пристани увеличивалось примерно наполовину «от непрерывных зигзагов и диагональных линий» [17, с. 2–3].

Проложенная в начале XIX века широкая просека до Быковской пристани к середине века стала зарастать лесом и заметно сузилась. Михайлов писал о ней: «Здесь, как и на Но-

¹См. о нем: [3, с. 10–17; 25].

шульской дороге, образуются *нырки* – глубокие котловины, – в которых лошади пробивают себе ступени, в виде лестницы; в этих нырках лошади засекаются, изнуряются, часто падают и оставляются в тех же самых углублениях» (курсив автора. – В.К.) [17, с. 9–10]. Трасса пересекала много речек, через которые когда-то были сделаны мосты. «Устроенные на них постоянные (кроме [реки] Лузы) мосты обветшали, и крутые, хотя и невысокие, берега речек представляют новые затруднения при провозе товаров» [17, с. 10]. Когда же извозчики порожняком возвращались назад, то ехали медленно, шагом, и им часто приходилось останавливаться, чтобы на узкой дороге пропустить идущие навстречу груженые возы [17, с. 12]. Недаром в 1847 году по поручению вятского губернатора проводились изыскания, чтобы проложить кратчайший путь в том направлении от сред-

ней Вятки, хотя новую дорогу строить так и не начали [3, с. 10].

Еще одна дорога – к Подосиновской пристани, по наблюдениям Михайлова, «имеет достаточную ширину, так что возы могут идти в три ряда; но никогда не поправляемая, к половине зимы [она] разбивается до чрезвычайности и потому представляет такие же неудобства и затруднения, какие встречаются на дорогах к Ношульской и Новым пристаням, и провозные цены возвышаются вследствие этого...» [17, с. 11]. Новые пристани – это Быковская и две находившихся поблизости от нее².

Такое состояние путей к северным пристаням подтверждается архивными и прочими данными не только из Вятки, но также из Архангельска. Дурные дороги стимулировали поиски иных способов доставки грузов к Белому морю. Об этом – в следующей статье.

Список литературы

1. Гулямов Ф.О. История дорожного дела в Вятском крае: гужевые и автомобильные дороги. Киров: Киров. обл. тип., 1996. 416 с.
2. Судовиков М.С. К характеристике профессионального портрета «купцов-аграрников» Вятской губернии последней четверти XVIII – начала XX века // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2013. С. 208–213.
3. Жаравин В.С. Железные дороги на Вятке: история строительства. Киров: Герценка, 2018. 147 с.
4. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
5. Dickinson S. Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin. Amsterdam: Rodopi, 2006. 290 p.
6. Randolph J.W. The Singing Coachman or, The Road and Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times // J. Early Mod. Hist. 2007. Vol. 11, № 1–2. P. 33–61. DOI: [10.1163/157006507780385044](https://doi.org/10.1163/157006507780385044)
7. Борисов Н. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М.: Молодая гвардия, 2010. 440 с.
8. Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века). Омск: Наука, 2012. 196 с.
9. Коршунков В.А. Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М.: Форум, 2015. 240 с.
10. Спицын А.А. Избранные труды по истории Вятки. Киров: О-Краткое, 2011. 512 с.
11. Кировская областная научная библиотека им. А.И. Герцена. Рукопись № 68.
12. Наумов П.[И]. Материалы для истории торговли Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год. Отд. 2. Вятка: Губ. тип., 1902. С. 126–160.
13. Мусихин А.Л. Расходные памяти земским ценовальникам – источник по истории Вятской земли периода Смуты // Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству: сб. ст. по материалам секции Международ. науч.-практ.

²О речных пристанях см. еще: [26].

форума «100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития», Ижевск, 07 октября 2020 г. / отв. ред. Г.В. Мерзлякова. Ижевск: Изд. дом «Удмурт. ун-т», 2020. С. 125–136.

14. Мусихин А.Л. Вятские крестьяне Прозоровы: предыстория купеческой династии и формирование капитала в первой половине XVIII в. // Из прошлого Вятки: купеческие фамилии, семьи, лица: материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 20 октября 2022 года) / сост., науч. ред. М.С. Судовиков. Киров: Изд-во Киров. гос. унив. обл. науч. б-ки, 2022. С. 53–61.

15. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов: очерк его жизни и деятельности / сост. Г.А. Замятин. Вятка (Киров): О-Краткое, 2011. 286 с.

16. Из «Дневных Записок путешествия по разным провинциям Российского государства» акад. Лепёхина // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Отд. 4. Вятка: Губ. тип., 1896. С. 27–44.

17. Михайлов В.Е. О главных торговых путях из Вятской губернии к г. Архангельску и торговым пристаням. СПб., 1858. 36 с.

18. Веснин [С.А.]. Вани-вятчане: рассказы бабушки. М., 1913. 88 с.

19. Булычев А. «Ныне к вам прибегаю»: жизнеописание соловецкого инока Афанасия, написанное им самим. Архангельск; М., 2008. 134 с.

20. Т-й. Орловский округ // Вят. губ. вед. 1859. Отд. 2, ч. неофиц. № 22. С. 144–146.

21. Описание уездов, городов и других замечательных местностей Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. 5. Вятка: Тип. Губ. правления, 1870. С. 75–191.

22. Сведения Вятского губернского статистического комитета о состоянии сел губернии за 1873 г. // Центр. гос. арх. Киров. обл. Ф. 574. Оп. 1. Д. 480.

23. Словарь верхотальского великорусского языка / авт.-сост. Н.М. Токмаков. Сыктывкар, 2015. (Без пагинации).

24. Савинов И. Очерк торговых путей к Ношульской и Быковской пристаням, лежащим на реке Лузе // Вят. губ. вед. 1857. Отд. 2, ч. неофиц. № 37. С. 247–250.

25. Жаравин В.С. Исходный пункт – деревня Котлас (А.Н. Кузнецов – автор идеи железной дороги от Вятки до Котласа) // Двинская земля. Вып. 5: Материалы пятых межрегион. обществ.-науч. истор.-краевед. Стефановских чтений, посвящ. 90-летию города Котласа, 17–18 марта 2007 года / гл. ред. С.А. Гладких. Котлас: ЭЛПА, 2007. С. 33–37.

26. Кузнецов А. Причины, препятствующие распространению торговли в Вятском крае // Вят. губ. вед. Отд. 2, ч. неофиц. 1858. № 11. С. 78–81.

27. Кузнецов А. О торговле Вятской губернии с Архангельском // Тр. Имп. Вольн. экон. о-ва. 1867. Т. 1. С. 578–585.

References

1. Gulyamov F.O. *Istoriya dorozhnogo dela v Vyatskom krae: guzhevye i avtomobil'nye dorogi* [The History of Road Building in the Vyatka Region: Cart and Automobile Roads]. Kirov, 1996. 416 p.

2. Sudovikov M.S. K kharakteristike professional'nogo portreta “kuptsov-agrarnikov” Vyatskoy gubernii posledney chetverti XVIII – nachala XX veka [Description of the Professional Portrait of “Agricultural Merchants” of the Vyatka Province in the Last Quarter of the 18th – Early 20th Centuries]. Rodnov M.I. (ed.). *Krest'yanskiy mir: novye istochniki i metodologicheskie podkhody* [The Peasant World: New Sources and Methodological Approaches]. Ufa, 2013, pp. 208–213.

3. Zharavin V.S. *Zheleznye dorogi na Vyatke: istoriya stroitel'stva* [Railways in the Vyatka Region: The History of Construction]. Kirov, 2018. 147 p.

4. Shchepanskaya T.B. *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv.* [The Culture of the Road in the Russian Mythological and Ritual Tradition of the 19th and 20th Centuries]. Moscow, 2003. 528 p.

5. Dickinson S. *Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. Amsterdam, 2006. 290 p.

6. Randolph J.W. The Singing Coachman or, The Road and Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times. *J. Early Mod. Hist.*, 2007, vol. 11, no. 1–2, pp. 33–61. DOI: [10.1163/157006507780385044](https://doi.org/10.1163/157006507780385044)

7. Borisov N. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo puteshestvennika v epokhu bezdorozh'ya* [Everyday Life of a Russian Traveller in the Era of Bad Roads]. Moscow, 2010. 440 p.

8. Matveev A.V. *Traditsionnaya kul'tura puteshestviya naseleniya Srednego Priirtysh'ya (XIX – pervaya tret' XX veka)* [Traditional Travel Culture of the Population of the Middle Irtysh Region (19th – First Third of the 20th Century)]. Omsk, 2012. 196 p.
9. Korshunkov V.A. *Dorozhnaya traditsiya Rossii: pover'ya, obychai, obryady* [Road Tradition in Russia: Beliefs, Customs and Rituals]. Moscow, 2015. 240 p.
10. Spitsyn A.A. *Izbrannye trudy po istorii Vyatki* [Selected Works on the History of the Vyatka Region]. Kirov, 2011. 512 p.
11. *Kirov Regional Scientific Library Named After A.I. Herzen. Manuscript no. 68* (in Russ.).
12. Naumov P.I. Materialy dlya istorii torgovli Vyatskoy gubernii [Materials on the History of Trade in the Vyatka Province]. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii i kalendar' na 1903 god* [The Memorial Book of the Vyatka Province and Calendar for 1903]. Sec. 2. Vyatka, 1902, pp. 126–160.
13. Musikhin A.L. Raskhodnye pamyati zemskim tseloval'nikom – istochnik po istorii Vyatskoy zemli perioda Smuty [Expenditure Documents of Zemstvo Tax Collectors: A Source on the History of the Vyatka Region During the Time of Troubles]. Merzlyakova G.V. (ed.). *Resursnyy potentsial regiona na sluzhbe Otechestvu* [Region's Resource Potential for the Benefit of the Fatherland]. Izhevsk, 2020, pp. 125–136.
14. Musikhin A.L. Vyatskie krest'yane Prozorovy: predystoriya kupecheskoy dinastii i formirovanie kapitala v pervoy polovine XVIII v. [Prozorov Vyatka Peasants: The Merchant Dynasty's Background and the Formation of Capital in the First Half of the 18th Century]. Sudovikov M.S. (ed.). *Iz proshlogo Vyatki: kupecheskie familii, sem'i, litsa* [From the Past of the Vyatka Region: Merchant Surnames, Families, Persons]. Kirov, 2022, pp. 53–61.
15. Zamyatin G.A. (comp.). *Ksenofont Alekseevich Anfilatov: ocherk ego zhizni i deyatelnosti* [Ksenofont Alekseyevich Anfilatov: An Essay on His Life and Work]. Vyatka, 2011. 286 p.
16. Iz "Dnevnykh Zapisok puteshestviya po raznym provintsiiam Rossiyskogo gosudarstva" akad. Lepekhina [From Academician Lepyokhin's "Journal of a Travel Through Various Provinces of the Russian State"]. *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1897 god* [Calendar and the Memorial Book of the Vyatka Province for 1897]. Sec. 4. Vyatka, 1896, pp. 27–44.
17. Mikhaylov V.E. *O glavnykh torgovykh putyakh iz Vyatskoy gubernii k g. Arkhangel'sku i torgovykh pristanyakh* [On the Main Trade Routes from the Vyatka Province to the City of Arkhangel'sk and Trade Piers]. St. Petersburg, 1858. 36 p.
18. Vesnin S.A. *Vani-vyatchane: rasskazy babushki* [Vanyas from the Vyatka Province: Grandma's Stories]. Moscow, 1913. 88 p.
19. Bulychev A. "Nyne k vam pribegayu": zhizneopisanie solovetskogo inoka Afanasiya, napisannoe im samim ["I Now Have Recourse to You": A Biography of the Solovki Monk Athanasius, Written by Himself]. Arkhangel'sk, 2008. 134 p.
20. T-y. Orlovskiy okrug [Orlov Area]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*, 1859, sec. 2, unoffic. pt., no. 22, pp. 144–146.
21. Opisanie uezdov, gorodov i drugikh zamechatel'nykh mestnostey Vyatskoy gubernii [Description of Districts, Towns and Other Notable Areas of the Vyatka Province]. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1870 god* [The Memorial Book of the Vyatka Province for 1870]. Sec. 5. Vyatka, 1870, pp. 75–191.
22. Information of the Vyatka Provincial Statistical Committee on the State of Villages in the Province for 1873. *Central State Archives of the Kirov Region*. Coll. 574. Inv. 1. Fol. 480 (in Russ.).
23. Tokmakov N.M. *Slovar' verkhoyal'skogo velikorusskogo yazyka* [Dictionary of the Verkhne-Lalye Great Russian Language]. Syktyvkar, 2015.
24. Savinov I. Ocherk torgovykh putey k Noshul'skoy i Bykovskoy pristanyam, lezhashchim na reke Luze [Essay on Trade Routes to Noshul and Bykovskaya Piers on the Luza River]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*, 1857, sec. 2, unoffic. pt., no. 37, pp. 247–250.
25. Zharavin V.S. Iskhodnyy punkt – derevnya Kotlas (A.N. Kuznetsov – avtor idei zheleznoy dorogi ot Vyatki do Kotlasa) [Starting Point: Kotlas Village (A.N. Kuznetsov as the Author of the Idea of a Railway from Vyatka to Kotlas)]. Gladkikh S.A. (ed.). *Dvinskaya zemlya*. Iss. 5. Kotlas, 2007, pp. 33–37.
26. Kuznetsov A. Prichiny, prepyatstvuyushchie rasprostraneniyu torgovli v Vyatskom krae [Reasons Preventing the Expansion of Trade in the Vyatka Region]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*, 1858, sec. 2, unoffic. pt., no. 11, pp. 78–81.
27. Kuznetsov A. O torgovle Vyatskoy gubernii s Arkhangel'skom [On the Trade of the Vyatka Province with Arkhangel'sk]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*, 1867, vol. 1, pp. 578–585.

DOI: 10.37482/2687-1505-V248

Vladimir A. Korshunkov

Vyatka State University;
ul. Moskovskaya 36, Kirov, 610000, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6150-8308> e-mail: vla_kor@mail.ru

THE ROUTE TO THE WHITE SEA IN THE 19th CENTURY. PART 1: ROAD STATE AND TRANSPORTATION CONDITIONS

From the Vyatka region, ways led to the north, i.e. to Arkhangelsk and the White Sea coast. Grain, flour, flaxseed, and hemp from the region's towns – Khlynov (Vyatka), Slobodskoy, Kotelnich, and Orlov – as well as goods from the Volga and Kama regions were exported along these routes every winter for several centuries. Through dense forests and then on river barges, the cargo was transported to Arkhangelsk. Back to the south they sent fish and imported goods. This paper examines the state of roads that ran from the central part of the Vyatka region to the river piers (mainly in the 19th century). The purpose of this study is to determine how the condition of roads and roadside facilities affected interregional trade in agricultural goods. This topic is considered here in the context of the so-called road tradition of Russia (in other words, road daily life, road culture, traditional travel culture). The road tradition is the conditions, circumstances, and situations that accompanied journeys by land over long distances. It was very difficult to get with cargo to the northern river piers along cart roads, since the way was long and ran through sparsely populated wooded areas. Winter roads were full of potholes; sledges would break down, and the horses would get completely exhausted. These problems hampered the economic activity of millions of people: costs were significant while earnings were low. In addition, the transported goods were raw materials or agricultural products with low level of processing. Bad roads stimulated the search for fundamentally different ways of delivering cargo to the White Sea.

Keywords: *Russian North, Vyatka region, interregional trade, overland communication routes, road tradition of Russia, memoir, archival sources.*

Поступила 20.09.2022
Принята 20.03.2023
Опубликована 04.04.2023

Received 20 September 2022
Accepted 20 March 2023
Published 4 April 2023

For citation: Korshunkov V.A. The Route to the White Sea in the 19th Century. Part 1: Road State and Transportation Conditions. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 5–13. DOI: 10.37482/2687-1505-V248

УДК [94(470)+94(73)]:327

DOI: 10.37482/2687-1505-V255

*ЛУКЬЯНОВ Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч. одной монографии**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

ПРОБЛЕМА «НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И США В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI века

Статья посвящена анализу проблемы «несостоявшегося государства» в современных международных отношениях. Осуществляется рассмотрение проблемы «несостоявшегося государства» как одного из важнейших факторов, влияющих на современные геополитические процессы. Дается краткий обзор степени изученности вопроса экспертным сообществом. Основная часть статьи посвящена рассмотрению роли «несостоявшегося государства» во внешней политике России и США на современном этапе. Констатируется факт крайне высокого уровня напряженности в российско-американских отношениях, анализируется использование сторонами «несостоявшихся государств» как инструмента достижения геополитических целей. Проблема рассматривается в историко-политической ретроспективе – начиная с периода холодной войны и заканчивая современной ситуацией. При изучении внешней политики США конца XX – начала XXI века демонстрируется значение «несостоявшегося государства» как обоснование претензий США на доминирующее положение в мире после краха биполярной системы международных отношений, права на проведение военных операций без учета позиции мирового сообщества и ООН. Применительно к России анализируется значение фактора «несостоявшегося государства» во внешней политике на постсоветском пространстве, прежде всего в аспекте политического кризиса на Украине. Автор приходит к выводу о том, что проблема носит в значительной мере искусственный характер, а «несостоявшиеся государства» используются в первую очередь как инструмент внешней политики государств, доминирующих в международных отношениях. В заключение статьи автор пытается предложить пути решения проблемы в нынешних геополитических реалиях, особенно в контексте внешней политики России и США.

Ключевые слова: «несостоявшееся государство», внешняя политика России, внешняя политика США, постсоветское пространство, украинский политический кризис.

* Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67; e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru

Для цитирования: Лукьянов В.Ю. Проблема «несостоявшегося государства» во внешней политике России и США в конце XX – начале XXI века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 14–23. DOI: 10.37482/2687-1505-V255

Очевидным является тот факт, что система международных отношений находится в состоянии глубокого кризиса. Политические конфликты на Украине и Ближнем Востоке, ситуация вокруг Тайваня, ядерная проблема Северной Кореи делают ситуацию в мире крайне опасной и непредсказуемой.

При всем многообразии проблем важнейшей из них является, по нашему мнению, проблема отношений России и Соединенных Штатов Америки (США). Отношения этих государств находятся в состоянии высокой степени напряженности, аналог которой трудно найти даже в период холодной войны. В свою очередь, именно от России и США в значительной степени зависит построение стабильной и предсказуемой системы международных отношений. Инструменты борьбы сторон разнообразны – опосредованное противостояние (конфликты в Сирии и на Украине), санкции. Важнейшей сферой противостояния являются так называемые гибридные войны. Их роли в формировании системы международных отношений в целом и российско-американских отношений в частности автор посвятил одну из предыдущих работ [1].

Особое место в российско-американском противостоянии занимает проблема так называемого несостоявшегося государства, рассмотрению которой посвящена предлагаемая статья.

Общепризнанного определения «несостоявшегося государства» не существует. В самом общем виде его можно описать как государство, власти которого не в состоянии справиться со своими функциями. Столь известная и авторитетная международная структура как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет несостоявшееся государство (используя термин «неустойчивое государство») следующим образом: «Неустой-

чивые государства – это государства, которые демонстрируют неспособность и/или нежелание обеспечивать выполнение своих основных функций, необходимых для искоренения бедности, развития, обеспечения безопасности и защиты прав граждан»¹.

Однако приведенное определение является одним из многих существующих. Общеизвестной дефиниции «несостоявшегося государства», повторим, не существует.

Актуален вопрос – на основании каких критериев государство можно назвать несостоявшимся? Как в отечественной, так и в зарубежной науке имеет место широкий разброс мнений по этому поводу [2–6]. В основном признаками «несостоятельности» считаются неэффективность системы управления, низкий уровень жизни, коррупция, низкая степень защищенности граждан от преступности, отсутствие или недостаточный уровень развития политических прав и свобод, высокая степень неравенства между различными социальными группами².

Неопределенность критериев привела к появлению большого числа интерпретаций «несостоявшихся государств». Их определяют как «хрупкие», «рухнувшие», «недееспособные», «парагосударства» «неустойчивые государства» и т. д. Усилия экспертов сосредотачиваются на том, чтобы осмыслить различия и специфику этих новаций [7; 8].

Чаще всего в качестве альтернативы термину «несостоявшееся государство» используется дефиниция «неустойчивое государство». Необходимо остановиться на кратком анализе их соотношения. Толчком к возникновению термина «несостоявшееся государство» стали события конца XX века – распад биполярной системы международных отношений, кризисы, поставившие под угрозу само существование многих государств мира. Именно тогда вводится в оборот

¹Principles for Good International Engagement in Fragile States & Situations // OECD. URL: <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/38368714/pdf> (дата обращения: 19.10.2022).

²The Fund for Peace. Failed States Index 2013. URL: <https://www.failedstatesindex.org> (дата обращения: 20.10.2022).

категория «несостоявшееся государство» [9]. Однако «...термин “несостоявшееся государство” мог быть применен лишь к очень узкой группе государств, в то время как политические элиты в США, Великобритании и ряде других стран – членов НАТО демонстрировали готовность к более радикальной перестройке международной системы с применением максимально широкого спектра инструментов воздействия – как военных, так и невоенных» [10, с. 28–29]. В итоге был введен в оборот «более инклюзивный (т. е. объединяющий в единое целое сразу несколько типов государств, находящихся в состоянии угрозы потери государственности. – В.Л.) и менее уничижительный термин “неустойчивое государство”» [10, с. 28–29]. То есть изменение терминологии – от «несостоявшегося» на «неустойчивое» – было обусловлено соображениями политической конъюнктуры, необходимостью распространения категории «несостоявшееся» на как можно большее количество государств.

Мы, разумеется, понимаем, что между названными категориями – «несостоявшееся», «неустойчивое», «хрупкое», «неудачное» – существуют различия, ставшие предметом серьезной дискуссии. Однако сравнительный анализ указанных категорий не является целью статьи. Задачей исследования видится рассмотрение использования государств, принадлежащих к описанным выше категориям, как фактор, влияющий на геополитические процессы. По этой причине мы считаем возможным условно объединить все названные государства термином «несостоявшиеся».

Перейдем теперь к рассмотрению роли «несостоявшегося государства» в геополитических процессах. Следует, на наш взгляд, выделить несколько принципиально важных моментов.

Во-первых, множественность интерпретаций создает почву для политических спекуляций, позволяет отнести к категории «несосто-

явшегося» практически любое «непонравившееся» государство [11].

Во-вторых, применение термина «несостоявшееся» может служить оправданием для отказа в признании правительства государства законным, введения санкций и даже начала военной интервенции. Подобный подход позволяет обойти базовый принцип обеспечения международной безопасности, сформулированный в Уставе Организации Объединенных Наций (ООН), – военная операция против какого-либо государства возможна только с разрешения Совета Безопасности ООН.

В-третьих, «несостоявшиеся государства» являются источником международной нестабильности. Достаточно распространена в экспертном сообществе позиция, согласно которой целые регионы мира, прежде всего Ближний Восток и Африка, превратились в огромное «несостоявшееся государство», стали источником терроризма, нищеты, угрозы для мирового сообщества и т. д. [12, 13]. Хотелось бы, однако, заметить, что подобные утверждения являются как минимум спорными и требуют серьезной аргументации. Мы затрагиваем их в контексте статьи исключительно с целью осуществления попытки анализа всех имеющихся точек зрения.

Тем не менее, несмотря на спорность приведенной выше позиции, не приходится отрицать тот факт, что внутренняя нестабильность увеличивает вероятность превращения государства в источник угрозы для сопредельных стран. Показательный пример – небезызвестное Исламское государство (ИГ), в течение длительного периода времени контролировавшее значительные территории на Ближнем Востоке³.

ИГ, разумеется, не является государством в общепризнанном понимании слова. ИГ – террористическая структура. Важно, однако, то, что оно появилось в результате ввода войск США в Ирак в 2003 году. Следствием данной операции оказались утрата контроля над ситуацией в стране, рост влияния террористических, экстремистских группировок, что и стало причиной возникно-

³Деятельность Исламского государства запрещена на территории Российской Федерации.

вения ИГ. Примечательно, что президент США Б. Обама признал, что именно ошибки, допущенные руководством страны после ввода войск в Ирак, привели к созданию ИГ⁴.

В-четвертых, военные интервенции, проводимые против «несостоявшихся государств» с целью стабилизации ситуации, проведения реформ и перехода к демократической модели государственного устройства, приводят к обратному результату, поскольку «...внешние интервенции подрывают внутренние мотивы к реформам, перенося ответственность за лучшее будущее с местного руководства на внешних субъектов» [14]. То есть внешняя интервенция лишь усугубляет проблему – усиливает нестабильность, не позволяет провести эффективные экономические реформы, побороть преступность и т. д.

Актуальность проблемы «несостоявшегося государства» достигла критического уровня в наши дни. В годы холодной войны, в условиях фактического деления мира на две глобальные сферы геополитического влияния – советскую и американскую, большинство государств находились под контролем Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и США, что гарантировало им определенный уровень политической и экономической стабильности, защиту от угрозы внешней агрессии, внутренних беспорядков и т. д. Однако после распада СССР и краха биполярной системы резко возрастает число конфликтов, кризисов, гражданских войн, что ведет к политической и экономической нестабильности, снижению уровня жизни, росту преступности и терроризма. То есть увеличивается масштаб процессов, наличие которых как раз и позволяет отнести государство к «несостоявшимся».

Особую роль фактор «несостоявшегося государства» играет во внешней политике России и США. Остановимся на рассмотрении этого вопроса более подробно.

После распада СССР США, оставшись единственной сверхдержавой, взяли курс на достижение доминирующего положения в международных отношениях. Проблема состояла в том, что США лишились идеологического фундамента доминирования. В годы холодной войны обоснование претензий на роль гегемона базировалось на том, что США являются оплотом «свободного мира» в борьбе против коммунизма.

Идеологическая «замена» идее борьбы с мировым коммунизмом была найдена достаточно быстро. Уже в первых доктринах внешней политики, принятых в период 1990-х годов, обоснованием доминирования стал тезис о том, что историческая миссия США после краха коммунизма заключается в распространении демократии⁵. Под этим понималась помощь государствам, вступившим на путь построения демократии, в проведении реформ, направленных на создание модели государственного устройства, основанной на принципах рыночной экономики, политической свободы, уважения прав человека, многопартийности, избираемости власти, правового государства и т. д.

Однако сама по себе идея распространения демократии не могла обосновать право на открытое вмешательство в дела других государств, введение политических и экономических санкций, военные интервенции. По этой причине она была дополнена тезисом о новом вызове международной безопасности, для борьбы с которым необходимо глобальное доминирование США. Таковыми стали «несостоявшиеся государства» [14; 15].

⁴Барак Обама назвал появление ИГ результатом действий США на Ближнем Востоке. URL: <https://newsland.com/post/3354570-barak-obama-nazval-poiavlenie-ig-rezultatom-deistvii-ssha-na-blizhnem-vostoke> (дата обращения: 21.10.2022);

⁵National Security Strategy of Engagement and Enlargement. February 1995. URL: <https://www.globalsecurity.org> (дата обращения: 08.10.2022). A National Security Strategy for a New Century. May 1997. URL: <https://www.csp.aerospace.org> (дата обращения: 08.10.2022).

Принципиальное значение имело событие 11 сентября 2001 года, после которого главным врагом мирового порядка был назван международный терроризм. В свою очередь, концепции «несостоявшегося государства» «идеально подходили для решения задач объявленной (после событий 11 сентября. – В.Л.) администрацией Дж. Буша младшего “глобальной войны” с терроризмом» [10, с. 28].

Именно после 11 сентября 2001 года появляется большое количество интерпретаций «несостоявшегося государства». В политический язык руководства США входят такие термины, как «ось зла»⁶, «страны-изгои»⁷, «государства-спонсоры международного терроризма»⁸ и т. д. Главная мысль заключалась в том, что государства, относящиеся к названным категориям, являются угрозой глобальной безопасности. Именно поэтому США имеют право, минуя в случае необходимости ООН и игнорируя мнение мирового сообщества, применить против этих государств жесткие меры, вплоть до открытой военной интервенции.

Существует и точка зрения о том, что «несостоявшееся государство» как инструмент внешней политики использует Россия. Она применяет термин «несостоявшееся государство» почти исключительно для постсоветского пространства. Многие республики бывшего СССР – Украина, Грузия, Молдавия относятся, по мнению руководства страны, к категории «несостоявшихся». Именно в силу своей несостоятельности они должны перейти под контроль и опеку России [16].

Прежде всего к «несостоявшимся государствам» на постсоветском пространстве относится Украина. Подобная позиция вполне объяснима, т. к. именно Украина после событий 2013 года стала главной «болевым точкой» постсоветского пространства, местом столкновения интересов России и Запада. Начатая Россией в феврале 2022 года специальная военная операция перевела украинский политический кризис на международный уровень, предельно обострила отношения России и США, России и Запада в целом. Оценка ситуации на Украине, данная российской стороной, сводится к следующим положениям.

Украина как государство не самостоятельна и фактически находится под внешним (американским) управлением, используется США как инструмент для борьбы с Россией. Украина расколота по национальному признаку, имеет неэффективную, коррумпированную систему управления [17; 18]. В этой стране после событий 2013–2014 годов возник преступный режим, героизирующий нацизм и пытающийся осуществить проект «Анти-Россия», подразумевающий воспитание украинцев в духе ненависти к России⁹.

Именно утверждениями о несамостоятельности Украины и ее превращении в инструмент борьбы против России, используемый Западом, и невозможности диалога с теми политическими силами, которые принимают решения и действуют от ее имени, руководство России аргументировало начало проведения специальной военной операции в феврале 2022 года.

Сопоставление роли «несостоявшегося государства» во внешней политике России и США

⁶The White House President Delivers State of the Union Address. URL: <https://www.georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения: 11.09.2022).

⁷Стратегия национальной безопасности США 2002 // Рос. прав. портал: Библ. Пашкова. URL: <https://www.constitutions.ru/?p=5292> (дата обращения: 11.10.2022).

⁸US Department of State. States Sponsors of Terrorism. Bureau of Counterterrorism. URL: <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism/> (дата обращения: 09.09.2022).

⁹Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66181> (дата обращения: 10.11.2022).

мы хотели бы завершить следующим выводом. Ни Россия, ни США не используют аргумент «несостоявшегося государства» открыто. США, как было показано выше, применяют близкие по смыслу определения: «страны-изгои», «ось зла», «государства спонсоры терроризма» и т. д. Российская сторона не использует определение «несостоявшееся государство» ни прямо, ни в виде близких по смыслу терминов. По этой причине с формальной точки зрения утверждение о том, что США и Россия применяют тезис о «несостоявшемся государстве» для обоснования действий, предпринимаемых на мировой арене, неверно. Однако анализ внешней политики России и США в XXI веке показывает, что фактически дело обстоит именно так. Во всех наиболее резонансных случаях решения внешнеполитических проблем – ввод войск США в Ирак и Афганистан – специальная военная операция России на Украине – использование военных методов аргументировалось утверждениями о несостоятельности названных государств – наличием в них ситуации хаоса и гуманитарной катастрофы, тоталитарных или террористических режимов, являющихся угрозой для международной безопасности, фактической утратой государством суверенитета, в результате установления над ним внешнего контроля.

В заключение остановимся на подведении итогов и анализе возможных методов решения проблемы.

Автор считает возможным сделать следующие выводы.

Решение проблемы крайне затрудняет наличие противоречивых, разнонаправленных тенденций.

С одной стороны, проблема «несостоявшегося государства», безусловно, имеет место. В мире сегодня существует немало государств, находящихся в ситуации гуманитарной катастрофы, высокого уровня коррупции, неэффективности работы государственного аппарата, внутренних конфликтов, гражданских войн и т. д.

С другой стороны – данная проблема носит в значительной степени надуманный, искусственный характер. Как уже отмечалось выше, отсутствие общепризнанных критериев «несостоятельности» является оправданием для проведения агрессивной внешней политики. То есть «несостоявшееся государство» – это прежде всего инструмент внешней политики и только потом проблема, требующая решения.

В современных международных отношениях этим инструментом пользуются прежде всего Россия и США. Следует, однако, отметить, что, с точки зрения автора, между использованием «несостоявшегося государства» Россией и США нельзя ставить знак равенства. США применяют данный тезис в качестве обоснования для военных интервенций на территории государств, расположенных за тысячи километров от границ страны и не представляющих для них непосредственной угрозы.

Россия использует аргумент о «несостоявшемся государстве» при проведении внешней политики на постсоветском пространстве, ставя перед собой цель создать «пояс безопасности» по периметру собственных границ. Обвинения в адрес России в проведении агрессивной внешней политики в отношении республик бывшего СССР связаны прежде всего с нынешними событиями на Украине. Следует, однако, понимать, что действия России на Украине, проведение специальной военной операции носят вынужденный характер, являются реакцией на продолжавшуюся в течение трех десятилетий после распада СССР политику Запада – процесс расширения НАТО на Восток, военные интервенции, политику «навязывания демократии», проводимую практически по всему миру.

Весьма показательно, что идею о вынужденности проведения Россией военной операции на Украине, вине Запада в сложившейся ситуации разделяют и западные эксперты, по мнению которых, ошибка и одновременно вина Запада, приведшая к нынешней ситуации, – процесс расширения НАТО на Восток и

стремление сделать Украину бастионом запада на границах России, игнорирование ее возражений по этому поводу¹⁰.

Каковы же возможные пути решения проблемы «несостоявшегося государства»?

Как уже говорилось выше, главным препятствием к решению проблемы является отсутствие общепризнанных критериев «несостоявшегося государства», что и открывает путь к политическим спекуляциям, агрессии, интервенциям. Логично было бы предположить, что решить проблему поможет выработка ясных, не допускающих двойного толкования характеристик «несостоявшегося государства».

Однако решение проблемы подобным способом маловероятно. Причина этого, как нам представляется, заключается в двух моментах.

Во-первых – сложность выработки критериев как собственно «несостоятельности», так и, самое главное, универсальных методов трансформации «несостоявшегося государства» в «состоявшееся». Подход Запада к решению вопроса, берущий начало в концепции «конца истории» Ф. Фукуямы, заключается в идее универсальности и эффективности западной модели как в политической, так и в социально-экономической области. Копирование западной модели государственно-политического и социально-экономического устройства априори приведет не только к росту уровня жизни, но и к появлению гражданского общества, базирующегося на ценностях свободы, уважении прав человека, правового государства и т. д. Однако государства отличаются друг от друга не только уровнем жизни, наличием или отсутствием политических прав и свобод, рыночной экономики, но и традициями, менталитетом, куль-

турной самобытностью. Именно поэтому попытки создания «состоявшегося» государства путем его «демократизации» далеко не всегда оказываются эффективны¹¹. Это обстоятельство делает возможность выработки общих, универсальных критериев сомнительной.

Вторая и, как нам представляется, не менее важная причина невозможности формулирования универсальных критериев состоит в незаинтересованности государств, определяющих ход современных геополитических процессов, в принятии четких характеристик «несостоявшегося государства». Как уже отмечалось выше, именно отсутствие определенности в критериях позволяет при желании отнести к категории «несостоявшихся» практически любое государство, что, в свою очередь, дает основание для интервенций, вторжений, санкций и т. д. Очевидно, что появление понятных и универсальных критериев «несостоятельности» существенно сузит возможности для подобного рода злоупотреблений.

Каковы же могут быть пути решения проблемы «несостоявшихся государств»?

Как нам представляется, наиболее перспективными являются два направления деятельности.

Первое – усиление позиций в решении вопроса «несостоявшихся государств» надгосударственных структур, прежде всего ООН. Впервые попытка решения проблемы была предпринята еще Лигой Наций, преемницей которой является ООН. В рамках Лиги Наций возникла так называемая мандатная система. Ее суть заключалась в установлении внешнего управления над территориями, которые в период после Первой мировой войны не в состоянии были самостоятельно решить проблемы

¹⁰ Джон Миршаймер: Эту борьбу Владимир Путин проиграть не может // Деловая электрон. газ. «Бизнес Online». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/550147> (дата обращения: 20.10.2022); Джон Миршаймер: «НАТО готово воевать с Россией до последнего украинца» // Завтра.ру. URL: https://zavtra.ru/blogs/dzhon_mirshajmer_zapad_nesyot_glavnuyu_otvetstvennost_za_proishodyashee (дата обращения: 11.11.2022); Профессор Чарльз Купчан: расширение НАТО пора прекратить // MixedNews. Переводы без рерайта и копипасты. URL: <https://www.mixednews.ru/archives/119541> (дата обращения: 21.10.2022).

¹¹ Нагляднее всего это видно на полном провале усилий по «демократизации» Ирака и Афганистана в XXI веке.

государственно-политического и социально-экономического развития. Опека доверялась наиболее развитым государствам, которые управляли этими территориями от имени Лиги Наций. Кроме того, она контролировала ситуацию на подмандатной территории, а сама задача мандатной системы заключалась в том, чтобы подготовить подмандатные территории к обретению самостоятельности¹².

Данная структура была заменена системой опеки ООН, просуществовавшей до 1960 года. При этом, однако, практика опеки осталась и перешла в руки Совета по опеке ООН, задача которого заключалась в том, чтобы «содействовать улучшению положения населения подопечных территорий и их прогрессивному развитию в направлении самоуправления и независимости»¹³. Структура прекратила работу в 1994 году в связи с обретением последней подопечной территорией – Палау независимости. Совет, однако, может быть собран по мере необходимости по просьбе Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности ООН¹⁴. Как нам представляется, с учетом складывающейся ситуации перспективным выглядит усиление влияния и расширение полномочий Совета по

опеке, возможно даже возобновление его работы на постоянной основе.

Второе, главное направление решения проблемы – создание стабильной системы международных отношений, в основе которой лежали бы договоренности о принципах взаимодействия государств на международной арене, сферах геополитического влияния, механизма «баланса сил» и т. д. Основная проблема современности – незавершенность процесса формирования системы международных отношений, начавшегося после распада биполярной модели периода холодной войны. В течение тридцати с лишним лет международные отношения находятся в состоянии нестабильности, анархии, хаотичности. Именно это и порождает крайне высокий уровень кризисности в современном мире, предельно обостряет все проблемы – как реальные, так и потенциальные. Лишь достижение договоренности о базовых принципах устройства международных отношений между ведущими государствами мира, не в последнюю очередь – между Россией и США, позволит эффективно решать существующие в области международных отношений проблемы, в т. ч. и проблему «несостоявшегося государства».

Список литературы

1. Лукьянов В.Ю. Гибридные войны как угроза безопасности в XXI веке // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 5–14. DOI: [10.37482/2687-1505-V098](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V098)
2. Rotberg R.I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // State Failure and State Weakness in a Time of Terror / ed. by R. Rotberg. Cambridge: World Peace Foundation, 2003. P. 1–25.
3. Rotberg R.I. The New Nature of Nation-State Failure // Wash. Q. 2002. Vol. 25, № 3. P. 85–96.
4. Fukuyama F. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 160 p.
5. Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Полит. исследования. 2019. № 3. С. 49–68. DOI: [10.17976/jpps/2019.03.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04)
6. Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. Полит. исследования. 2012. № 2. С. 8–30.
7. Nay O. Fragile and Failed States: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids // Int. Political Sci. Rev. 2013. Vol. 34, № 3. P. 326–341. DOI: [10.1177/0192512113480054](https://doi.org/10.1177/0192512113480054)

¹²Мандатная система Лиги Наций. URL: <https://338-ru.livejournal.com/91175.html> (дата обращения: 08.11.2022).

¹³Совет по Опеке // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/about-us/trusteeship-council> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁴Там же.

8. Pospisil J., Kühn F.P. The Resilient State: New Regulatory Modes in International Approaches to State Building // *Third World Q.* 2016. Vol. 37, № 1. P. 1–16. DOI: [10.1080/01436597.2015.1086637](https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086637)
9. Helman G.B., Ratner S.R. Saving Failed States // *Foreign Policy*. 1992–1993. Vol. 89. P. 3–20.
10. Барте́нев В.И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // *Полит. исслед.* 2017. № 2. С. 26–41. DOI: [10.17976/jpps/2017.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.03)
11. Арутюнова Г.И. Анатомия «неудавшегося»/«несостоявшегося» государства // *Актуальные проблемы гуманитар. и естеств. наук*. 2014. № 6-1. С. 206–210.
12. Чебыкина Н.Р., Молодавкин В.И. Failed states и квазигосударства: международно-правовой анализ // *Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Право*. 2018. № 3(56). С. 54–58. DOI: [10.25513/1990-5173.2018.3.54-58](https://doi.org/10.25513/1990-5173.2018.3.54-58)
13. Пахомова Е.А. Failed state и «серые зоны» мировой политики: порождение современности или пережитки прошлого // *Вестн. Омск. юрид. акад.* 2017. Т. 14, № 1. С. 10–14. DOI: [10.19073/2306-1340-2017-14-1-10-14](https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-1-10-14)
14. Mazarr M.J. The Rise and Fall of the Failed-State Paradigm: Requiem for a Decade of Distraction // *Foreign Affairs*. January/February 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/world/rise-and-fall-failed-state-paradigm> (дата обращения: 09.09.2022).
15. Voas M., Jennings K.M. 'Failed States' and 'State Failure': Threats or Opportunities? // *Globalizations*. 2007. Vol. 4, № 4. P. 475–485.
16. Подви́нцев О.Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук*. 2007. № 7. С. 204–214.
17. Бочарников И.В., Овсянникова О.А. Кризис и трансформации современной миросистемы // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник: материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. в рамках Обществ.-науч. форума «Здравствуй, Россия»* / отв. ред. В.И. Герасимов. М.: Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2020. Вып. 3, ч. 2. С. 37–41.
18. Блохин К.В. Россия и Запад. Военно-политический конфликт 2022 года. Меняя правила игры // *Свободная мысль*. 2022. № 2(1692). С. 25–34.

References

1. Luk'yanov V.Yu. Hybrid Wars as a Security Threat in the 21st Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 5–14. DOI: [10.37482/2687-1505-V098](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V098)
2. Rotberg R.I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. Rotberg R.I. (ed.). *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Cambridge, 2003, pp. 1–25.
3. Rotberg R.I. The New Nature of Nation-State Failure. *Wash. Q.*, 2002, vol. 25, no. 3, pp. 85–96.
4. Fukuyama F. *State-Building: Governance and World Order in the 21st Century*. Ithaca, 2004. 160 p.
5. Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? An Experiment with Empirical Research. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2019, no. 3, pp. 49–68 (in Russ.). DOI: [10.17976/jpps/2019.03.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04)
6. Mel'vil' A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. Traektorii rezhimnykh transformatsiy i tipy gosudarstvennoy sostoyatel'nosti [Trajectories of Regime Transformations and Types of State Non-Failure]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012, no. 2, pp. 8–30.
7. Nay O. Fragile and Failed States: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids. *Int. Political Sci. Rev.*, 2013, vol. 34, no. 3, pp. 326–341. DOI: [10.1177/0192512113480054](https://doi.org/10.1177/0192512113480054)
8. Pospisil J., Kühn F.P. The Resilient State: New Regulatory Modes in International Approaches to State Building. *Third World Q.*, 2016, vol. 37, no. 1, pp. 1–16. DOI: [10.1080/01436597.2015.1086637](https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086637)
9. Helman G.B., Ratner S.R. Saving Failed States. *Foreign Policy*, 1992–1993, vol. 89, pp. 3–20.
10. Bartenev V.I. From 'Failed States' to 'States of Fragility': Logic of Conceptual Acrobatics. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, no. 2, pp. 26–41 (in Russ.). DOI: [10.17976/jpps/2017.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.03)
11. Arutyunova G.I. Anatomiya "neudavshegosya" / "nesostoyavshegosya" gosudarstva [The Anatomy of a Failed State]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2014, no. 6-1, pp. 206–210.
12. Chebykina N.R., Molodavkin V.I. Failed states i kvazigosudarstva: mezhdunarodno-pravovoy analiz [Failed States and Quasi-States: International Legal Analysis]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo*, 2018, no. 3, pp. 54–58. DOI: [10.25513/1990-5173.2018.3.54-58](https://doi.org/10.25513/1990-5173.2018.3.54-58)

13. Pakhomova E.A. Failed state i "serye zony" mirovoy politiki: porozhdenie sovremennosti ili perezhitki proshlogo ["Failed State" and "Gray Areas" of World Politics: The Present Generation or Past]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 10–14. DOI: [10.19073/2306-1340-2017-14-1-10-14](https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-1-10-14)

14. Mazarr M.J. The Rise and Fall of the Failed-State Paradigm: Requiem for a Decade of Distraction. *Foreign Affairs*, January/February 2014. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/world/rise-and-fall-failed-state-paradigm> (accessed: 9 September 2022).

15. Bøås M., Jennings K.M. 'Failed States' and 'State Failure': Threats or Opportunities? *Globalizations*, 2007, vol. 4, no. 4, pp. 475–485. DOI: [10.1080/14747730701695729](https://doi.org/10.1080/14747730701695729)

16. Podvintsev O.B. Ideya "nesostoyavshikhnya gosudarstv" v rossiyskom postimperskom kontekste [The Idea of Failed States in the Russian Post-Imperial Context]. *Nauchnyy ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya rossiyskoy akademii nauk*, 2007, no. 7, pp. 204–214.

17. Bocharnikov I.V., Ovsyannikova O.A. Krizis i transformatsii sovremennoy mirosistemy [Crisis and Transformations of the Modern World-System]. Gerasimov V.I. (ed.). *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]. Moscow, 2020. Iss. 3, pt. 2, pp. 37–41.

18. Blokhin K.V. Rossiya i Zapad. Voенно-politicheskiy konflikt 2022 goda. Menyaya pravila igry [Russia and the West. Military-Political Conflict in 2022. Changing the Rules of the Game]. *Svobodnaya mysl'*, 2022, no. 2, pp. 25–34.

DOI: 10.37482/2687-1505-V255

Vladimir Yu. Luk'yanov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;

ul. Bol'shaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733> e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru

THE FAILED STATE PROBLEM IN THE FOREIGN POLICIES OF RUSSIA AND THE USA IN THE LATE 20th AND EARLY 21st CENTURIES

This article analyses the problem of the so-called failed state in modern international relations. The failed state problem is considered here as one of the most important factors influencing geopolitics today. The paper provides a brief overview of studies into this issue and elaborates on the role of the failed state in the foreign policies of Russia and the United States at the present stage. The high level of tension in the US–Russia relations is pointed out; the use of failed states by the two parties as a tool for achieving their geopolitical goals is analysed. The problem is considered in a historical and political retrospective, from the Cold War period to the present day. In the foreign policy of the USA in the late 20th and early 21st centuries, the failed state factor was used to support the country's claim for global dominance after the collapse of the bipolar system of international relations and for the right to conduct military operations regardless of the stance of the global community and the United Nations. In the case of Russia, the paper demonstrates the importance of the failed state factor in the country's foreign policy on the post-Soviet states, primarily when it comes to the political crises in Ukraine. The author concludes that the problem is largely contrived, while failed states are being used primarily as a foreign policy tool by the key geopolitical actors. Lastly, the author suggests ways to solve this problem in the current geopolitical situation, especially in the context of the foreign policies of Russia and the USA.

Keywords: *failed state, foreign policy of Russia, foreign policy of the USA, post-Soviet states, Ukrainian political crisis.*

Поступила 07.12.2022

Принята 05.04.2023

Опубликована 06.04.2023

Received 7 December 2022

Accepted 5 April 2023

Published 6 April 2023

For citation: Luk'yanov V.Yu. The Failed State Problem in the Foreign Policies of Russia and the USA in the Late 20th and Early 21st Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 14–23. DOI: 10.37482/2687-1505-V255

УДК 94(47).084.3:342.5

DOI: 10.3748462/2687-1505-V254

*ШУНЯКОВ Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, профессор военного учебного центра Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 39 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2649-4179>

НАГРАЖДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1933–1941)

Анализируется опыт наградной практики правоохранительных органов после образования единого наркомата внутренних дел при слиянии ОГПУ СССР и МВД советских республик в 1933 году вплоть до начала Великой Отечественной войны. Констатируется, что пограничные и внутренние войска НКВД, входившие в состав советских Вооруженных сил, приняли активное участие в вооруженных конфликтах с Японией и Финляндией. Исследование проводилось на основе принципов историзма, объективности и системности. Необходимость обработки количественных данных о награжденных в ходе предвоенных вооруженных конфликтов обусловила использование метода статистического анализа для подсчета данных, полученных в результате применения метода сплошной выборки. На основе изучения архивных материалов, опубликованных данных и источников личного происхождения утверждается, что на момент слияния наградные системы ОГПУ СССР и МВД республик были аналогичными, в т. ч. имелись похожие по смыслу ведомственные отличия. Констатируется, что практически весь исследуемый период, вплоть до учреждения единой ведомственной награды «Заслуженный работник НКВД» в 1940 году, продолжалось награждение ранее существовавшими аналогичными знаками ВЧК–ОГПУ и рабоче-крестьянской милиции. Наград для поощрения правоохранительной деятельности учреждено не было, поэтому часто применялись государственные знаки отличия, имевшие «трудовой» статус. Наградная практика предвоенных конфликтов показывает, что сотрудники внутренних и пограничных войск НКВД премировались аналогично военнослужащим РККА, при этом их количество составило примерно 3 % от общего числа награжденных. Вследствие подчинения в период военных операций частей и соединений НКВД армейскому командованию награждение чекистов было затруднено из-за замкнутости силовых структур на разные наркоматы. Автор приходит к выводу, что для поощрения правоохранительной деятельности государственные награды применялись редко, наиболее часто сотрудники (коллективы) НКВД отмечались ведомственными отличиями, имевшими материальное (ценные подарки, в т. ч. наградное оружие, а также финансовое стимулирование) или моральное (грамоты и благодарности) значение.

Ключевые слова: СССР, НКВД, пограничные войска, внутренние войска, награда, орден, ценный подарок.

*Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: konigsberg039@mail.ru

Для цитирования: Шуныков Д.В. Награждение сотрудников правоохранительных органов в предвоенный период (1933–1941) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 24–33. DOI: 10.37482/2687-1505-V254

Введение

Изучение исторической литературы показало, что тема награждения сотрудников Народно-го комиссариата внутренних дел (НКВД) после образования в 1934 году единого наркомата внутренних дел не являлась предметом специального исследования. В работах П.В. Ахманаева, Г.А. Колесникова, М.А. Рогова, В.С. Антонова и др. [1–5] история орденов, медалей, ведомственных знаков рассматривается через призму фальсификации – вспомогательной исторической дисциплины. Основное внимание сосредоточено на изучении процесса учреждения и описании самих наград. Данное исследование призвано дополнить эти работы, провести комплексный анализ системы премирования сотрудников НКВД как составной части наградной системы Советского Союза. Наравне с наградами рассматриваются и другие формы поощрения, такие как ценные подарки и премирование деньгами, гратификация правоохранительной деятельности, а также нематериальное поощрение (благодарности, грамоты, почетные наименования военных подразделений и пр.).

Источниками настоящего исследования являются законодательные и архивные материалы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива Министерства обороны, сборники приказов и постановлений, публикации о деятельности наградных органов [6–14]. Анализ данных позволил установить, что войска НКВД (пограничные, внутренние) в обозначенный период входили в состав Вооруженных сил и применялись в предвоенных конфликтах с Японией и Финляндией, поступая в распоряжение армейского командования. Практика показала, что предвоенная концепция совместного применения частей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и НКВД не выдержала испытания боевыми действиями, нередко части пограничных войск (особенно ярко это проявилось в ходе советско-финской войны) применялись как обычные армейские стрелковые части, следствием чего являлись большие потери из-за отсутствия тяжелого вооружения

и недостаточной подготовки личного состава. И тем не менее бойцы войск НКВД совершали подвиги и награждались государственными и ведомственными знаками отличия. Процесс награждения бойцов пограничных и внутренних войск того периода серьезно усложняла иерархичность подчинения, когда части войск НКВД оперативно действовали в структуре Народно-го комиссариата обороны (НКО), а поощрялись по наградной системе НКВД.

Изучение списков награжденных в предвоенных конфликтах показало, что сотрудники НКВД отмечались теми же государственными наградами, что и военнослужащие РККА и Военно-морского флота (ВМФ). В число награжденных входили и сотрудники особых отделов в составе войсковых формирований. Сотрудники органов НКВД составили примерно 3 % от общего количества награжденных. Народные комиссариаты обороны и внутренних дел имели аналогичные наградные системы, отличавшиеся перечнем ведомственных наград, обусловленных спецификой применения силовых структур [15–30].

В исследуемый период произошли упрощение системы уголовно-правовой базы следствия, введение практики «троек», установление 10-дневного срока окончания дела, лишение права обжалования и кассации, что привело к снижению следующих видов преступлений: криминальных, трудовых, воинских, коэффициент судимости по Союзу Советских Социалистических Республик (СССР) сократился более чем в 2 раза (до 55,4 %). Несмотря на то, что общее количество лишенных свободы к 1938 году превысило 1,3 млн чел., осужден был примерно 1 % населения. При этом процент осужденных за контртеррористическую деятельность от общего числа заключенных составлял в 1935 году – 16,3; в 1936 – 12,6; в 1937 – 12,8; в 1938 – 18,6; в 1939 – 34,5; в 1940 – 33,1. К общему количеству осужденных (репрессированных) необходимо прибавить подвергшихся гонению и понижению в социальных правах членов их семей, что позволяет оценивать события 1930-х годов как нарушение законности или период репрессий [31–33].

Обращение к мемуарам сотрудников и истории частей войск НКВД позволило от первого лица узнать условия выполнения работниками правоохранительных органов своего долга в исследуемый период. Воспоминания свидетельствуют, что они находились под жестким прессингом начальства, нередко попадая в жернова репрессий. Несмотря на повышения жалования, материальное положение сотрудников НКВД оставалось трудным. Служебного жилья не хватало, многие милиционеры жили в частных квартирах и, находясь с обывателями в непосредственном контакте, шли на криминальный сговор. Награждение государственными знаками отличия было редкостью, в основном поощрение осуществлялось грамотами, благодарностями, ценными подарками (часами, сапогами, премиями) [34–36].

Целью исследования являются анализ и генерализация развития системы наград и поощрений сотрудников НКВД с момента образования наркомата и до начала Великой Отечественной войны как составной части наградной системы Советского Союза, подробное описание ее функционирования в составе государственных институтов и систем управления исследуемого периода.

Теоретическое значение исследования заключается в дополнении статистических данных о награждении бойцов и командиров пограничных и внутренних войск НКВД в ходе предвоенных конфликтов. Практическое значение – в возможности использования полученных данных при преподавании истории, изучении предвоенного периода развития правоохранительных органов в высших военных и гражданских учебных заведениях, а также в фалеристике для уточнения особенностей присвоения наград сотрудникам НКВД перед Великой Отечественной войной.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на общенаучных методах (анализ, синтез, генерализация, си-

стемный подход). На этапе обработки и систематизации практических данных были использованы специальные методы исторического исследования, в т. ч. статистический анализ, который позволил представить процесс совершенствования системы награждения сотрудников органов НКВД как составную часть наградной системы СССР предвоенного периода.

Результаты исследования и их обсуждение

Десятилетний переходный период параллельного существования двух правоохранительных структур (общесоюзного органа государственной безопасности Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и республиканских органов общественного порядка) закончился их объединением. Постановлением Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР от 10 июля 1934 года создается общесоюзный НКВД СССР. В целях улучшения правоохранительной и агентурно-оперативной деятельности 3 февраля 1940 года единый наркомат разделен на два – Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) и НКВД (милиция, войска Внутренней стражи и Государственное управление исправительно-трудовых лагерей) [6, с. 6, 59, 72].

На момент объединения правоохранительных структур сотрудники награждались орденами СССР и республик, почетными грамотами, именными подарками, денежными премиями, дополнительным отпуском, им объявлялась благодарность [12]. Потребовалось 6 лет на введение в оборот единой ведомственной высшей награды – знака «Заслуженный работник НКВД», учрежденного 31 октября 1940 года. До этого момента продолжалось награждение уже существовавшими знаками «Почетный работник РКМ¹» и «Почетный работник ВЧК–ГПУ²» [3, с. 76]. Награждение осуществлялось согласно приказам НКВД. Всего было произведено около 3 тыс. награждений знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Так, 31 октября 1936 года

¹Рабоче-крестьянской милиции.

²Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем – Государственного политического управления.

знак «Почетный работник ВЧК–ОГПУ–НКВД» вручен капитану А.М. Воронкову [5, с. 403]. «За мужество и доблесть в выполнении задачи правительства и поставленной командованием задачи» в ходе Советско-финской войны приказом НКВД СССР № 359 от 17 мая 1940 года 9 военнослужащих отряда особого назначения НКВД награждены знаком «Почетный работник ВЧК–ОГПУ–НКВД», двадцати – объявлена благодарность [33, с. 100].

Параллельно происходила централизация награждения сотрудников правоохранительных органов государственными орденами. Отправной точкой можно считать постановление Президиума ЦИК от 23 апреля 1933 года «Об орденах Союза ССР и союзных республик и о нагрудных значках», определившее исключительное право Президиума ЦИК СССР производить награждение союзными орденами и запрет наград союзных республик [13, с. 296]. Продолжилось поощрение союзными орденами и медалями: как «боевыми», так и имевшими «трудовой» статус. Так, Постановлением политбюро Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ЦК ВКП(б)) утвержден проект Указа Президиума Вооруженных сил (ВС) СССР от 29 апреля 1939 года о награждении группы работников НКВД орденами Красного Знамени, Красной Звезды и «Знак Почета» за розыск и арест бывшего Народного комиссара внутренних дел Украинской Советской Социалистической Республики А.И. Успенского [10]. За уничтожение банды Саида Бехоева на Северном Кавказе Указом Президиума ВС СССР от 26 августа 1939 года 5 военнослужащих 16-го кавалерийского полка НКВД были удостоены ордена Красного Знамени, два – ордена Красной Звезды, два – медали «За отвагу» и один – медали «За боевые заслуги» [35, с. 82].

В ходе предвоенных конфликтов войска НКВД выполняли следующие задачи. На озере Хасан пограничники Посьетского отряда и подразделения 9-го Сибирского мотострелкового полка внутренних войск НКВД участвовали в отражении атак японцев на высотах

Безымянная и Заозерная. На реке Халхин-Гол сражался сводный пограничный отряд, оборонявший мосты, уничтожавший японских диверсантов, охранявший тыловые коммуникации частей РККА. В ходе присоединения Западных Белоруссии и Украины (после нападения фашистской Германии на Польшу) пограничные оперативные группы, действуя как штурмовые подразделения, уничтожили польских пограничников и, выйдя на указанные границы, приступили к их защите. Внутренние войска взяли под охрану стратегические объекты и тыловые коммуникации, конвойные части разоружали и сопровождали в тыл пленных. В ходе Зимней войны с Финляндией были задействованы 2-я дивизия по охране железнодорожных сооружений, 21-я бригада и отдельные подразделения 76-го полка по охране важных предприятий промышленности, 12-я бригада конвойных войск, 13-й мотострелковый полк. Помимо этого для защиты тылов армейских частей было сформировано 8 пограничных полков (№ 1–8). Общая численность группировки войск НКВД в январе 1940 года составила 37 тыс. 156 чел. [7, с. 43–54]

За отличия в боевых действиях многие чекисты и части войск НКВД были награждены. Пять пограничников стали Героями Советского Союза, 190 награждены орденами и медалями, Посьетский погранотряд стал Краснознаменным и получил почетное наименование «Хасанский» за бои на озере Хасан. За участие в разгроме японских войск на реке Халхин-Гол 210 красноармейцев и командиров погранвойск награждены орденами и медалями [14, с. 344–345]. Данные о количестве награжденных военнослужащих войск НКВД в Зимней войне более репрезентативны. Героями Советского Союза стали 13 чел., орденами Ленина были награждены 54 чел., Красного знамени – 465 чел., Красной звезды – 504 чел., «Знак Почета» – 248 чел. [26; 28; 29]. Сюда же необходимо приплюсовать сотрудников особых отделов, введенных в частях РККА, ВМФ, НКВД совместным приказом наркоматов обороны и внутренних дел № 003/0031 от 13 января 1939 года [8, с. 532–534].

Среди «особистов» двое награждены орденом Ленина, 36 – Красного знамени, 115 – Красной звезды, 11 – медалями «За отвагу» и 30 – «За боевые заслуги» [16–25; 30]. Кроме того, орденом Красного знамени были награждены три (4, 5 и 6-й) полка НКВД, а также 73-й Ребольский погранотряд [27]. Следовательно, всего в предвоенных вооруженных конфликтах 18 сотрудников органов НКВД стали Героями Советского Союза, 1 865 чел. – кавалерами орденов и медалей, три полка и два пограничных отряда стали Краснознаменными. Исходя из общего количества награжденных в предвоенных конфликтах [15], процент Героев Советского Союза/кавалеров орденов и медалей – сотрудников войск НКВД был следующий: бои на озере Хасан – 19,2/2,8; бои на реке Халхин-Гол – –/1,2; Зимняя война – 3,4/3,0; всего – 3,8/2,6.

Кроме государственных орденов и медалей, а также ведомственных знаков отличившимся сотрудникам вручали ценные подарки. Начальник Лужского районного отделения [Ленинградская обл. – *Д.Ш.*], лейтенант госбезопасности Н.К. Богданов приказом НКВД СССР от 25 августа 1937 года награжден пистолетом ТТ с надписью: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» [34, с. 193].

Широко применялась практика материального премирования чекистов. Постановлением Совета народных комиссаров (СНК) и ЦК ВКП(б) № П37/22 от 11 февраля 1936 года «О повышении заработной платы по Народному комиссариату внутренних дел» увеличены ставки сотрудников Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) до уровня НКО. Оклады установлены (в зависимости от квалификации и стажа): начальникам республиканских управлений – от 600 до 1100 руб., начальникам краевых (республиканских) управлений – от 550 до 900 руб. Взамен отмененного пайка выплачивалась ежемесячная надбавка в размере 50 руб. Позднее Постановлением СНК № П65/64 от 10 ноября 1938 года «О ставках заработной платы НКВД» введены повышенные ставки по должностям в зависимости от уровня аппарата (центральный, республиканский, кра-

своей). На примере оперуполномоченного, следователя оплата составляла 1200/800/750 руб. [8, с. 457–466, 498–500]

Применялись также нематериальные формы награждения отличившихся. Приказом по НКВД Белорусской Советской Социалистической Республики № 665 от 15 ноября 1940 года командиру отделения 23-го мотострелкового полка войск НКВД Качанову и красноармейцу Валуйко объявлена благодарность и выдана денежная премия за ликвидацию банды [35, с. 70].

Также продолжилась практика коллективного награждения отличившихся воинских подразделений. За исследуемый период орденов были удостоены одно училище, одна дивизия и пять полков войск НКВД. Высшая офицерская школа войск НКВД – ордена Ленина 17 февраля 1938 года. В честь 15-й годовщины со дня образования и «За образцовое выполнение правительственных заданий» указом Президиума ВС СССР от 23 июня 1939 года Отдельная мотострелковая дивизия особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского войск НКВД награждена орденом Ленина [9, с. 46]. 2-й и 19-й кавалерийский полки НКВД удостоились ордена Красного Знамени 25 ноября 1934 года «За неоднократно проявленные заслуги в деле охраны государственных границ СССР». Постановлением Президиума ЦИК СССР № 111 от 17 ноября 1934 года 11-й Хорезмский кавалерийский полк НКВД за боевые заслуги был награжден Почетным Революционным Красным Знаменем [35, с. 239].

В Советском Союзе имела практика присвоения имени политического или военного деятеля отличившимся коллективам. Части войск НКВД не являлись исключением: 2-я школа погранохраны – имени Ф.Э. Дзержинского (10 мая 1934); военно-политическая школа – имени К.Е. Ворошилова (13 июля 1934); Московское высшее техническое училище – имени В.Р. Менжинского (17 августа 1934) и Орджоникидзевское военное училище – имени С.М. Кирова (29 июня 1938) [9, с. 46]. Постановлением политбюро ЦК ВКП(б) Закавказской железной дороге присвоено имя наркома внутренних дел Л.П. Берии [35, с. 11].

Заключение

Объединенный наркомат внутренних дел продолжил наградные традиции правоохранительных органов предшествовавшего периода. Важнейшую роль в мотивации сотрудников и коллективов к правоохранительной деятельности играла поощрительная политика советского государства, имевшая двухуровневую структуру: верхний уровень занимали государственные органы, осуществляющие наградную практику, нижний – ведомственные.

Персонифицировано награждение производилось государственными (после отмены в 1933 году республиканского наградного уровня только общесоюзными орденами и медалями) и ведомственными (до учреждения в 1940 году единой ведомственной награды осуществлялось вручение ведомственных наград прежнего типа) знаками отличия, ценными подарками (куда относилось и наградное оружие), благодарностями и грамотами государственного и ведомственного уровня, повышением в звании и должности, материальным премированием. Отличившиеся коллективы войск НКВД награждались почетным знаменем Всероссийского центрального исполнительного комитета, орденами, присвоением почетного наименования в честь географического места отличия, присвоением имени отличившегося сотрудника структуры НКВД или политического деятеля, объявлением благодарности.

Необходимо отметить, что, несмотря на решение важных задач по охране государствен-

ных границ, борьбе с преступностью, устранению инакомыслия и политических оппонентов для существующей политической элиты и т. д., специальных государственных наград для отличия чекистов учреждено не было. Награждение осуществлялось действующими знаками отличия, что шло в разрез с их наградными положениями. Для избежания конфликта с представителями военного командования, не желавшими отмечать чекистов в обстановке, не связанной с боевыми действиями, поощрение осуществлялось ведомственными наградами, а также государственными орденами и медалями, имевшими «трудовой» статус.

В соответствии с законом «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 года пограничные и внутренние войска НКВД входили в состав советских Вооруженных сил вместе с РККА и ВМФ. Несмотря на совместный приказ НКО/НКВД № 16662 от 14 сентября 1939 года, концепция взаимодействия Красной армии и войск НКВД не была четко проработана, что существенно затрудняло награждение чекистов вследствие замкнутости силовых структур на разные наркоматы [7, с. 60–61, 67].

Данная статья является завершающей в трилогии, охватывающей период с Гражданской до начала Великой Отечественной войн (1917–1941). В планах – исследовать наградную практику НКВД и НКГБ в период освободительной войны народов СССР против нацистской Германии и ее союзников.

Список литературы

1. *Ахманаев П.В.* Советская наградная система. М.: Фонд «Русские Витязи», 2014. 560 с.
2. *Колесников Г.А., Рожков А.М.* Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1983. 302 с.
3. *Рогов М.А.* История наград и знаков в МВД России (1802–2002). М.: [б. и.], 2004. 543 с.
4. *Антонов В.С., Величко В.Н.* Награды внешней разведки. Символы профессионализма. М.: Вече, 2010. 176 с.
5. *Кривцов В.Д.* Аверс № 8. Каталог-определитель советских знаков и жетонов 1917–1980 гг. М., 2008. 738 с.
6. Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: справ. / под ред. А.Н. Яковлева, авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.Б. Петров. М.: МФД, 2003. 768 с.
7. *Ковыришин Е.В.* Войска НКВД СССР: эволюция структуры и практики использования: 1934–1947 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 217 с.

8. Политбюро и органы государственной безопасности: сб. док. / сост. О.Б. Молохин. М.: Кучково поле, 2017. 800 с.
9. От внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Золотова. М.: Ред. журн. «На боевом посту», 2019. 160 с.
10. Постановление политбюро ЦК ВКП(б) о награждениях сотрудников НКВД с приложением проекта указа президиума Верховного Совета СССР и записки Л.П. Берии // Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1224. Л. 36.
11. Постановление политбюро ЦК ВКП(б) о присвоении железной дороги имени Л.П. Берии // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 163. Д. 1242. Л. 22.
12. Постановление СНК СССР от 25 мая 1931 № 390 «Положение о рабоче-крестьянской милиции» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=12085#vXmRZHT6GnvGH9E8> (дата обращения: 16.09.2022).
13. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1933. М.: Управление делами Совета министров СССР, 1948. 933 с.
14. *Терещенко В.В.* Деятельность советских государственных и военных органов по созданию и совершенствованию окружной системы пограничных войск (1918–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 427 с.
15. Сведения о количестве награжденных орденами и медалями СССР по состоянию на 15.09.1940 г. // Центр. арх. Мин-ва обороны Рос. Федерации. Ф. 33. Оп. 42436сс. Д. 70. Л. 2.
16. Указ Президиума ВС СССР от 15 января 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» // Красная звезда. 1940. № 13(4462). С. 1–2.
17. Указ Президиума ВС СССР от 19 января 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего состава Красной Армии» // Красная звезда. 1940. № 16(4465). С. 1.
18. Указ Президиума ВС СССР от 26 января 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» // Красная звезда. 1940. № 21(4470). С. 2–3.
19. Указ Президиума ВС СССР от 21 марта 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» (начало) // Красная звезда. 1940. № 68(4517). С. 1–7.
20. Указ Президиума ВС СССР от 21 марта 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» (продолжение) // Красная звезда. 1940. № 69(4518). С. 1–7.
21. Указ Президиума ВС СССР от 21 марта 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» (окончание) // Красная звезда. 1940. № 70(4519). С. 1–6.
22. Указ Президиума ВС СССР от 7 апреля 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» (начало) // Красная звезда. 1940. № 81(4530). С. 2–7.
23. Указ Президиума ВС СССР от 7 апреля 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» (продолжение) // Красная звезда. 1940. № 82(4531). С. 1–6.
24. Указ Президиума ВС СССР от 7 апреля 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» (продолжение) // Красная звезда. 1940. № 83(4532). С. 1–6.
25. Указ Президиума ВС СССР от 7 апреля 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» (окончание) // Красная звезда. 1940. № 84(4533). С. 1–6.
26. Указ Президиума ВС СССР от 26 апреля 1940 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу пограничных войск НКВД СССР» // Красная звезда. 1940. № 97(4546). С. 1.
27. Указ Президиума ВС СССР от 26 апреля 1940 г. «О награждении пограничных частей НКВД орденами СССР» // Красная звезда. 1940. № 97(4546). С. 1.
28. Указ Президиума ВС СССР от 26 апреля 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР работников НКВД» // Красная звезда. 1940. № 97(4546). С. 2.
29. Указ Президиума ВС СССР от 26 апреля 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава пограничных войск и органов НКВД» // Красная звезда. 1940. № 97(4546). С. 2.
30. Указ Президиума ВС СССР от 7 мая 1940 г. «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава Красной Армии» // Красная звезда. 1940. № 104(4553). С. 2–5.
31. *Мозохин О.Б.* Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.): моногр. М.: Вече, 2018. 480 с.

32. Лунев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: моногр. М.: Норма, 2021. 912 с.
33. Детков М.Г. Тюрмы, лагеря и колонии России: исторический очерк. М.: Юрлитинформ, 2009. 477 с.
34. Арибжанов Р., Артюхов Е., Штутман С. Дивизия имени Дзержинского. М.: Яуза, 2007. 476 с.
35. Богданов Ю.Н. 30 лет в ОГПУ–НКВД–МВД: от оперуполномоченного до заместителя министра. М.: Крафт+, 2013. 576 с.
36. Марценюк Ю.А., Климов А.А., Беркутов А.С., Кардаш И.Л., Милов А.Н., Чернуха Р.М. Исторический опыт применения внутренних войск в борьбе с бандформированиями в 1920–1950-е гг.: военно-исторический труд / М.: На боевом посту, 2017. 243 с.

References

1. Akhmanov P.V. *Sovetskaya nagradnaya sistema* [Soviet Award System]. Moscow, 2014. 560 p.
2. Kolesnikov G.A., Rozhkov A.M. *Ordена i medali SSSR* [Soviet Orders and Medals]. Moscow, 1983. 302 p.
3. Rogov M.A. *Istoriya nagrad i znakov v MVD Rossii (1802–2002)* [The History of Awards and Decorations in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Moscow, 2004. 543 p.
4. Antonov V.S., Velichko V.N. *Nagrady vneshney razvedki. Simvoly professionalizma* [Foreign Intelligence Awards. Symbols of Professionalism]. Moscow, 2010. 176 p.
5. Krivtsov V.D. *Avers № 8. Katalog-opredelitel' sovetskikh znakov i zhetonov 1917–1980 gg.* [Obvers no. 8. Identification Catalogue of Soviet Decorations and Tags, 1917–1980]. Moscow, 2008. 738 p.
6. Kokurin A.I., Petrov N.B. *Lubyanka: Bodies of VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991.* Moscow, 2003. 768 p. (in Russ.).
7. Kovyrshin E.V. *Voyska NKVD SSSR: evolyutsiya struktury i praktiki ispol'zovaniya: 1934–1947 gg.* [NKVD Troops of the USSR: The Evolution of the Structure and Practice of Use: 1934–1947: Diss.]. Voronezh, 2011. 217 p.
8. Molokhin O.B. (comp.). *Politbyuro i organy gosudarstvennoy bezopasnosti* [Political Bureau and State Security Apparatus]. Moscow, 2017. 800 p.
9. Zolotov V.V. (ed.). *Ot vnutrenney strazhi Rossiyskoy imperii k voyskam natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii* [From the Internal Guard of the Russian Empire to the National Guard Forces Command of the Russian Federation]. Moscow, 2019. 160 p.
10. Resolution of the Political Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on Awarding NKVD Officers, with an Appendix of a Draft Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR and a Note by L.P. Beria. *Russian State Archives of Socio-Political History (RSASPH)*. Coll. 17. Inv. 163. Fol. 1224. F. 36 (in Russ.).
11. Resolution of the Political Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on Naming a Railway After L.P. Beria. *RSASPH*. Coll. 17. Inv. 163. Fol. 1242. F. 22 (in Russ.).
12. *Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 390 Dated 25 May 1931 "Regulations on the Workers' and Peasants' Militia"*. Accessed from Consultant Plus Law Assistance System. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=12085#vXmRZHT6GnvGH9E8> (accessed: 16 September 2022) (in Russ.).
13. *Collected Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics for 1933*. Moscow, 1948. 933 p. (in Russ.).
14. Tereshchenko V.V. *Deyatel'nost' sovetskikh gosudarstvennykh i voennykh organov po sozdaniyu i sovershenstvovaniyu okruzhnoy sistemy pogranychnykh voysk (1918–1991 gg.)* [The Work of the Soviet State and Military Bodies on Creating and Improving the District System of Border Troops (1918–1991): Diss.]. Moscow, 2015. 427 p.
15. Information on the Number of Those Awarded Orders and Medals of the USSR as of 15 September 1940. *Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation*. Coll. 33. Inv. 42436ss. Fol. 70. F. 2 (in Russ.).
16. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 15 January 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers". *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 13, pp. 1–2 (in Russ.).
17. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 19 January 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers". *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 16, p. 1 (in Russ.).

18. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 26 January 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers". *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 21, pp. 2–3 (in Russ.).

19. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 21 March 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers" (beginning). *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 68, pp. 1–7 (in Russ.).

20. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 21 March 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers" (continuation). *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 69, pp. 1–7 (in Russ.).

21. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 21 March 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers" (ending). *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 70, pp. 1–6 (in Russ.).

22. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 7 April 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers" (beginning). *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 81, pp. 2–7 (in Russ.).

23. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 7 April 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers" (continuation). *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 82, pp. 1–6 (in Russ.).

24. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 7 April 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers" (continuation). *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 83, pp. 1–6 (in Russ.).

25. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 7 April 1940 "On Awarding Orders and Medals of the USSR to the Red Army Rank and File and Commanding Officers" (ending). *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 84, pp. 1–6 (in Russ.).

26. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 26 April 1940 "On Awarding the Title of Hero of the Soviet Union to the Rank and File and Commanding Officers of NKVD Border Troops of the USSR". *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 97, p. 1 (in Russ.).

27. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 26 April 1940 "On Awarding NKVD Border Units with USSR Orders". *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 97, p. 1 (in Russ.).

28. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 26 April 1940 "On Awarding USSR Orders and Medals to NKVD Workers". *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 97, p. 2 (in Russ.).

29. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 26 April 1940 "On Awarding USSR Orders and Medals to Rank and File and Commanding Officers of NKVD Border Troops and Bodies". *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 97, p. 2 (in Russ.).

30. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 7 May 1940 "On Awarding USSR Orders and Medals to the Red Army Rank and File and Commanding Officers". *Krasnaya zvezda*, 1940, no. 104, pp. 2–5 (in Russ.).

31. Mozokhin O.B. *Repressii v tsifrakh i dokumentakh. Deyatel'nost' organov VChK–OGPU–NKVD–MGB (1918–1953 gg.)* [Repression as Reflected in Figures and Documents. The Work of VChK–OGPU–NKVD–MGB (1918–1953)]. Moscow, 2018. 480 p.

32. Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii* [Crime in the 20th Century: Global, Regional and Russian Trends]. Moscow, 2021. 912 p.

33. Detkov M.G. *Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii: istoricheskiy ocherk* [Prisons, Camps and Colonies in Russia: A Historical Outline]. Moscow, 2009. 477 p.

34. Aribzhanov R., Artyukhov E., Shtutman S. *Diviziya imeni Dzerzhinskogo* [Dzerzhinsky Division]. Moscow, 2007. 476 p.

35. Bogdanov Yu.N. *30 let v OGPU–NKVD–MVD: ot operupolnomochennogo do zamestitelya ministra* [30 Years in OGPU–NKVD–MVD: From Detective to Deputy Minister]. Moscow, 2013. 576 p.

36. Martsenyuk Yu.A., Klimov A.A., Berkutov A.S., Kardash I.L., Milov A.N., Chernukha R.M. *Istoricheskiy opyt primeneniya vnutrennikh voysk v bor'be s bandformirovaniyami v 1920–1950-e gg.* [Historical Experience of the Use of Internal Troops in the Fight Against Armed Gangs in the 1920s – 1950s]. Moscow, 2017. 243 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V254

Dmitriy V. Shunyakov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
ul. Mira 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2649-4179> e-mail: konigsberg039@mail.ru

AWARDING LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN THE PRE-WAR PERIOD (1933–1941)

The paper analyses the practice of awarding law enforcement bodies after the establishment of the People's Commissariat for Internal Affairs as a result of the merger between the Joint State Political Directorate (OGPU) and the Ministry of Internal Affairs of the Soviet Republics in 1933 until the beginning of the Great Patriotic War. It is stated here that the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) border and internal troops, which were part of the Soviet Armed Forces, took an active part in the armed conflicts with Japan and Finland. The study is based on historical method, objectivity and systematic approach. To process quantitative data on those awarded during the pre-war armed conflicts, the author used statistical analysis for calculating the results obtained by means of continuous sampling. Based on the archive materials, published data and personal sources, it is argued that at the time of the merger, the award systems of the OGPU and the Ministry of Internal Affairs were quite similar; for instance, they had similar departmental decorations. Further, it is pointed out that practically during the entire period under study, up to the establishment of a single departmental award "Honoured Worker of the NKVD" in 1940, similar earlier awards of the Cheka–OGPU and Workers' and Peasants' Militia were used. There were no awards to distinguish law enforcement activities; therefore, state labour decorations were often used instead. The award practice during the pre-war conflicts shows that employees of NKVD internal and border troops were distinguished similarly to Workers' and Peasants' Red Army officers, the number of the former being approximately 3 % of the total number of the awarded. During military operations, NKVD units and formations were put under the army command, making the rewarding of Chekists difficult since law enforcement bodies were linked to different people's commissariats. The author concludes that state awards were rarely used to distinguish law enforcement activities. Primarily, NKVD employees and groups of employees were presented with departmental awards of material (valuable gifts, such as award weapon and money) and moral (certificates of merit and acknowledgement) nature.

Keywords: *USSR, NKVD, border troops, internal troops, award, order, valuable gift.*

Поступила 22.12.2022
Принята 05.04.2023
Опубликована 07.04.2023

Received 22 December 2022
Accepted 5 April 2023
Published 7 April 2023

For citation: Shunyakov D.V. Awarding Law Enforcement Officers in the Pre-War Period (1933–1941). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 24–33. DOI: 10.37482/2687-1505-V254

УДК 94(47).08:[656.612+37]

DOI: 10.37482/2687-1505-V252

*ХРОМЦОВА Татьяна Валерьевна, аспирант
кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 5 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7261-1324>

ПОДГОТОВКА КОМАНДНЫХ КАДРОВ ДЛЯ МОРСКОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века (на материалах Архангельской губернии)

Статья посвящена созданию и деятельности в Архангельской губернии мореходных учебных заведений, готовивших специалистов для торгового флота. В XIX веке в России еще отсутствовала единая система обучения профессиональных судоводителей для морского торгового флота. Их подготовку в середине столетия осуществляли 6 навигационных школ, возможностей которых было недостаточно. Поэтому правительство утвердило ряд документов, которые заложили основу для открытия в стране большого числа мореходных классов и организации работы государственных испытательных комиссий, принимавших экзамены на судоводительские звания. Выгодное географическое положение Архангельской губернии, заинтересованность центральных и местных властей в подготовке судоводителей для нужд торгового мореплавания позволили открыть в регионе ряд навигационных школ, готовивших специалистов для северного мореходства. В статье исследуется процесс реализации правительственных инициатив на примере работы в губернии шкиперских курсов и мореходных классов. Значительное внимание уделено законодательному обеспечению функционирования мореходных учебных заведений, проанализированы правительственные документы, регламентировавшие их деятельность. Показан процесс создания навигационных школ, их финансирования, повседневной деятельности, организации учебного процесса. Немало внимания в публикации уделено трудностям, с которыми сталкивались в своей работе мореходные классы. Выделенные проблемы, характерные для большинства навигационных учебных заведений в стране, свидетельствовали о том, что вопрос развития мореходного образования нуждался в пристальном внимании властей и дальнейшей серьезной доработке. Несмотря на трудности, в мореходных учебных заведениях губернии было подготовлено немалое число командных кадров для нужд северного флота.

Ключевые слова: история мореходного образования, мореходное учебное заведение, шкиперские курсы, мореходный класс, торговый флот, судоводитель, шкипер, штурман.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: khromtsovat@mail.ru

Для цитирования: Хромцова Т.В. Подготовка командных кадров для морского торгового флота во второй половине XIX века (на материалах Архангельской губернии) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 34–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V252

Введение

Значение российского морского и речного флота для освоения северной части страны и осуществления торговых коммуникаций с зарубежными государствами издавна было очень велико. Транспортное обеспечение по водным путям и сегодня играет важнейшую роль при исследовании обширных территорий. Реализация Морской доктрины Российской Федерации должна базироваться на качественной подготовке кадров для морского торгового флота. Для современной системы профессионального образования актуальным является исторический опыт успехов и трудностей в обучении специалистов данной области во второй половине XIX века. Цель исследования – раскрыть процесс становления мореходного образования на примере деятельности учебных заведений, готовивших командные кадры для морского торгового флота в Архангельской губернии второй половины XIX века.

Историографию, посвященную изучаемой теме, можно разделить на три группы: дореволюционная, советская и современная. В дореволюционный период данный вопрос рассматривал в своих работах Ю.Д. Филипов, анализирувавший состояние отечественного торгового мореплавания [1]. В.В. Виноградов раскрывает порядок профессиональной подготовки судоводителей до 1912 года [2]. Работа Ф.Ф. Шперка была посвящена региональному опыту обучения специалистов на примере деятельности беломорских учебных заведений [3].

В советский период специалисты обращались к исследуемой теме чаще всего в рамках обобщающих работ по истории специального образования или отдельных учебных заведений. В работах А.И. Веселова [4, 5] и Н.Н. Кузьмина [6] отражено место мореходных учебных заведений в формирующейся системе профессионального образования, в них можно найти фактические сведения по истории подготовки капитанов для российского торгового флота и отдельных учебных заведений. В монографии Н.И. Барбашева [7] показано развитие отечественного военно-морского и торгового море-

ходного образования с XVIII по XIX век. В ней рассмотрены вопросы организации процесса обучения, представлена роль известных деятелей образования и науки в развитии молодежи, разобран опыт формирования педагогических кадров. Г.П. Попов и К.М. Бурсин раскрывали региональный аспект подготовки судоводителей на беломорском Севере России [8–10].

В последние десятилетия появились исследования, рассматривающие темы профессионального образования в контексте развития отечественного торгового флота и законодательного обеспечения обучения моряков, некоторые изыскания направлены на изучение повседневной деятельности учебных заведений, роли отдельных личностей или местных сообществ в деле распространения специальных знаний, периодизации развития системы отечественного мореходного образования [11–15]. Расширение тематики работ, посвященных истории подготовки специалистов для морского торгового флота, говорит о возросшем интересе к проблеме, необходимости дальнейшего ее исследования, особенно региональной специфики.

Материалы и методы

Источниками стали: нормативно-правовые документы, в соответствии с которыми осуществлялась деятельность мореходных учебных заведений во второй половине XIX века; издание «Архангельские губернские ведомости», регулярно публиковавшее отчеты о деятельности навигационных школ; архивные документы фондов № 1 (Фонды местных органов государственного управления) Государственного архива Архангельской области (ГААО), № 741 (Отдел промышленных училищ Министерства народного просвещения) и № 95 (Отделы торгового мореплавания и торговых портов Министерства торговли и промышленности) Российского государственного исторического архива (РГИА); а также опубликованные материалы по истории мореходного образования.

В работе применялся историко-системный метод, с помощью которого показано, что мореходное образование являлось частью общенациональной системы образования и отражало

особенности политического и экономического развития страны. Сравнительно-исторический метод позволил выявить сходства и некоторые различия происходивших процессов при рассмотрении ситуации в стране и губернии. С помощью формально-юридического метода рассмотрено законодательное обеспечение функционирования мореходных учебных заведений. Статистический метод применялся при анализе итогов работы мореходных школ.

Результаты

Белое и Баренцево моря издавна являлись районами интенсивного морского промысла и торгового судоходства. История северного мореплавания тесно связана с развитием отечественного торгового флота. Первым на Севере учебным заведением по подготовке судоводителей стала мореходная школа, открытая в 1781 году в г. Холмогоры Архангельской губернии. В 1786 году она была переведена в Архангельск, где функционировала как мореходный класс при Главном народном училище. Учебное заведение просуществовало недолго. В 1804 году класс был закрыт [16, с. 5–7].

Недостаток профессиональных судоводителей не был проблемой для судов каботажного плавания, которые перемещались в бассейне Белого и Баренцева морей. Моряки использовали опыт судовождения, передававшийся из поколения в поколение [10, с. 253]. Трудности создавали дальние морские рейсы. По правилам международного судоходства на каждом судне должен работать хотя бы один дипломированный шкипер или штурман, чтобы обеспечивать безопасность перевозки пассажиров и грузов [7, с. 137]. Для таких рейсов даже в столичном порту трудно было найти опытного отечественного капитана. Судовладельцы обращались к услугам иностранных моряков, запросы которых были чрезмерно велики. Отсутствие отечественных судоводителей заметно тормозило развитие су-

доходства. Поэтому правительство и местные власти стали обращаться к вопросу о создании специальных учебных заведений.

В феврале 1842 года в Архангельске и Кеми были открыты шкиперские учебные курсы с «целью распространения сведений для мореходства необходимых» [17, с. 922] для подготовки шкиперов, штурманов и помощников штурманов торгового флота. Обучение было бесплатным, без ограничений по возрасту и социальному происхождению¹.

Курсы рассчитаны на два зимних срока (начальный и окончательный) и летнюю практику [18, с. 2]. Помимо изучения общеобразовательных и специальных предметов ученики знакомились с постройкой и оснащением судов. На летнее время для практических занятий по мореплаванию нанималось парусное судно².

Выпускники курсов, «сделавшие четыре морских кампании» к берегам Норвегии, допускались к экзамену на звание штурманского помощника. После четырех лет службы на купеческих судах в этой должности они могли сдать экзамен на звание штурмана. С 1863 года справившиеся с испытанием получали бессрочные паспорта и освобождались от подушного оклада [19, с. 66]. Теперь судовладельцы могли нанимать на суда русских моряков, не опасаясь окончания срока действия их паспортов и отправки работников на родину.

Правительство было заинтересовано в подготовке судоводителей для торгового мореплавания, поэтому учебные заведения на протяжении всего срока работы пользовались государственной поддержкой. На содержание курсов Министерство финансов выделяло по 2,7–3,8 тыс. р. ежегодно³ [19, с. 66]. С 1842 по 1874 год на содержание архангельских и кемских шкиперских курсов из государственного бюджета было выделено почти 180 тыс. р. За этот период в учебных заведениях завершили

¹РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 46.

²Там же.

³Там же.

обучение 164 человека [18, с. 3]. Из них впоследствии выдержали испытания на звание шкипера дальнего плавания 6 выпускников, на звание штурмана дальнего плавания и шкипера каботажного плавания – 36 выпускников, на звание помощника штурмана дальнего плавания – 104 выпускника⁴.

К середине XIX века в Российской империи судоводителей на мореходные суда торгового флота готовили 6 учебных заведений: Архангельские и Кемские шкиперские учебные курсы, Кронштадтская рота торгового мореплавания, училище торгового мореплавания в Херсоне, навигационный курс Либавской прогимназии и училище торгового мореплавания в Риге [1, с. 31]. Такого количества мореходных школ было недостаточно для всей страны. Итоги Крымской войны 1853–1856 годов показали общую отсталость страны по сравнению с государствами Европы, в т. ч. и в области торгового флота.

В правительственных кругах назрел вопрос о необходимости реформы морского образования. «Комитет для развития торгового флота», созданный в 1856 году, сделал вывод, что одной из причин, препятствовавших развитию отрасли, стал недостаток квалифицированных судоводителей. Организованная в 1864 году «Комиссия для принятия мер к преобразованию существующих учебных заведений торгового мореплавания» предложила открыть по всей стране сеть навигационных школ, в которых жители прибрежных территорий могли бы бесплатно получать необходимые знания по мореходному делу [2, с. 15–16]. Комиссия разработала законодательную базу для внедрения реформы мореходного образования. 27 июня 1867 года император Александр II утвердил «Положение о мореходных классах» и мнение Государственного совета «О преобразовании учебных заведений по части торгового мореплавания» [20, 1048–1051], а также «Правила о порядке признания шкиперов и штурманов в сих званиях», «Правила для произ-

водства испытаний на звание шкипера и штурмана»⁵ [21, с. 1054].

С этого времени управлять мореходным судном можно было, сдав экзамен государственной испытательной комиссии и получив диплом судоводителя. Исключением стали лишь те шкиперы и штурманы, которые до 27 июня 1867 года уже управляли морскими судами. Необходимые изменения были внесены в «Устав торговый» (статья 853) [21, с. 1054]. Предусматривались увеличение количества мореходных учебных заведений, доступ к обучению желающих всех сословий и возрастов [20, с. 1049]. Городским, купеческим и иным обществам было разрешено учреждать в приморских населенных пунктах мореходные классы, готовившие выпускников к сдаче квалификационных экзаменов на установленные «Положением о мореходных классах» звания шкипера или штурмана [20, с. 1049–1050]. Таким образом, обучение в мореходных классах еще не давало выпускникам права занимать судоводительские должности, но облегчало им подготовку к сдаче государственных экзаменов на мореходные звания [22, с. 173].

Экзамены проводились по программам, подготовленным для трех судоводительских званий: 1) штурман каботажного плавания; 2) шкипер каботажного плавания и штурман дальнего плавания; 3) шкипер дальнего плавания. В соответствии с этими званиями мореходные классы делились на разряды [20, с. 1050]. Программы экзаменов Министерство финансов утвердило 2 ноября 1867 года. Объем преподавания в классе первого (низшего) разряда соответствовал программе испытаний на звание штурмана каботажного плавания, второго – программе на звание шкипера каботажного и штурмана дальнего плавания, третьего (высшего) разряда – на звание шкипера дальнего плавания [22, с. 172].

В крупных портовых городах создавались экзаменационные комиссии, состав которых

⁴РГИА. Ф. 95. Оп. 19. Д. 5. Л. 125 об.

⁵РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 49–51.

утверждался губернатором или начальником края. В подобную комиссию входили начальники учебных заведений, педагоги, действующие шкиперы, морские офицеры, представители судовладельцев, купечества и члены попечительских комитетов [23, с. 574]. Диплом могли получить лица не моложе 21 года, имеющие соответствующий опыт работы в море: для штурмана каботажного плавания – не менее 16 месяцев плавания, для шкипера каботажного и штурмана дальнего плавания – не менее 24 месяцев и для шкипера дальнего плавания – 36 месяцев. Сдавшие экзамен и получившие диплом шкиперы и штурманы обеспечивались бессрочным паспортом, освобождались от подушного обложения и рекрутской повинности на весь период службы на торговых судах [23, с. 574–575].

После утверждения правительственных документов о реформе мореходного образования продолжили свою работу Архангельские, Кемские шкиперские учебные курсы и навигационный курс Либавской прогимназии. Херсонское училище торгового мореплавания было закрыто. Кронштадтская рота торгового мореплавания хотя и оставлена без изменений, но для нее был определен срок завершения деятельности [20, с. 1049].

В дополнение к работающим с 1842 года Архангельским и Кемским шкиперским учебным курсам в губернии открылись четыре мореходных класса для подготовки шкиперов и штурманов каботажного плавания: в с. Сумской посад Кемского уезда (1871), с. Патракевка Архангельского уезда (1874), с. Кушерека (1874) и г. Онега Онежского уезда (1876). Таким образом, в Архангельской губернии во второй половине века работали уже 6 мореходных учебных заведений⁶.

Создаваемые мореходные классы находились под управлением Министерства финан-

сов, а по учебной части подчинялись Министерству народного просвещения. Выбранный из среды местного населения комитет должен был ежегодно представлять губернатору отчет о числе учащихся и выпускников, далее последний информировал Министерство финансов о ходе обучения [24, с. 2].

Из государственного бюджета на содержание каждого учебного заведения в соответствии с «Положением о мореходных классах» выделялось от 500 до 1000 рублей ежегодно [20, с. 1049]. Местные крестьяне и судовладельцы должны были найти помещение для занятий и собрать денежные средства на текущие нужды. Размер этой суммы не превышал обычно 170–200 рублей в год⁷ [10, с. 6].

Обучаться принимали юношей из прибрежных населенных пунктов, подавших следующие документы: удостоверение личности, свидетельства об умении читать и писать и о сроке плавания на морских судах [20, с. 1049]. Бесплатное обучение, освобождение от воинской повинности и отсутствие необходимости ехать далеко в город обуславливали интерес молодых людей к мореходным классам⁸. Конкретного срока окончания обучения не было, оно считалось завершенным, когда слушатель осваивал всю программу [22, с. 173].

Занимались в зимние месяцы, после окончания навигации [24, с. 2]. Изучали математику, географию, лоцию, теорию и практику кораблестроения. Уровень грамотности учеников нередко был таков, что преподавателю приходилось начинать обучение не с морского дела, а с русского языка. Практические занятия заключались в такелажной работе, шитье парусов, управлении судном в море под парусами и на якоре [25, с. 3].

Финансирование мореходных классов было недостаточным, поэтому больше одного сотрудника в штате учебные заведения иметь не

⁶РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 55–56.

⁷Там же. Оп. 2. Д. 253. Л. 210.

⁸Там же. Оп. 1. Д. 173. Л. 68.

могли. Преподававшие дисциплины наставники одновременно были и начальниками классов, т. е. совмещали сразу две должности [25, с. 4]. Каждый сотрудник имел практический мореходный опыт, опыт судовождения или руководства морским судном⁹. При обучении молодежи на первый план выдвигался имеющийся практический опыт преподавателя, потому что на момент открытия мореходных классов в стране не существовало единых программ и методик преподавания в подобных учебных заведениях [13, с. 9]. Не были регламентированы и требования к образованию педагогов. Наставник обучал юношей тому, что знал и умел сам, и делал это так, как умел, поскольку у большинства преподавателей не было опыта педагогической деятельности¹⁰.

Учебный день наставника был организован следующим образом: «придя в класс и занявшись с каким-нибудь отделением в то время, как другие готовят к своим предметам, он переходит к следующим только тогда, когда вполне убедится, что урок надлежащим образом понят и усвоен, а если рассказано вновь, то всеми ли хорошо понято. С другим отделением делается то же самое и так до последнего ученика» [25, с. 4]. Слушатели поступали на обучение в разные периоды в течение учебного года, поэтому в классе ученик, еще плохо умеющий читать и писать, мог заниматься рядом с тем, кто уже завершал курс навигации и астрономии¹¹. Затруднял образовательный процесс и недостаток учебников. Только в 80-е годы XIX века стали издаваться специально для торгово-мореходных учебных заведений пособия по лоции, кораблевождению, навигации, тригонометрии, астрономии. Тогда же появилась учебная литература, переведенная с иностранных языков [7, с. 171].

С наступлением навигации слушатели отправлялись на летнюю практику в море. Для

судовладельцев польза классов заключалась в том, что во время практики обучающиеся использовали морские карты и навигационные инструменты, которые местные мореходы ранее не применяли [18, с. 2]. Преподаватель Сумского мореходного класса А.В. Растов сообщал: «В нынешний рейс я лично видел своих учеников на деле. При этом счисление пути корабля, прокладка по карте и ведение корабельного журнала лежали на их ответственности» [26, с. 3].

Проанализируем результаты деятельности мореходных учебных заведений за период с 1876 по 1895 год, используя данные из аналитической справки, подготовленной Министерством финансов Российской империи¹².

Согласно данным, приведенным в *табл. 1*, всего по стране за период с 1876 по 1895 год завершили обучение в мореходных учебных заведениях и сдали экзамены 4154 чел. Если это количество сопоставить с количеством паровых и парусных судов в стране, равнявшимся 2657 (*табл. 2*), то можно прийти к выводу, что контингент лиц, имеющих судоводительские звания, в целом соответствовал потребности торгового флота в шкиперах и штурманах. В действительности картина была иной.

Из *табл. 3* следует, что на 101 из 522 паровых судов шкиперами служили капитаны-практики, не получившие образовательной подготовки, но обладавшие практическими навыками. Из этой же таблицы видно, что в парусном флоте судоводителей с дипломами было еще меньше. За исключением Балтийского моря, где на 255 шкиперов-практиков приходился 271 командир с дипломом, на всех остальных морях работали преимущественно судоводители без дипломов. При этом на Белом море из всех

⁹ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 630. Л. 115.

¹⁰РГИА. Ф. 741. Оп. 2. Д. 253. Л. 210; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 630. Л. 115.

¹¹РГИА. Ф. 95. Оп. 14. Д. 237. Л. 20 об.–21.

¹²РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 57–59.

Таблица 1

**СВЕДЕНИЯ О ВЫПУСКНИКАХ МОРЕХОДНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА ПЕРИОД С 1876 ПО 1895 ГОД¹³**

**INFORMATION ABOUT GRADUATES OF MARITIME EDUCATIONAL INSTITUTIONS
IN THE RUSSIAN EMPIRE FOR THE PERIOD FROM 1876 TO 1895**

Локализация мореходного учебного заведения	Число выдержавших экзамен на звание			
	шkipер дальнего плавания	штурман дальнего плавания или шkipер каботажного плавания	штурман каботажного плавания	Всего
г. Архангельск	2	34	53	89
с. Патракеевка	–	–	64	64
г. Онега	–	–	14	14
с. Кушерека	–	–	29	29
с. Сумский посад	–	1	35	36
г. Кемь	1	1	46	48
Беломорский регион	3	36	241	280
Российская империя	541	1466	2325	4154

Примечание: в настоящем исследовании мы берем информацию, касающуюся ситуации в Архангельской губернии и по стране в целом, подробные данные по акваториям других морей в таблице не приведены.

Таблица 2

**СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕ СУДОВ РУССКОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА
НА 1 ЯНВАРЯ 1896 ГОДА¹⁴**

**INFORMATION ON THE NUMBER OF SHIPS OF THE RUSSIAN MERCHANT
FLEET AS OF JANUARY 1, 1896**

Море	Количество судов		Всего
	Паровых	Парусных	
Белое	28	344	372
Балтийское	85	530	615
Черное и Азовское	228	754	982
Каспийское	181	507	688
Всего	522	2135	2657

¹³РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 57–58.

¹⁴Там же. Л. 59.

Таблица 3

СВЕДЕНИЯ О ШКИПЕРАХ НА РУССКИХ ТОРГОВЫХ ПАРОВЫХ И ПАРУСНЫХ СУДАХ¹⁵

INFORMATION ABOUT SKIPPERS ON RUSSIAN MERCHANT STEAMERS AND SAILING SHIPS

Уровень подготовки шкиперов	Паровые суда					Парусные суда				
	Море					Море				
	Белое	Балтий-ское	Черное и Азовское	Каспий-ское	Всего	Белое	Балтий-ское	Черное и Азовское	Каспий-ское	Всего
С дипломом	13	59	193	149	414	36	271	285	117	709
Без диплома	15	22	32	32	101	306	255	434	311	1306
Нет сведений	–	4	3	–	7	2	4	35	79	129
Итого	28	85	228	181	522	344	530	754	507	2135

шкиперов, командующих парусными судами, всего 10 % (36 из 344) имели дипломы судоводителей¹⁶.

В чем же причина таких результатов? При утверждении «Положения о мореходных классах» от 27 июня 1867 года подразумевалось, что главная их задача – обучение квалифицированных шкиперов и штурманов – будет достигнута в ближайшем будущем. Поэтому, одновременно с изданием документа приняли решение, что впредь русские шкиперы и штурманы должны допускаться к вождению судов, если они выдержали экзамены и получили соответствующий аттестат¹⁷. Вскоре обнаружилось, что реализация этих планов пока невозможна. Большинство мореходных классов открыто в середине 70-х годов XIX века. Следовательно, только к концу 1870-х годов выпускники должны были завершить обучение, а после этого еще получить необходимый мореходный стаж и только потом сдавать экзамены на судоводительские звания. Поэтому, пока не было достаточного количества лиц с дипломами, настаивать на их присутствии на судах не имело смысла.

Вторая причина сложившейся ситуации заключалась в низком уровне знаний и практических навыков выпускников мореходных классов по всей стране¹⁸. Судовладельцы предпочитали доверять свое имущество опытным морякам-практикам, а не выпускникам мореходных классов. Тем более, что в соответствии с «Уставом торговым» судоводители, уже имевшие опыт работы до 27 июня 1867 года, могли продолжать деятельность и без диплома [21, с.1054]. Были случаи, что выпускников с дипломом нанимали только на 1-2 рейса, когда судно шло в порт, где руководство строго проверяло документы судоводителей. В ходатайствах, поступавших в Министерство финансов от судовладельцев с разных концов страны, указывалось, что при слабой подготовке воспитанников мореходных классов им опасно доверять судовое имущество, что шкиперы-практики хоть и менее образованны теоретически, но значительно лучше знакомы с требованиями судовождения благодаря продолжительной работе в качестве командиров на торговых судах¹⁹.

¹⁵РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 59.

¹⁶Там же. Л. 67.

¹⁷Там же. Л. 66–67.

¹⁸Там же. Л. 67.

¹⁹РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 67, 67 об., 68.

Такова была картина по стране. На беломорском флоте имелась еще одна причина малого числа моряков с дипломами. Нередко выпускникам было невыгодно оставаться служить на судах беломорского каботажного флота, за исключением детей тех родителей, которые имели свои суда или промыслы. Дело в том, что навигация в Белом и Баренцевом морях продолжается всего четыре месяца. Далее морские магистрали начинают замерзать. За всю навигацию начинающий судоводитель мог заработать жалование не более 100 р.²⁰ [26, с. 4]. Для сравнения – в Архангельской губернии в конце XIX века фельдшер получал в среднем 350–360 р. в год²¹. Зимой заработков для мореходов в Поморье не было. Поэтому выпускники из бедных семей старались поступить не на местные, а на дальневояжные или иностранные суда, обеспечивавшие содержанием круглый год и дававшие отличный практический опыт и возможность изучить иностранные языки. На дальних рейсах выпускники восполняли недостаток теоретической и практической подготовки в мореходных классах [27, с. 4].

Система подготовки судоводителей постепенно начала формироваться после проведения реформы мореходного образования 1867 года. Ее основой стали мореходные классы и шкиперские курсы. Но действительность показала, что их финансирование, организация работы и содержание учебного процесса требовали значительной доработки. К 1897 году в стране работало 41 мореходное учебное заведение, включая Архангельские и Кемские шкиперские курсы и Рижское навигационное училище [2, с. 23–24]. Из них только Архангельские и Кемские шкиперские курсы полностью содержались за счет ассигнований государственного казначейства [6, с. 137]. Мореходные классы регулярно испыты-

ывали финансовые трудности. Не было создано общего руководящего органа, который осуществлял бы координацию деятельности мореходных учебных заведений и курировал учебный процесс²². Кроме того, предоставив значительную роль в организации и работе навигационных школ местным обществам, законодатель ограничился лишь общими указаниями относительно их образовательной деятельности, что на практике привело к разнообразию в организации работы, учебных программах и способах преподавания знаний. В итоге нередко выпускники мореходных учебных заведений или не справлялись с требованиями экзамена на звание шкипера и штурмана [6, с. 142], или, получив диплом судоводителя, еще длительное время доучивались на практике [27, с. 4]. В конце XIX века Министерство финансов провело оценку деятельности навигационных школ и, выявив недостатки, подготовило предложения о возможных изменениях в работе учебных заведений. Впоследствии они легли в основу реформы мореходного образования 1902 года [2, с. 31].

Кроме того, обсуждался вопрос об открытии нескольких образовательных учреждений, где подготовка судоводителей осуществлялась бы на должном уровне. Подходящими для такого проекта признали Черное и Белое моря. Решено было открыть мореходные школы в Архангельске и Одессе, взяв за основу опыт работы Морского кадетского корпуса – старейшего военно-морского учебного заведения России [2, с. 31, 32, 36]. В итоге 15 октября 1899 года в Архангельске состоялось торжественное открытие торгово-мореходного училища²³. Организация работы этого учебного заведения вывела подготовку специалистов для морского торгового флота на качественно новый уровень, обеспечив в дальнейшем регион достаточным количеством профессиональных судоводителей.

²⁰ГААО. Ф. 517. Оп.1. Д. 65. Л. 33.

²¹ГААО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 26. Л. 23–24.

²²РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 173. Л. 68 об.

²³ГААО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.

Список литературы

1. *Филипов Ю.Д.* История русского торгового флота со второй половины XIX века. СПб.: Тип. Ред. период. изд. М-ва финансов, 1908. 63 с.
2. *Виноградов В.В.* Торгово-мореходное образование в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1912. 166 с.
3. *Шперк Ф.Ф.* Краткий очерк народного образования в городе Архангельске. Архангельск: Губ. тип., 1905. 95 с.
4. *Веселов А.Н.* Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР: (Очерки по истории профтехобразования). М.: Трудрезервиздат, 1955. 327 с.
5. *Веселов А.Н.* Профессионально-техническое образование в СССР: Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М.: Профтехиздат, 1961. 435 с.
6. *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1971. 280 с.
7. *Барбашев Н.И.* К истории мореходного образования в России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 216 с.
8. *Бурсин К.М., Попов Г.П.* Старейшее мореходное: (Краткий ист. очерк Арханг. мореход. училища). Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976. 256 с.
9. *Попов Г.П.* Сумский мореходный класс. К истории мореходного образования на Севере. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. 57 с.
10. *Попов Г.П.* Ногою твердой стать при море...: Штрихи к портрету Арханг. порта. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992. 349 с.
11. *Бордученко Ю.Л.* Мореходное образование в России. 1867–1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 264 с.
12. *Зуев А.В.* Капитаны морских торговых судов Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.): подготовка, статус, повседневность: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 256 с.
13. *Зуев А.В.* Проблемы подготовки кадров морского торгового флота во второй половине XIX века // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2012. № 149. С. 7–15.
14. *Дельвиц Н.А.* Исторические этапы развития морского образования на Черноморском флоте (1783–1917 гг.) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2018. № 3(84). С. 128–134. DOI: [10.23859/1994-0637-2018-3-84-17](https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-3-84-17)
15. *Мосягина С.Ю.* Исторический опыт организации морского образования в Архангельске в дореволюционный период // Образование и наука. Изв. УРО РАО. 2009. № 9(66). С. 75–81.
16. *Сибирцев И.М.* Мореходная школа в Холмогорах в конце XVIII века. М.: Унив. тип., 1899. 14 с.
17. Положение о шкиперских учебных курсах в Архангельске и Кеми // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. 16. Отд-ние I. 1841. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1842. С. 922–923.
18. Беломорские шкиперские учебные курсы // Арханг. губ. вед. 1875. № 68. С. 2–3.
19. О продолжении срока существования Архангельского и Кемского шкиперских учебных курсов, и о правах воспитанников, окончивших учение в сих курсах // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. 38. Отд-ние I. 1863. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1866. С. 66.
20. Положение о мореходных классах // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. 42. Отд-ние I. 1867. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1871. С. 1048–1051.
21. О порядке признания шкиперов и штурманов в сих званиях и о правилах для производства испытаний на звание шкипера и штурмана // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. 42. Отд-ние I. 1867. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1871. С. 1054.
22. Историко-статистический очерк общего и специального образования в России: Составлен по поручению Комиссии по устройству Всерос. пром.-худ. выставок в Москве, 1882 / под ред. А.Г. Небольсина. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1883. 259 с.
23. Правила для производства испытаний на звание шкипера и штурмана // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. 42. Отд-ние II. 1867. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1871. С. 574–575.

24. Положение о мореходных классах в г. Онеге Архангельской губернии // Арханг. губ. вед. 1875. № 75. С. 2.
25. Протоколы собраний по вопросам, касающимся мореходных школ Архангельской губернии // Арханг. губ. вед. 1876. № 9. С. 3–4.
26. Протоколы собраний по вопросам, касающимся мореходных школ Архангельской губернии // Арханг. губ. вед. 1876. № 10. С. 3–4.
27. Беломорские шкиперские учебные курсы // Арханг. губ. вед. 1875. № 69. С. 3–4.

References

1. Filipov Yu.D. *Istoriya russkogo torgovogo flota so vtoroy poloviny XIX veka* [History of the Russian Merchant Fleet from the Second Half of the 19th Century]. St. Petersburg, 1908. 63 p.
2. Vinogradov V.V. *Torgovo-morekhnodnoe obrazovanie v Rossii* [Merchant Marine Education in Russia]. St. Petersburg, 1912. 166 p.
3. Shperk F.F. *Kratkiy ocherk narodnogo obrazovaniya v gorode Arkhangel'ske* [A Brief Outline of Public Education in the Town of Arkhangelsk]. Arkhangelsk, 1905. 95 p.
4. Veselov A.N. *Nizshee professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v RSFSR: (Ocherki po istorii proftekhobrazovaniya)* [Primary Vocational Education in the RSFSR: (Essays on the History of Vocational Education)]. Moscow, 1955. 327 p.
5. Veselov A.N. *Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v SSSR: Ocherki po istorii srednego i nizshego proftekhobrazovaniya* [Vocational Education in the USSR: Essays on the History of Secondary and Primary Vocational Education]. Moscow, 1961. 435 p.
6. Kuz'min N.N. *Nizshee i srednee spetsial'noe obrazovanie v dorevolyutsionnoy Rossii* [Primary and Secondary Vocational Education in Pre-Revolutionary Russia]. Chelyabinsk, 1971. 280 p.
7. Barbashev N.I. *K istorii morekhnodnogo obrazovaniya v Rossii* [On the History of Maritime Education in Russia]. Moscow, 1959. 216 p.
8. Bursin K.M., Popov G.P. *Stareyshee morekhnodnoe: (Kratkiy istoricheskiy ocherk Arkhangel'skogo morekhnodnogo uchilishcha)* [The Oldest Maritime School: (A Brief History of the Arkhangelsk Maritime School)]. Arkhangelsk, 1976. 256 p.
9. Popov G.P. *Sumskiy morekhnodnyy klass. K istorii morekhnodnogo obrazovaniya na Severe* [Sumsky Maritime Class. On the History of Maritime Education in the North]. Arkhangelsk, 2000. 57 p.
10. Popov G.P. *Nogoyu tverdoy stat' pri more...: Shtrikhi k portretu Arkhangel'skogo porta* [And Guard Our Seaboard with Conviction...: Some Touches to the Portrait of the Port of Arkhangelsk]. Arkhangelsk, 1992. 349 p.
11. Borduchenko Yu.L. *Morekhnodnoe obrazovanie v Rossii. 1867–1919 gg.* [Maritime Education in Russia. 1867–1919: Diss.]. St. Petersburg, 1998. 264 p.
12. Zuev A.V. *Kapitany morskikh torgovykh sudov Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): podgotovka, status, povsednevnost'* [Captains of Merchant Ships of the Russian Empire (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries): Training, Status, and Everyday Life: Diss.]. St. Petersburg, 2010. 256 p.
13. Zuev A.V. Problemy podgotovki kadrov morskogo torgovogo flota vo vtoroy polovine XIX veka [The Issues of Training Marine Merchant Fleet Staff in the Second Half of the 19th Century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2012, no. 149, pp. 7–15.
14. Delvig N.A. Historical Stages of Maritime Education Development in the Black Sea Fleet Area (1783–1917). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 3, pp. 128–134 (in Russ.). DOI: [10.23859/1994-0637-2018-3-84-17](https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-3-84-17)
15. Mosyagina S.Yu. Istoricheskiy opyt organizatsii morskogo obrazovaniya v Arkhangel'ske v dorevolyutsionnyy period [Nautical Schools in Arkhangelsk Before the Revolution]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya URO RAO*, 2009, no. 9, pp. 75–81.
16. Sibirtsev I.M. *Morekhnodnaya shkola v Kholmogorakh v kontse XVIII veka* [Maritime School in Kholmogory in the Late 18th Century]. Moscow, 1899. 14 p.
17. Polozhenie o shkiperskikh uchebnykh kursakh v Arkhangel'ske i Kemi [Regulations on Skipper Training Courses in Arkhangelsk and Kem]. *PSZRI* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd coll. Vol. 16. Sec. 1. 1841. St. Petersburg, 1842, pp. 922–923.

18. Belomorskie shkiperskie uchebnye kursy [White Sea Skipper Training Courses]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1875, no. 68, pp. 2–3.

19. O prodolzhenii sroka sushchestvovaniya Arkhangel'skogo i Kemskogo shkiperskikh uchebnykh kursov, i o pravakh vospitannikov, okonchivshikh uchenie v sikh kursakh [On the Continuation of the Existence of the Arkhangelsk and Kem Skipper Training Courses and on the Rights of Their Graduates]. *PSZRI* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd coll. Vol. 38. Sec. 1. 1863. St. Petersburg, 1866, p. 66.

20. Polozhenie o morekhodnykh klassakh [Regulations on Maritime Classes]. *PSZRI* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd coll. Vol. 42. Sec. 1. 1867. St. Petersburg, 1871, pp. 1048–1051.

21. O poryadke priznaniya shkiperov i shturmanov v sikh zvaniyakh i o pravilakh dlya proizvodstva ispytaniy na zvanie shkipera i shturmana [On the Procedure for Conferring the Ranks of Skipper and Navigator and on Examination Rules for These Ranks]. *PSZRI* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd coll. Vol. 42. Sec. 1. 1867. St. Petersburg, 1871, p. 1054.

22. Nebol'sin A.G. (ed.). *Istoriko-statisticheskiy ocherk obshchego i spetsial'nogo obrazovaniya v Rossii. Sostavlennyye po porucheniyu Komissii po ustroystvu Vserossiyskikh promyshlenno-khudozhestvennykh vystavok v Moskve, 1882* [Historical and Statistical Overview of the General and Vocational Education in Russia. Compiled on Behalf of the Commission for the Arrangement of All-Russian Industrial and Art Exhibitions in Moscow, 1882]. St. Petersburg, 1883. 259 p.

23. Pravila dlya proizvodstva ispytaniy na zvanie shkipera i shturmana [Examination Rules for the Ranks of Skipper and Navigator]. *PSZRI* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd coll. Vol. 42. Sec. 2. 1867. St. Petersburg, 1871. pp. 574–575.

24. Polozhenie o morekhodnykh klassakh v g. Onege Arkhangel'skoy gubernii [Regulations on Maritime Classes in the Town of Onega, Arkhangelsk Province]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1875, no. 75, p. 2.

25. Protokoly sobraniy po voprosam, kasayushchimsya morekhodnykh shkol Arkhangel'skoy gubernii [Minutes of Meetings on Issues Related to Maritime Schools in the Arkhangelsk Province]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1876, no. 9, pp. 3–4.

26. Protokoly sobraniy po voprosam, kasayushchimsya morekhodnykh shkol Arkhangel'skoy gubernii [Minutes of Meetings on Issues Related to Maritime Schools in the Arkhangelsk Province]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1876, no. 10, pp. 3–4.

27. Belomorskie shkiperskie uchebnye kursy [White Sea Skipper Training Courses]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti*, 1875, no. 69, pp. 3–4.

DOI: 10.37482/2687-1505-V252

Tat'yana V. Khromtsova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7261-1324> e-mail: khromtsovat@mail.ru

**TRAINING COMMAND PERSONNEL FOR THE MERCHANT MARINE
IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY
(Based on the Materials from the Arkhangelsk Province)**

The article dwells on the establishment and activities of maritime educational institutions in the Arkhangelsk Province that trained personnel for the merchant fleet. In the mid-19th century, Russia had no system in place for the professional training of navigators for the merchant marine. They were trained in six navigation schools, which was not enough for the entire country. Therefore, the government approved a number of documents that laid the foundation for opening a large number of maritime

classes throughout Russia and organizing the work of state examining boards that administered exams for navigational ranks. Due to the favourable location of the Arkhangelsk Province and the interest of the central and local authorities in training navigators for merchant shipping, a number of navigation schools in the region that trained skilled personnel for northern seafaring were opened. The paper examines the process of implementing government initiatives, taking the work of skipper courses and maritime classes in the province as an example. Considerable attention is given to the legislation concerning maritime educational institutions; documents regulating their activities are analysed. Further, the article shows the process of establishing navigation schools, their financing, daily activities, and organization of the educational process. Challenges facing maritime classes are also expanded on. The problems typical of the majority of maritime educational institutions in the country indicated that maritime education required close attention from the authorities and further serious improvement. It should be noted that, in spite of all the difficulties, a considerable number of command personnel for the northern fleet were trained in the maritime educational institutions of the Arkhangelsk Province.

Keywords: *history of maritime education, maritime educational institution, skipper courses, maritime class, merchant navy, skipper, navigator.*

Поступила 19.12.2022
Принята 05.04.2023
Опубликована 10.04.2023

Received 19 December 2022
Accepted 5 April 2023
Published 10 April 2023

For citation: Khromtsova T.V. Training Command Personnel for the Merchant Marine in the Second Half of the 19th Century (Based on the Materials from the Arkhangelsk Province). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 34–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V252

*ДМИТРИЕВА Елена Александровна, аспирант кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов. Автор 9 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6610-131X>

МЕТАФОРИЗАЦИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ В ТЕРМИНАХ ВОЙНЫ В АМЕРИКАНСКОМ И КАНАДСКОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Исследования в области когнитивной лингвистики, посвященные концептуальным метафорам, привлекают внимание многих ученых. В основе данных изысканий лежит постулат когнитивной лингвистики, утверждающий, что категоризация и структурирование окружающей действительности осуществляются по определенным когнитивным моделям. Зачастую они строятся на ассоциативном переносе качеств и элементов одного концепта в область другого по принципу схожести. Таким образом, появляются концептуальные метафоры, которые являются речевой репрезентацией когнитивных процессов человеческого сознания. По определению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафорическая модель «спор – это война» относится к вариантам речевого проявления подобных когнитивных ассоциаций. В настоящей статье приведены результаты исследования, целью которого является определение степени применимости метафорической модели «судебное разбирательство – война» к американскому и канадскому национальным вариантам судебного дискурса, а также выявление базовых элементов, лежащих в основе метафорического проецирования концепта «война» в концепте «судебное разбирательство». Также приведены результаты сравнительного количественного анализа, который позволил определить, в каком национальном варианте судебного дискурса метафоры, построенные по модели «судебное разбирательство – война», наиболее частотны. Материалом для исследования послужили следующие источники: тексты решений судов США и Канады, стенограммы высших судебных органов данных государств, статьи американских и канадских экспертов в области права и судопроизводства. В целях проведения количественного и качественного анализа они были оформлены в два одноязычных корпуса, работа с которыми осуществлялась с помощью программного обеспечения AntConc.

Ключевые слова: *концептуальная метафора, американский судебный дискурс, канадский судебный дискурс, сравнительный анализ, «спор-война».*

*Адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 7; e-mail: 1042200276@pfur.ru

Для цитирования: Дмитриева Е.А. Метафоризация судебного заседания в терминах войны в американском и канадском национальных вариантах судебного дискурса. Сравнительный анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 47–56. DOI: 10.37482/2687-1505-V241

Введение

Специалисты в области когнитивной лингвистики утверждают, что концептуализация явлений и объектов окружающей действительности происходит через призму когнитивной метафоры. Метафора ими рассматривается не как художественное сравнение, авторский прием или литературный троп, а как естественная способность человеческого сознания, проявляющаяся в умении строить ассоциативные связи и воспринимать одно через другое [1, с. 701]. К примеру, ему свойственно формулирование абстрактных понятий в терминах более конкретной сферы за счет построения метафор [2, с. 541]. Метафорические сравнения структурируют реальность вокруг нас, составляя неотъемлемую часть когнитивных процессов, которые основываются на принципе уподобления [3, с. 59]. Ощутимым результатом данных ментальных процессов непосредственно является язык определенного сообщества, т. к. именно в языковой картине отражены особенности восприятия элементов действительности, т. е. в ней закодированы «определенные способы концептуализации мира» [4, с. 212].

По утверждению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, процессы метафоризации действительности имеют общие модели и формируют определенные фреймы, представляя собой так называемые способы стереотипного структурирования, категоризации и организации ментального пространства [5, с. 25]. Метафоризация основывается не на произвольных сочетаниях первичной и вторичной номинации объектов действительности, а на устойчивых метафорических моделях [6, с. 600]. В основном они включают следующие варианты: онтологическую метафору, пространственную метафору, метафорические переносы на основании персонификации. Помимо вышеуказанных моделей существуют и более частные варианты метафорических ассоциаций, которые также с определенной степенью регулярности используются для формулирования разных понятий – например, по мнению авторов, спор структурируется в терминах концепта «война» [5, с. 27].

Стоит подчеркнуть, что милитаристская метафорическая модель распространяется на разные референтные сферы, включающие конфликт или спор, и является основой концептуализации объектов действительности из разных областей [7, с. 14; 8, с. 32]. Цель исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, заключается в доказательстве гипотезы о том, что в американском и канадском дискурсе судебное разбирательство как разновидность спора структурируется в терминах войны. Для достижения цели нами были решены следующие задачи:

– доказать, что концепт «война» является областью источника для метафоризации элементов концепта «судебное разбирательство» в американском и канадском национальных вариантах судебного дискурса;

– описать основные структурные элементы концепта «война», которые в результате метафорического проецирования получили коммуникативное высвечивание в концепте «судебное разбирательство», и определить основные метафорические модели;

– сравнить частотность концептуальных метафор с общим значением «судебное разбирательство – война» в американском и канадском национальных вариантах судебного дискурса.

Актуальность заявленной цели и данного исследования обусловлена необходимостью расширить область применения теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и определить национальную специфику метафорических ассоциаций ключевых концептов судебного заседания в США и Канаде.

Хотя теория концептуальной метафоры часто используется в когнитивных исследованиях, научная новизна данной работы заключается в анализе метафорических моделей именно американского и канадского национальных вариантов судебного дискурса, а также в выявлении наиболее частотных для каждого из них вариантов метафорических единиц.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в теоретических целях: к примеру, в курсе лекций по когнитивной и

сравнительной лингвистике и концептологии, лексикологии, в частности фразеологии, а также они могут иметь и практическое применение при обучении юридическому английскому языку и практике перевода.

Методология

Методология в первую очередь основывалась на изучении теоретической базы и выдающихся трудов специалистов в когнитивной, сравнительной, судебной лингвистике, а именно на доктрине концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, а также на исследованиях А.Н. Баранова, О.С. Зубковой. В ходе работы над языковым материалом применялись следующие методы: непосредственного наблюдения, сплошной выборки, качественного и количественного анализа, дефиниционного и этимологического анализа компонентов метафорической единицы. В целях оптимизации качественного и количественного анализа языкового материала были сформированы американский (АК) и канадский (КК) одноязычные корпуса, каждый из которых содержал в равном объеме и в равном пропорциональном соотношении тексты судебных решений, стенограммы заседаний Верховных судов США и Канады, статьи экспертов в области права и судопроизводства. При работе с корпусами применялось программное обеспечение AntConc.

Результаты исследования

Судебный дискурс определяется нами как статусно-ориентированное институциональное общение юристов и судей во всех его разнообразных формах [9, с. 164]. Важно отметить, что одной из основных лингво-когнитивных характеристик данного общения являются особенности концептуализации юридических понятий и судебных реалий его участниками. Образное восприятие юридических концептов в первую очередь проявляется в использовании в речи участниками судебного дискурса концептуальных метафор. Под концептуальной (когнитивной) метафорой в профессиональном общении мы понимаем «лингвосомиотическую модель», на основании которой сознание человека переносит исходное значение конкретного знака на

профессиональную реалию [10, с. 189]. В судебном дискурсе участники часто используют метафоры – например, при толковании законов или составлении текста судебного решения судьи обращаются к метафоризации для объяснения абстрактных юридических понятий [11]. Фрагмент опыта, закрепленный за языковой единицей общеупотребительной лексики, применяется для обозначения абстрактной юридической реалии или сложного термина [12, с. 507]. Так, метафоризация позволяет зафиксировать в сознании участников судебного дискурса данные реалии и термины в более понятной форме.

Судебное разбирательство разворачивается по определенному сценарию, согласно которому стороны отстаивают свои интересы в споре. В системе общего права, к которой относятся правовые концепции США и Канады, композиционный ход судебного разбирательства подразумевается как противостояние двух сторон, как *'trial as a battle'* (судебное разбирательство как сражение), как борьба, из которой один участник выйдет победителем, другой – побежденным [13, с. 13]. Сам факт обращения сторон в суд говорит о том, что они не могут достичь компромисса и мирно урегулировать спор, а все доступные средства исчерпаны, кроме радикального варианта – обращения в суд. Следовательно, на помощь приходят юристы, которые с помощью ходатайств, исковых заявлений, доказательств, аргументов и иных средств из их арсенала могут выиграть или проиграть судебное разбирательство [14]. Таким образом, мы можем предположить, что любое судебное заседание в США и Канаде концептуально ассоциируется у участников спора с войной, сражением, вооруженным столкновением. Иными словами, концепт «война» будет источником для построения метафорических моделей в рамках концепта «судебное разбирательство», который является целью метафорического проецирования [15, с. 32]. Чтобы доказать, что при обозначении определенных понятий и реалий судебного спора используется перенос значения элементов и характери-

стик концепта «война», необходимо описать его основные компоненты.

Во-первых, одним из атрибутов военных действий является поле битвы, следовательно, первый ассоциативный перенос значения будет проявляться в метафорической модели «зал судебного заседания – поле битвы». Во-вторых, военные действия ведутся между противоположными сторонами, которые сражаются друг с другом, таким образом, может иметь место метафорическая модель «представители сторон – враги». Далее надо отметить, что участники военных действий применяют силу и оружие в ходе битвы, поэтому можно предположить, что возникает метафорическое проецирование по модели «аргументы, доказательства сторон – их оружие». И, наконец, поскольку цель военных действий – нанести сокрушительный удар противнику и одержать победу, то возможно построение ассоциативного переноса по модели «цель судебного разбирательства – победа над противником». Мы указали четыре основных компонента концепта «война», которые наиболее часто используются в качестве источника метафорического проецирования и приводят к появлению в речи участников судебного заседания метафорических единиц. В них за счет коммуникативного высвечивания профилируются основные свойства и характеристики ментальной категории, являющейся источником метафорической модели [16, с. 30]. Таким образом, наличие метафор в речи участников судебного дискурса обусловлено существованием метафорических моделей в сознании человека [17, с. 17].

Метафорическое проецирование по модели «зал судебного заседания – поле битвы». Участники воспринимают зал суда как место, где происходит столкновение сторон, следовательно, при описании происходящего в суде используются характерные для военных действий глаголы *'to battle the case out'* (отстаивать свою позицию в судебном деле, букв. – сражаться за свою позицию), *'to confront the witness'* (противостоять свидетелю), *'to battle'* (сражаться), *'to struggle'* (бороться).

Для обозначения зала суда часто применяются существительные *'battlefield'* (поле боя), *'battleground'* (поле битвы). В подтверждение того, что судебное разбирательство воспринимается как военные действия, можно привести в пример термины *'to settle the dispute peacefully'*, *'to settle the dispute amicably'*, которые означают *урегулировать спор вне суда* (букв. – разрешить спор мирным путем, под дружески): *If it is not possible to settle disputes amicably, the parties will address the competent courts of law* (Если спор невозможно решить мирным путем, стороны обратятся в компетентный суд) (АК). Как видно из примера, решение спора в суде не концептуализируется как мирный способ. Также можно привести пример термина *'a status quo ante bellum order'*, сокращенно – *'a status quo order'*. Словари приводят следующее определение данного термина – постановление суда о сохранении ситуации до вынесения судебного решения, т. е. буквально – сохранение ситуации, существовавшей до момента военных действий [17]. В судебных спорах, касающихся бракоразводного процесса, судья до начала рассмотрения дела может издать подобное постановление на запрет изменения местожительства и иные меры в отношении несовершеннолетних детей до окончания судебного разбирательства. Иными словами, пока военные действия, т. е. судебное разбирательство, не завершатся, никакие меры не могут быть предприняты. Приведем еще несколько примеров из корпусов: *The four-month litigation battle ended in the ruling for the defendant* (Судебная баталия, длившаяся четыре месяца, закончилась решением в пользу ответчика) (КК); *The defendant will have the right to confront the accuser in the courtroom* (У обвиняемого будет возможность противостоять обвинителю в зале суда) (АК); *This courtroom is the battleground where we can iron out all the anomalies* (Данный суд – это поле битвы, где можно урегулировать противоречия) (КК); *The Supreme court issued a judicial call-to-arms to all litigators: to the extent possible civil actions have to be resolved by way of summary judgement*

(Верховный суд издал постановление (букв. призыв к оружию), согласно которому все гражданские иски по мере возможности должны быть урегулированы в порядке упрощенного судопроизводства) (КК); *The judge is not happy to have self-represented parties **battling up** in his courtroom* (Судья не в восторге, когда в его суде стороны сами отстаивают (букв. борются) свои интересы, не прибегая к помощи адвокатов) (АК); *I **am struggling** to understand why my colleague interpreted the law the way he did* (Я пытаюсь понять (букв. сражаюсь), почему мой коллега именно таким образом истолковал закон) (АК); *The **battles** in the courtroom over child custody may become heated and continuous affairs* (Бои в зале суда в отношении опеки над детьми могут стать ожесточенными и длительными) (АК).

Метафорическое проецирование по модели «**представители сторон – противники/враги**». Необходимо отметить, что существительное ‘**enemy**’ (враг) не встречается ни в американском, ни в канадском корпусах. Однако были выявлены примеры использования таких семантически схожих лексических единиц группы синонимов с общим значением «враг», как: ‘**adversary**’ (враг), ‘**opponent**’ (противник), ‘**opposing party**’ (противоположная сторона), ‘**your colleague on the other side**’ (ваш коллега, представляющий противоположную сторону), ‘**the opposing counsel**’ (юрист, представляющий противную сторону). К примеру: *I think **the opposing counsel** has stronger defenses for the reasons we have discussed* (По причинам, которые мы уже обсудили, мне кажется, что юрист, представляющий противную сторону, выстроил более сильную линию защиты) (АК); *I can't agree with you more but **the opposing party** provided more convincing arguments* (Я полностью с Вами согласен, но противная сторона привела более убедительные аргументы) (КК); *So the **adversaries** ordinarily can ask such context questions without violating attorney-client privilege* (Так представители сторон (букв. противники) обычно могут задавать уточняющие вопросы, не нарушая право на сохранение конфиденциальности) (АК). Отдельно стоит

остановиться на термине ‘**defendant**’ (ответчик), который был заимствован из старофранцузского языка и дословно означал «защищающийся». Как мы видим, этимология данного термина свидетельствует о метафорическом переносе, т. к. изначально роль ответчика в суде сравнивалась с ролью лица, защищающего себя от нападения [18]. Участники судебного спора, как и участники военных действий, могут атаковать, наступать, терять или сдавать позиции, контратаковать, защищать, выстраивать линию обороны, как видно из нижеприведенных примеров: *So how can you **counterattack** your colleague's point?* (И какие контраргументы Вы можете предоставить (букв. контратаковать)) (АК); *The petitioner **confronted** your arguments aggressively* (Заявитель по апелляции резко опроверг (букв. агрессивно противостоял) Ваши аргументы) (АК); *To **buttress** his argument, Castro-Huerta seizes on the history of the General Crimes Act* (Чтобы придать больше убедительности своим аргументам (букв. усилить), Кастро-Гурта обращается к истории принятия Федерального уголовного кодекса 1825 года) (АК); *You used the Competition Act to **build the defense*** (Вы использовали закон о конкуренции, чтобы построить защиту) (КК); *Your argument was successfully **assailed** by the petitioner* (Ваш аргумент был успешно опровергнут заявителем (букв. Вы не смогли отразить нападение)) (КК); *The defendant decided to deny the charges and has **fought back** publicly* (Ответчик был не согласен с обвинением и решил отстаивать (букв. дать отпор) свои права в вышестоящем суде) (АК); *The amici curiae are **the boots on the ground** that may provide support for your position* (Третьи лица, заинтересованные в деле, – это те люди (букв. сухопутные войска), которые смогут поддержать Вашу позицию) (АК).

Метафорическое проецирование по модели «**аргументы и доказательства сторон – оружие**». Если участники судебного спора концептуализируются как участники военных действий, то логично было бы предположить, что им необходимо использовать оружие в ходе борьбы. Аргументы, доказательства становятся

таковым в руках юристов вследствие метафорической проекции, соответственно, часто встречаются лексические единицы *'arsenal'* (арсенал), *'panoply'* (арсенал), *'armory'* (оружейный склад) при упоминании аргументов, доказательств, улик в целом. Оружие может описываться как слабое, сильное, мощное, смертоносное, те же самые описательные прилагательные используются в отношении аргументов, доказательств, позиций сторон. К примеру: *This inconsistency may be fatal to your argument* (Эти противоречия могут оказаться фатальными для Вашей точки зрения) (КК); *Castro-Huerta offers counter-arguments, none of which is strong* (Кастро-Гуерта привел контраргументы, ни один из которых не был убедительным (букв. сильным)) (АК); *Do you see the thrust of my argument?* (Вы понимаете суть моего аргумента (букв. удар)) (КК); *You disarmed the opponent with your statement* (Вы обезоружили противника этим заявлением) (АК); *You use a bazooka instead of a fly swatter to prove the position* (Для обоснования Вашей позиции вы стреляете пушкой по воробьям (букв. пользуетесь базукой вместо мухобойки)) (АК); *My argument applies with the equal force to this case* (Мои аргументы в равной степени применимы к этому делу (букв. имеют равную силу)) (АА); *You have a whole arsenal of weapons and still you cited only one statute* (В Вашем распоряжении целый арсенал оружия, а Вы ссылаетесь только на один статут) (АК). Интересны с точки зрения метафоризации юридические термины *'collateral attack'* и *'direct attack'*. Согласно словарным определениям, данные термины обозначают процедуры косвенного или прямого оспаривания судебного решения [19]. В буквальном смысле – косвенное или прямое нападение, т. е. подача апелляции концептуализируется как атака или нападение проигравшей стороны.

Метафорическое проецирование по модели «цель судебного разбирательства – победа над противником». Судебное разбирательство, как и войну, можно проиграть или выиграть. Цель стороны судебного спора – одержать

победу над врагом. Частотными являются такие выражения, как *'to lose a case / an appeal'* (проиграть дело/апелляцию), *'to win the trial'* (выиграть суд), *'to defeat / to quell the opponent'* (нанести поражение / подавить противника). Приведем несколько примеров из корпусов: *If you were to win a case, how would it change the anti-deprivation rule?* (Если бы Вы выиграли это дело, что бы изменилось в законе о борьбе с мошенничеством при банкротстве) (АК); *State courts decide many similar cases every year, regularly determining which party is a loser and which one is a winner* (Каждый год суды штата рассматривают большое количество подобных дел, каждый раз решая, кто победитель, а кто побежденный) (АК); *The defendant being a huge corporation, it wasn't hard for its lawyers to quell the claimant* (Так как ответчик – крупная корпорация, ее юристам не составило труда подавить истца) (КК); *The ruling of the court is a major win for the plaintiff* (Решение суда – это крупная победа для истца) (АК); *In early August, the Freedom from Religion Foundation suffered an unaccustomed defeat in the courts* (В начале августа фонд «Свобода от религии» неожиданно потерпел поражение в ряде судебных дел) (АК); *U.S. Citizenship and Immigration Services obtained a judicial victory in the decision issued by the Ninth Circuit last week* (На прошлой неделе Служба гражданства и иммиграции США выиграла дело в Девятом окружном апелляционном суде) (АК); *A prospective plaintiff is entitled to wait until all the relevant evidence he needs to be sure that he is going to win is available* (Лицо, планирующее подать иск, имеет право дожидаться сбора всех доказательств, которые ему необходимы для победы в деле) (КК); *In the Canadian highly adversarial Court system, each case is bound to end up in a victory or a defeat* (Поскольку в Канаде судебная система подразумевает максимальное противостояние сторон, любое судебное разбирательство обязательно заканчивается победой или поражением) (КК). Победитель в войне получает награду в виде медали или ордена, что на английском обозначается глаголом *'to award'*

(*to award a medal for bravery* (*вручить медаль за отвагу*)), тот же самый глагол используется, когда речь идет о присуждении компенсации стороне, победившей в судебном споре (*to award damages*). К примеру, *The plaintiff asks this Court to award compensatory damages in the amount of \$105,000 to cover the medical bills as well as lost wages* (*Истец обращается к суду с прошением о присуждении компенсации в размере 105 000 долларов за медицинские расходы и утрату заработка*) (АК).

Помимо выявления концептуальных метафор, подтверждающих концептуализацию судебного разбирательства в терминах войны, перед нами стояла цель определить, в каком национальном варианте судебного дискурса, канадском или американском, данная метафорическая модель применяется в речи чаще. После проведения количественного анализа были получены результаты, указанные в таблице. В ней приведены наиболее частотные концептуальные метафоры либо для американского, либо для канадского судебного дискурса.

**РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АМЕРИКАНСКОМ И КАНАДСКОМ КОРПУСАХ
RESULTS OF A COMPARATIVE QUANTITATIVE ANALYSIS OF METAPHORS
IN THE AMERICAN AND CANADIAN CORPORA**

Концептуальная метафора	Число употреблений		Разница значений	Соотношение, %
	АК	КК		
courtroom battle, litigation battle	104	90	14	13
courtroom confrontation	30	39	9	23
adversary	72	28	44	61
opponent	37	6	31	83
opposing party	6	1	5	83
your colleague on the other side	10	4	6	60
the opposing counsel	23	11	12	52
defendant	370	381	11	3
to defend the position	23	12	11	47
to attack / to counterattack	7	4	3	42
to fight in court / to fight back the charges	63	54	9	14
the force / thrust / the strength of the argument	16	18	2	11
the argument is strong / powerful / flimsy	49	31	18	36
arsenal / panoply / armory of laws	23	8	15	65
to win the case	54	52	2	4
to lose the case	31	28	3	10
to quell the opponent	3	4	1	25
to defeat the opponent	19	14	5	26

Примечание: серой заливкой выделены наиболее частотные для канадского судебного дискурса метафоры.

Из *таблицы* видно, что в американском судебном дискурсе метафорические единицы по модели «судебное разбирательство – война» встречаются чаще, чем в канадском. Хотя и были выявлены определенные метафоры, которые более характерны для канадского судопроизводства, количественная разница с американским вариантом, выраженная в процентном соотношении, в основном незначительная.

Заключение

Концептуальная метафора «спор–война», являясь продуктивной моделью концептуализации действительности, применима к такой разновидности спора, как судебное разбирательство. В судебном дискурсе происходит метафорическое проецирование элементов, свойств и характеристик концепта «война» на таковые концепта «судебное разбирательство».

После проведения анализа американского и канадского корпусов, содержащих тексты судебных решений, стенограммы заседаний Верховных судов США и Канады, статьи экспертов в области права и судопроизводства, были решены поставленные задачи.

Во-первых, было доказано, что в американском и канадском национальных вариантах судебного дискурса разбирательство концептуализируется в терминах войны и военных действий.

Во-вторых, были описаны основные элементы концепта «война», которые получили коммуникативное высвечивание в концепте

«судебное разбирательство» в результате метафорического проецирования. Данные элементы формируют следующие метафорические модели: «зал судебного заседания – поле битвы», «представители сторон – противники/враги», «аргументы и доказательства сторон – оружие», «цель судебного разбирательства – победа над противником». Были приведены примеры, иллюстрирующие эти модели.

На завершающей стадии исследования проведен количественный анализ метафорических единиц в американском и канадском национальных вариантах судебного дискурса, в результате которого выявлено, что данные метафорические единицы более частотны в американском варианте. В определенных случаях количество использований метафорической единицы в американском варианте вдвое больше по сравнению с канадским.

Подводя итог, хотелось бы отметить практическую значимость данного исследования, которое позволило доказать актуальность положений теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона на примере американского и канадского национальных вариантов судебного дискурса. Основные направления дальнейших изысканий в области когнитивной метафоры видятся в анализе иных профессиональных видов дискурса с целью выявления национальной специфики метафорических моделей и их языковых воплощений.

Список литературы

1. *Gibbs R. W. Jr.* Idioms and Formulaic Language // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 697–725.
2. *Беляевская Е.Г.* О внутренней структуре концептуальной метафоры // *Когнитивные исследования языка*. 2018. Вып. 32. С. 540–548.
3. *Федоров М.А.* О понятии культурная разработанность в применении к концептуальной метафоре // *Вестн. Бурят. гос. ун-та. Язык. Литература. Культура*. 2018. Вып. 3. С. 56–65.
4. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 288 с.
5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с.
6. *Яроцук И.А.* Метафоры в праве: методологические основания исследования // *Вестн. РУДН. Сер.: Юрид. науки*. 2022. Т. 26, № 3. С. 596–610. DOI: [10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610)

7. Мальшиева Е.Г. Метафорическая модель 'Спорт – это война' в журналистском спортивном дискурсе (на материале текстов современных печатных и электронных СМИ) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2009. № 328. С. 14–19.
8. Mooney A., Evans B. *Language, Society and Power: An Introduction*. London: Routledge, 2015. 262 p.
9. Палашевская И.В. Судебный дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 3-4(20-21). С. 164–166.
10. Зубкова О.С. Лингвосомиотика профессиональной метафоры: дис. ... д-ра филол. наук. Курск, 2011. 460 с.
11. Berger B.L. Trial by Metaphor: Rhetoric, Innovation, and the Judicial Text // *Court Rev.* 2002. Vol. 39, № 3. С. 30–38.
12. Гаврилова И.А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2019. Т. 21, № 2. С. 504–512. DOI: [10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512)
13. Maley Y. *The Language of the Law* / ed. by J. Gibbons // *Language and the Law*. N.Y.: Longman, 1994. С. 11–50.
14. Newman J.H. The Art of Litigation – Part I. *The National Law Review*, 30 September 2009. URL: <https://www.natlawreview.com/article/art-litigation-part-i> (дата обращения: 14.09.2022).
15. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Яз. славян. культуры, 2014. 632 с.
16. Богачева Е.А., Семенова Э.В. Метафоры и фразеологизмы в профессиональной коммуникации (на материале англоязычного юридического дискурса) // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2021. № 2(5). С. 13–25. DOI: [10.24412/2658-5138-2021-5-13-25](https://doi.org/10.24412/2658-5138-2021-5-13-25)
17. Legal Dictionary. URL: <https://legaldictionary.net/?s=status+quo> (дата обращения: 15.08.2022).
18. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/defendant> (дата обращения: 19.08.2022).
19. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/attack#legalDictionary> (дата обращения: 20.08.2022).

References

1. Gibbs R.W. Jr. Idioms and Formulaic Language. *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford, 2007, pp. 697–725.
2. Belyaevskaya E.G. O vnutrenney strukture kontseptual'noy metafory [On Inner Cognitive Structure of Conceptual Metaphor]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2018, no. 32, pp. 540–548.
3. Fedorov M.A. O ponyatii kul'turnaya razrabotannost' v primenenii k kontseptual'noy metafore [The Term “Cultural Elaboration” as Applied to Cognitive Metaphor]. *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*, 2018, no. 3, pp. 56–65.
4. Wierzbicka A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Their Key Words]. Moscow, 2001. 288 p.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 2003 (Russ. ed.: Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafory, kotorymi my zhivem*. Moscow, 2004. 256 p.).
6. Yaroshchuk I.A. Metaphors in Law: Methodological Foundations for Research. *Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki*, 2022, vol. 26, no. 3, pp. 596–610 (in Russ.). DOI: [10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610)
7. Malysheva E.G. Metaforicheskaya model' 'Sport – eto vojna' v zhurnalistskom sportivnom diskurse (na materiale tekstov sovremennykh pechatnykh i elektronnykh SMI) [Metaphorical Model 'Sport Is War' in Journalistic Sports Discourse (Based on the Texts of Modern Print and Electronic Media)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 328, pp. 14–19.
8. Mooney A., Evans B. *Language, Society and Power: An Introduction*. London, 2015. 262 p.
9. Palashevskaya I.V. Sudebnyy diskurs [Judicial Discourse]. *Diskurs-Pi*, 2015, no. 3-4, pp. 164–166.
10. Zubkova O.S. *Lingvosemiotika professional'noy metafory* [Linguistic Semiotics of Professional Metaphor: Diss.]. Kursk, 2011. 460 p.
11. Berger B.L. Trial by Metaphor: Rhetoric, Innovation, and the Judicial Text. *Court Rev.*, 2002, vol. 39, no. 3, pp. 30–38.
12. Gavrilova I.A. Metaphorical Terms as Part of English Legal Terminology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, vol. 21, no. 2, pp. 504–512 (in Russ.). DOI: [10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512)
13. Maley Y. *The Language of the Law*. Gibbons J. (ed.). *Language and the Law*. New York, 1994, pp. 11–50.
14. Newman J.H. The Art of Litigation – Part I. *The National Law Review*, 30 September 2009. Available at: <https://www.natlawreview.com/article/art-litigation-part-i> (accessed: 14 September 2022).

15. Baranov A.N. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptive Theory of Metaphor]. Moscow, 2014. 632 p.
16. Bogacheva E.A., Semenova E.V. Metafori i frazeologizmy v professional'noy kommunikatsii (na materiale angloyazychnogo yuridicheskogo diskursa) [Metaphors and Phraseology in Professional Communication (on the Material of English Legal Discourse)]. *Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya*, 2021, no. 2, pp. 13–25. DOI: [10.24412/2658-5138-2021-5-13-25](https://doi.org/10.24412/2658-5138-2021-5-13-25)
17. *Legal Dictionary*. Available at: <https://legaldictionary.net/?s=status+quo> (accessed: 15 August 2022).
18. *Online Etymology Dictionary*. Available at: <https://www.etymonline.com/word/defendant> (accessed: 19 August 2022).
19. *Merriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/attack#legalDictionary> (accessed: 20 August 2022).

DOI: 10.37482/2687-1505-V241

Elena A. Dmitrieva
Peoples' Friendship University of Russia;
ul. Miklukho-Maklaya 7, Moscow, 117198, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6610-131X> e-mail: 1042200276@pfur.ru

METAPHORIZATION OF THE TRIAL USING WAR TERMINOLOGY IN THE AMERICAN AND CANADIAN NATIONAL VARIANTS OF JUDICIAL DISCOURSE: A COMPARATIVE ANALYSIS

Cognitive linguistic research into conceptual metaphors is the focus of attention of many scientists. These studies proceed from the postulate of cognitive linguistics which states that the world around us is categorized and structured according to certain cognitive models. These models are often based on the mapping of properties and elements of one concept onto the domain of another concept by virtue of similarity. Thus, conceptual metaphors are created, which are linguistic representations of the cognitive processes of human mind. According to G. Lakoff and M. Johnson's definition, the metaphorical model "argument is war" is a linguistic manifestation of such cognitive associations. This article presents the results of the study that aimed to determine the extent to which the metaphorical model "trial is war" can be applied to the American and Canadian national variants of judicial discourse, as well as to identify key elements underlying the metaphorical mapping of the concept of war onto the concept of trial. In addition, a comparative quantitative analysis was performed to determine which national variant of judicial discourse contains more metaphors based on the "trial is war" model. The following sources served as the material for the study: judgements of the courts of the United States and Canada, transcripts of the countries' highest judicial bodies, as well as articles by American and Canadian experts on law and legal proceedings. In order to conduct the quantitative and qualitative analysis, the material was arranged in two monolingual corpora, which were processed using the AntConc software.

Keywords: *conceptual metaphor, American judicial discourse, Canadian judicial discourse, comparative analysis, "argument is war"*.

Поступила 17.10.2022
Принята 15.01.2023
Опубликована 10.04.2023

Received 17 October 2022
Accepted 15 January 2023
Published 10 April 2023

For citation: Dmitrieva E.A. Metaphorization of the Trial Using War Terminology in the American and Canadian National Variants of Judicial Discourse: A Comparative Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 47–56. DOI: 10.37482/2687-1505-V241

УДК 81'44; 811.221.18

DOI: 10.37482/2687-1505-V249

*ЛЕВИТСКАЯ Алина Афаковна, кандидат филологических наук, доцент, руководитель отдела культурного наследия Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ). Автор 111 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5433-0078>

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГЛАГОЛАМИ СПЕЦИАЛЬНО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (в сопоставлении с русским)

Исследование темы выражения результативности действия в современном осетинском языке обнаруживает способность осетинских приставочных глаголов обозначать не только результативный характер действия, но и различные аспектуально-акциональные оттенки результативности, которые обозначаются глаголами специально-результативных способов действия (СД). Близость в аспектуально-акциональной семантике можно отметить в глаголах следующих осетинских и русских специально-результативных СД: дистрибутивно-суммарного, кумулятивного, тотального, смягчительного, производных от предельных глаголов. Совпадают в указанной семантике в обоих языках и глаголы следующих СД, производных от неопредельных: начинательного, длительно-ограниченного, ограничительного, однократного, чрезмерно-кратного. Отдельную группу специально-результативных СД, отличающих осетинский от русского языка, образуют глаголы со специфическими оттенками результативной акциональности: частично-результативный, тотально-качественный, моментально-результативный, основательно-результативный, интенсивно-результативный, нормативно-результативный, сравнительно-результативный. Предметом особого внимания в данной статье явились глаголы с приставкой фæ-. Предпринята попытка объяснить причины неограниченной аспектуально-акциональной активности этой приставки. По мнению автора, такая активность связана со свободой данной приставки от пространственно-ориентационной семантики, в силу чего она позже других вовлеклась в сферу обозначения конкретно-процессного значения несовершенного вида, а точнее признака перцептивности действия и, соответственно, других аспектуальных значений. Этот факт обеспечил затем, на более поздних этапах развития в осетинском языке вида как грамматической катего-

*Адрес: 362025, Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46; e-mail: 54alina.levitskaya@gmail.com

Для цитирования: Левитская А.А. Особенности выражения значения результативности глаголами специально-результативных способов действия в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 57–67. DOI: 10.37482/2687-1505-V249

рии, особую аспектуально-акциональную востребованность данной приставки. Сопоставление функционально-переводных осетинских и русских аспектуально-акциональных соответствий выявляет как универсальные, так и идиоэтнические элементы в оценке характера протекания и распределения действия во времени. Расхождения в этой оценке при единстве восприятия носителями разных языков одних и тех же ситуаций внеязыковой действительности представляют несомненный интерес для осетинской и русской, общей и сопоставительной аспектологии.

Ключевые слова: специально-результативные способы действия, осетинский язык, русский язык, глаголы предельной семантики, идиоэтнические компоненты, аспектология.

Введение.

Специально-результативные СД в современном осетинском языке

Выражение значения результативности глаголами различных СД¹ в осетинском языке давно привлекает наше внимание [2, с. 19–58]. В нем, как и в русском [3, с. 75–78], группа специально-результативных СД² представлена глаголами: **дистрибутивно-суммарного СД**, например: *равар-бавар кæнын* / “переставлять” и др.; **кумулятивного СД**, например: *фæхæлæф к.*³ / “расхватывать” (*хæлæф к.* / “расхватывать”) и др.; **тотального СД**, например: *фæчъизи к. (æмбæрзæнтæ цууылдар)* / “испачкать (все покрывала)” (*чъизи* / “грязнить, пачкать”) и др.; **смягчительного**

СД, например: *æрæмбæрзын* / “прикрыть” (*æмбæрзын* / “прикрывать”) и др.

Перечисленные СД образуются от предельных⁴ (ПД) глаголов или предельных значений глаголов с двойственной семантикой предельности/непредельности (НПД). Большую группу специально-результативных СД образуют СД от НПД глаголов, в которых предел носит особый характер. Он не связан с предельной природой самого действия, предельность (и, соответственно, результативность, поскольку «результативность является одним из основных аспектуальных⁵ значений категории предельности» [3, с. 68]) в глаголах этой группы детерминируется какими-то ограничителями –

¹«Способы действия – некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [1, с. 191].

²«Специально-результативные способы действия отличаются от общерезультативного тем, что, не изменяя соответствующей результативной направленности исходных глаголов, обладают дополнительными аспектуальными признаками» [3, с. 75]. «К общерезультативному СД относятся все бесприставочные и приставочные глаголы, действия которых направлены на достижение результата (предусмотренного или непредусмотренного), соответствующего их качественной природе и являющегося для них пределом осуществления. При достижении результата, что выражается формой СВ, он представлен как наличный после осуществления действия» [3, с. 73].

³Здесь и далее *к.* – сокращенно ‘*кæнын*’ – вспомогательный глагол в составных глаголах.

⁴«Предельные глаголы обозначают такие действия, которые по своей природе предполагают, хотя бы в отдаленной перспективе, достижения предела, кладущего конец действию. Непредельные глаголы обозначают действия, не предполагающие по своей природе никакого внутреннего предела, действия, которые могут длиться беспредельно и не содержат в самих себе никаких предпосылок своего прекращения» [1, с. 197].

⁵Аспектуальность – «функционально-семантическая категория, содержанием которой является характер протекания действия, а выражением – морфологические, словообразовательные и лексические средства при участии некоторых синтаксических элементов предложения» [4, с. 28].

«количественно-временными (постоять некоторое время, проспать два часа и т. д.), количественно-интенсивными (докуриться до болезни, раскричаться до хрипоты и т. д.), объектно-предметными (писать письмо, строить дом и т. д.)» [3, с. 68]. Сопоставительный анализ акциональной⁶ семантики [2, с. 42–49] осетинских и русских глаголов данной группы показывает их близость в значениях **длительно-ограниченно-го (пердуративного) СД** [3, с. 79], например: *фæбадын/“просидеть долго” (бадын/“сидеть”)* и др.; **ограничительного (делимитативного) СД** [3, с. 80], например: *абадын/“просидеть недолго” (бадын/“сидеть”)* и др.; **начинательного СД** [3, с. 80], например: *скусын/“заработать”* и др. Значение начинательности в осетинских глаголах может осложняться дополнительной акциональностью, например **значением внезапности** (*æрбакъуызитт к./“неожиданно зашвистеть” (къуызитт к./“швистеть”)*) и др.) или **интенсивности действия** (*ныззарын/“запеть громко” (зарын/“петь”)*) и др.). А также близость семантики глаголов **однократного СД** в русском и осетинском языках, например: *схуыпп к./“хлебнуть” (хуыпп к./“хлепать”); фæсыффытт к./“мелькнуть” (сыффытт к./“мелькать”)* и др. И в осетинском, и в русском [6, с. 119] языках значение однократности может дополняться дополнительными акциональными оттенками, например, **экспрессивности** (*ныззыввытт к./“швырнуть с силой” (зыввытт к./“швырять”); срæцугъын/“лягнуть, сболтнуть”*) и др.), подчеркнутой **результативности** действия (*бауигъын/“тряхнуть” (уигъын/“трясти”)*) и др.).

Из глаголов терминативно-интенсивных СД в осетинском языке предметом нашего вни-

мания стал **чрезмерно-кратный СД**. Уточняя аспектуально-акциональную семантику глаголов данного СД, характеризованного в русском языке приставкой из-/ис-, М.А. Шелякин отмечает, что «значение чрезмерно-кратных глаголов сводится к суммарному представлению чрезмерно-кратного проявления действия в связи с субъективно-отрицательной оценкой количества действия (измучиться, изголодаться, изолгаться)» [3, с. 80–82]. Осетинскими функционально-переводными соответствиями глаголов этого СД нами отмечены глаголы с приставкой *фæ-*, например⁷: «И душа моя *изболится*, гляючи на вас... (с. 223) // Стæй удай дæр *фæрисдзынаен (риссын/ “болеть”)*, сыхмахмæ кæстгæйæ...» (с. 282).

Кроме вышеназванных специально-результативных СД, семантика которых практически совпадает в осетинском и русском языках, в первом есть группа специально-результативных СД, аспектуально-акциональные значения которых позволяют выделить их в особую группу с идиоэтническим компонентом. Ранее нами отмечалось, что соответствующие акциональные смыслы, различающие между собой эти СД, маркируются определенной приставкой⁸, закрепленной за каждым из данных СД и ассоциируемой у носителей языка с конкретным акциональным смыслом. Предложенные нами ранее названия СД данной группы [9, с. 97–100] связаны именно с особенностями акциональной семантики глаголов каждого из этих СД. **Частично-результативный СД**, характеризованного приставкой *а-*, – глаголы данного СД обозначают неполную степень проявления действия, результат которого не отвечает предполагаемой норме: *атавын/“погреть слег-*

⁶Акциональность понимается как «относительно самостоятельные/полуграмматические, адвербиальной или атрибутивной природы/признаки глаголов, указывающие на формы/способы осуществления действия/, т. е. формы/способы развития действия во времени» [5, с. 43].

⁷В статье приводятся примеры из романа А. Фадеева «Молодая гвардия» на русском и осетинском языках. В скобках к примерам указаны страницы изданий [7; 8].

⁸В современном осетинском языке функционируют 8 продуктивных приставок: *а-, æр-, æрба-, ба-, ны-, ра-, с-, фæ-*.

ка” или “погреть недолго”⁹ (*тавын/ “греть”*) и др. **Тотально-качественный СД**, характеризованный приставкой *æр-*, – глаголы данного СД близки русским функционально-переводным соответствиям, принадлежащим к тотальному СД, который обозначает «крайнюю степень интенсивности действия, проявляющуюся в его распределенном воздействии на весь объект или субъект» [3, с. 77], но отличаются от них наличием в семантике дополнительных компонентов типа «всесторонне», «тщательно», «прочно» и т. п., что позволяет соотнести осетинские эквиваленты с глаголами русских качественно-результативных СД: качественно-оценочного СД (*прожарить* и т. п.) и осложненно-характеризующего СД (*тщательно выписать буквы* и т. п.) [5, с. 439], например: *æрфидар к./ “закрепиться основательно, прочно”* (*фидар к./ “укрепляться”*) и др. **Моментально-результативный СД**, характеризованный приставкой *æрба-*, – обозначаемое глаголами этого СД действие совершается очень быстро, внезапно, неожиданно, моментально: *æрбамæлын/ “умереть внезапно”* (*мæлын/ “умирать”*) и др. **Основательно-результативный СД**, характеризованный приставкой *ба-*, – в глаголах данного СД внимание аккумулируется на факте особой, подчеркнутой результативности действия: *байдзаг к./ “наполнить до краев”* (*дзаг к./ “наполнять”*) и др. **Интенсивно-результативный СД**, характеризованный приставкой *ны-*, – глаголы данного СД обозначают интенсивность действия, его эмоционально-экспрессивную окрашенность: *нылæмарын/ “отжать, выдавить с силой”* (*лæмарын/ “выжимать, давить”*) и др. **Нормативно-результативный СД**, характеризованный приставкой *с-*, – глаголы данного СД обозначают полную исчерпанность дей-

ствия в пределах допустимой (применительно к данному действию) нормы: *сбæзджын у.*¹⁰ / “сгуститься” (*бæзджын к./ “сгущаться, уплотняться, густеть”*) и др. **Сравнительно-результативный СД**, характеризованный приставкой *фа-*, – глаголами данного СД обозначается бóльшая степень проявления признака (действия) в сравнении с условным исходным состоянием: *фабæзджын у./ “стать более густым”* (*бæзджын к./ “сгущаться, уплотняться, густеть”*) и др.

Осетинские однокоренные глаголы с разными приставками, т. е. с разными акциональными смыслами, относящиеся к разным специально-результативным СД, переводятся обычно одним и тем же русским глаголом. Акциональные смыслы, носителями которых выступают осетинские глаголы, в русском варианте актуализируются контекстом [9, с. 97].

Основная часть.

Лексико-семантические разряды глаголов¹¹, производящих для специфических специально-результативных СД в современном осетинском языке

1. Квалификативные глаголы

Самой многочисленной группой глаголов, участвующих в качестве производящих для глаголов специфических специально-результативных СД, являются *квалификативные глаголы* со значением действий, направленных на частичное изменение признаковых свойств их объектов или субъектов. Они представлены в осетинском следующими лексико-семантическими разрядами: 1) *глаголы со значением придания объекту или субъекту новой формы, вида, состояния* и т. п.

Сравним, например, приставочные глаголы *частично-результативного СД* и *интенсивно-*

⁹Как и в русском языке [10, с. 597], уточнить эти два значения в осетинских глаголах данного СД – «произвести действие слегка, с небольшой интенсивностью» и «произвести действие в течение недолгого времени» – помогает контекст, иногда они совмещаются в акциональной семантике осетинских глаголов данного СД, как и в «русских глаголах уменьшительно-смягчительного способа действия» [10, с. 597].

¹⁰Здесь и далее *у.* – сокращенно вспомогательный глагол *уæвын (уын)/ “быть, стать”*.

¹¹В выделении таких разрядов осетинской глагольной лексики используются критерии классификации М.А. Шелякина [5, с. 205–215], оцениваемыми нами как универсальные.

результативного СД, образованные от одного и того же глагола *баэттын* / «связывать, завязывать, привязывать, перевязывать, подвязывать» [11, т. 2, с. 208]: *абэттын* / «завязать, связать слегка, наскоро, на бегу» (частично-результативный СД) и *ныббаэттын* / «завязать, связать крепко-накрепко» (интенсивно-результативный СД). Очевидно, что объекту действий будут приданы разные формы, состояния как результат реализации разных способов действия, названных глаголами определенных специально-результативных СД. Различаются по акциональности (и, соответственно, приставками) и глаголы следующего 2) лексико-семантического разряда – со значением *наделения предмета каким-либо признаком*. Сравним: *аурс к.* / «побелить слегка, наскоро» (близко по значению русскому «подбелить») (частично-результативный СД) и *ныуурс к.* / «сделать очень белым, побелить до яркой белизны» (интенсивно-результативный СД);

3) следующий разряд – это глаголы со значением *эмоционально-волевого, речевого воздействия, предпринимаемого с целью вызвать определенные признаковые свойства или состояния у одушевленного объекта*. Например: производные от глагола *афхерын* / «обижать, оскорблять; поносить; упрекать, укорять, делать выговор, наказывать, карать; причинять боль» [11, т. 1, с. 652] с приставкой *а-*: *афхерын* / «обидеть» в значении ‘пожурить’ [11, т. 1, с. 239] – это глагол частично-результативного СД; с приставкой *ба-*: *бафхерын* / «обидеть» в значении ‘наказать, расправиться, оскорбить’ [11, т. 2, с. 146] – это глагол основательно-результативного СД и др. Очевидна разница в акциональных оттенках и, соответственно, в обозначении эмоциональных состояний объекта.

2. Особенности маркировки значения сравнительной результативности в глаголах с приставкой *фае-*

В глаголах сравнительно-результативного СД значение сравнительной характеристики

результата действия может дополнительно маркироваться словообразовательным формантом *-даер*, который в грамматиках современного осетинского языка определяется как «суффикс отыменного употребления, образующий сравнительную степень» [12, с. 614]. Примечательно при этом то, что один и тот же глагол сравнительно-результативного СД может функционировать в контекстах, равнозначных с точки зрения аспектуально-акциональных смыслов, имея в своем морфемном составе этот аффикс или не имея его. Например: Но, когда она немножко *выросла*, она полубила танцы... (с. 256) // *Фæлæ иучисыл куы фæхъомылдæр*¹², уæд кафын бауарзта... (с. 322). Ср.: А после этой ночи оказывается, что ты *повзрослел* (с. 124) // *Уыцы æхсæвы фæстæ та рабæрæг и, ды кæй фæхъомыл да, уый* (с. 157).

Фæхъомылдæру. = *фæхъомыл у.* / «повзрослеть, подрасти, вырасти» [11, т. 4, с. 316].

Подобная вариативность в оформлении значения сравнительно-результативной акциональности, маркированной приставкой *фае-* и иногда дополнительно формантом *-даер*, может, на наш взгляд, объясняться следующими причинами:

– Эта приставка – единственная в системе осетинских приставок не имеет, в отличие от остальных, пространственно-ориентационной семантики¹³, что послужило ее более позднему вовлечению в сферу выражения видовых значений. На первом этапе формирования вида в аланском языке (не раньше XIII века) [2, с. 162–172] только глаголы движения-перемещения с определенными приставками (*ра-*, *арба-*, *ар-*, *с-*) постепенно включались в обозначение процессности действия, поскольку их пространственно-ориентационная семантика не противоречила возможности обозначить признак перцептивности¹⁴ (наблюдаемости процесса протекания действия). В их семантике отсутствовало противоречие между семами «место локализации наблюдателя» и «место протекания

¹²Данной формы в словарях современного осетинского языка нет.

¹³Более подробно о пространственно-ориентационной семантике осетинских приставок см.: [12, с. 594, 13, с. 9].

ния действия», что позволяло фиксировать процесс протекания действия *intra terminos* (между началом и концом), *in medias res* (в середине процесса). Именно этот фактор – возможность выражать конкретно-процессное значение – стал главным на начальном этапе формирования вида, так же как и в русском¹⁵. Важно отметить, что в осетинском языке становление грамматической категории вида началось с формирования конкретно-процессного значения несовершенного вида (НСВ) в кругу приставочных глаголов со значением результативности, прежде всего, в глаголах движения/перемещения на стыке значений предельности и перцептивности [2, с. 172], т. е. типологически сходным образом с формированием вида в русском языке [16, с. 471; 17, с. 163].

– Отражением довольно позднего и поэтапного включения приставочных образований с *фæ-* в сферу видовых противопоставлений является и то, что даже на нынешнем этапе функционирования вида как грамматической категории в современном осетинском языке эту группу приставочных глаголов и исследователи осетинского языка, и составители словарей отмечают как особую, с двойственной аспектуальной семантикой: «Преверб *фæ-* выделяется из остальных превербов... В настоящем времени выражает обычность действия (“пермансив”), что не вполне совпадает с многократностью, выражаемой в настоящем времени другими превербами... В прошедшем и будущем времени превербом *фæ-* может передаваться, с одной стороны, быстрое и короткое, с другой – длительное или повторяющееся дей-

ствие. Только контекст указывает, какое из этих двух значений имеет место в данном случае» [12, с. 595–597]. «Глагольная приставка *фæ-* 1) придает глаголу значение совершенного вида; 2) выражает многократность или длительность действия; 3) совмещает, с одной стороны, быстрое и короткое, с другой – длительное или повторяющееся действие» [18, с. 392]. «Глагольная приставка *фæ-* выражает многократность или длительность действия» [11, т. 4, с. 216]. Типологически сходная картина наблюдалась и в русском языке на протяжении нескольких веков: «В древних славянских памятниках /и особенно в древнерусских/ мы находим глаголы, могущие принадлежать к обоим этим видам или вообще, с точки зрения вида, строго еще не установившиеся» [19, с. 141].

– На этапе окончательного оформления противопоставлений бесприставочного/приставочного как глаголов НСВ/СВ именно отсутствие в глаголах с приставкой с *фæ-* локальной семантики способствует ее фактически беспрепятственному соединению с глаголами разных лексико-семантических разрядов, на что обратил внимание еще Э. Бенвенист, отметивший ее неограниченную словообразовательную активность [20, с. 109], и, подчеркнем, возможность выражать самые разные акциональные оттенки. Более того, именно свобода от пространственно-ориентационных значений на определенном этапе развития осетинской категории вида обеспечит вовлечение приставочных образований с *фæ-* для выражения конкретно-процессного значения НСВ и участия в парном видообразовании [9, с. 104–106].

¹⁴Признак перцептивности (наблюдаемости – от лат. *perceptio*/восприятие) является важнейшим контекстуальным и ситуативным условием реализации функции процессности действия. «Процессное действие – это действие, воспринимаемое в процессе его протекания, действие, наблюдаемое (или воспринимаемое на слух, осязаемое и т. д.). Признак перцептивности реализуется и конкретизируется в обозначении момента фиксации процесса, наблюдателя (воспринимающего субъекта) и места протекания воспринимаемого процесса (в определенном отношении к позиции восприятия)» [14, с. 14].

¹⁵Как подчеркивает А.В. Бондарко, признак перцептивности является важнейшим контекстуальным и ситуативным условием реализации функции процессности, с обозначения которой начинается формирование категории вида: «Признак перцептивности реализуется и конкретизируется в обозначении момента фиксации процесса, наблюдателя /воспринимающего субъекта/ и места протекания воспринимаемого процесса (в определенном отношении к позиции восприятия)» [14, с. 14; 15, с. 133].

Являясь неотъемлемым элементом системы осетинских глагольных приставок, приставка *фæ-* несет функционально-семантические, аспектуально-акциональные «обязательства» наряду с другими членами данной системы, за ней закреплено несколько акциональных «миссий», в т. ч. и маркировка сравнительно-результативного СД. И она выполняет эту миссию, не «взирая» на то, что в отдельных случаях сравнительное значение уже присутствует в именной части сказуемого благодаря форманту *дæр-*. Сравним: *фидардæр к./“становиться крепче” (фидар/“крепкий”)* и *фæфидар к./“укрепиться, стать более крепким”* и др. Соединяясь с бесприставочным глаголом, *фæ-* перфективирует глагол и одновременно вносит в значение глагола сему сравнительной акциональности. Данный факт обеспечивает ей конкурентное преимущество: в языке, как известно, работает закон экономии языковых средств: «...для языковой деятельности характерна определенная тенденция к бережливости. В соответствии с этой тенденцией в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат столько, сколько необходимо для понимания» [21, с. 372].

3. Лексико-семантические разряды с семантикой трансформативного воздействия

Возвращаясь к теме специально-результативных СД, образуемых в современном осетинском языке от различных лексико-семантических разрядов глагольной лексики, отметим, что, кроме уже описанных выше нескольких групп квалификативных глаголов, в образовании специфических специально-результативных СД участвуют и другие глаголы с семантикой «трансформативного воздействия, обозначающие проявление одновероятных... состояний объекта или субъекта» [5, с. 205]. Например, *деструктивные глаголы со значением действий, направленных на изменение объекта или субъекта*. Так, от глагола *сæттын/“разбивать, ломать”* [11, т. 3, с. 620] могут быть образованы глаголы таких специфических специально-результативных СД, как моментально-результативный

СД: *æрбасæттын/“сломать неожиданно, быстро”* и интенсивно-результативный СД: *ныссæттын/“сломать”* в значении, близком русскому *“изломать в пух и прах”*.

К деструктивным примыкают и глаголы с семантикой действия, направленного на изменение положения объекта, его отделение или перемещение в широком смысле слова. Каждая из приставок в глаголах данной семантической группы вносит особый оттенок результативности. Например, от глагола *фæлдæхын/“переворачивать(ся), опрокидывать(ся)”* [11, т. 4, с. 245] при соединении с приставкой *а-* образуются глаголы частично-результативного СД: *афæлдæхын* в значении, близком русскому *“повалиться набок, на одну сторону”*. Приставка *фæ-* вносит значение сравнительно-результативного СД: *фæфæлдæхын/“чуть было не перевернуться, изменить устойчивость положения в сравнении с исходным”* и др.

Не менее обширную группу в классе глаголов трансформативного воздействия составляют конструктивные глаголы со значением появления новых одновероятных состояний в широком смысле слова, в т. ч. и со значением активных действий субъекта, направленных на различные виды познания, например, от глагола *бæлвырд к./“выяснять, уточнять, удостоверять”* [11, т. 2, с. 180]: *абæлвырд к./выяснить, уточнить* в значении *слегка прояснить* – частично-результативный СД; *сбæлвырд к./выяснить, сделать ясным* в значении *сделать полностью ясным* – нормативно-результативный СД; *фæбæлвырд к./“выяснить, уточнить, определить”* в значении *несколько прояснить, уточнить* – сравнительно-результативный СД.

Очевидную разницу в акциональных особенностях осетинских однокоренных глаголов, принадлежащих к разным специально-результативным СД, обнаруживает их употребление в границах одного и того же контекста в сравнении с их русскими функционально-переводными эквивалентами, представленными обычно одним и тем же глаголом. Например: Он сражался еще под командованием Фрунзе. В те юные годы он выдвинулся как стойкий боец.

Он выдвинулся как умный боец. Но он выдвинулся не только потому: стойкие и умные люди не редкость в народе. Исподволь, незаметно, казалось бы даже медленно, усваивал он все то, чему учили бойцов-красноармейцев ротные политруки, батальонные и полковые комиссары... И он не просто усваивал их науку – он перерабатывал и прочно укладывал ее в своей душе. И вдруг выдвинулся среди боевых товарищей своих как человек незаурядного политического дарования (с. 34–35) // Уый ма уæд хæцыди, Фрунзе командæ кæмæн кодта, уыцы æфсæдтимæ. Уыцы æрыгон азты йæхи равдыста (букв.: ‘показал себя’. – А.Л.) тыхджын хæстонæй. Размæ баскуыхти (букв.: ‘выдвинулся с подчеркнутым значением результата’. – А.Л.) зондджын хæстонæй. Фæлæ æрмаст уый тыххæй нæ фескуыхти (букв.: ‘выдвинулся в значении ‘отличился по сравнению с другими боевыми товарищами’. – А.Л.): адамы’хсæн хъæбатыр æмæ зондджын лæгтæ стæм не сты. Цадаггай, æнæзынгæ, цыма тагъд нæ кодта, афтæмæй йæ зæрдæмæ арф иста ротæты политразамонджытæ, батальонтæ æмæ полчыты комиссартæ ... æфсæддонты цауылдæриддæр ахуыр кодтой, уыдон. Æмæ уый æрмаст арф нæ иста йæ зæрдæмæ уыцы ахуыр, – бакуыста-иу æй ног æмæ-иу æй фидар сæвæрдта йæ зæрдæйы. Стæй æвиппайды йæ хæстон æмбæлтты æхсæнæй размæ рацыд (букв.: ‘вышел вперед’. – А.Л.), куыд политикон курдиат кæмæ уыд, ахæм адæймаг (с. 42).

Из четырех употреблений русского глагола ‘выдвинулся’ двум соответствуют осетинские приставочные образования от глагола *скуыхын* (*сгуюхын*)/‘отличаться, выдвигаться’ с разными приставками: *баскуыхти*/‘выдвинулся’ – глагол основательно-результативного СД; *фескуыхти*/‘выдвинулся, отличился’ – глагол сравнительно-результативного СД. Двум другим употреблением русского глагола *выдвинулся* функционально-семантически соответствуют кон-

струкции, синонимичные глаголу *скуыхын*/‘выдвигаться’, – *размæ рацыди*/‘вышел вперед’ (*цауын*/‘идти’) и *йæхи равдыста*/‘показал себя’ (*æвдисын*/‘показывать’).

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в осетинских глаголах с приставками, имеющими лексическое значение, производных от глаголов предельной семантики, кроме общего для них значения результативности как одного из основных составляющих предельности, обнаруживаются так же, как и в русских глаголах с лексическими значениями приставок [3, с. 68], дополнительные акциональные смыслы (ментальность действия, его интенсивность, его качественная основательность, сравнительная или частичная степень его результативной реализации и др.). Эти смыслы, связанные с семантикой результативности, представляют особый интерес для аспектологов с точки зрения специфических характеристик протекания действия, а также понимания особенностей участия глаголов специфических специально-результативных СД в образовании видовых пар. Словообразовательная активность приставки *фæ-*, отличающая ее от других, объясняется, как было отмечено выше, отсутствием в ней пространственно-ориентационной семантики. Этот «изъян» в приставке *фæ-* становится со временем ее конкурентным преимуществом и обеспечивает ее неограниченную «валентность», постепенное вовлечение в выражении таких акциональных комбинаций, которые представляют несомненный интерес как с точки зрения историко-типологической – похожую картину мы наблюдаем и в истории развития русской категории вида [17, с. 277–278; 22, с. 308–312] – так и в плане выявления универсальных и, особенно, идиоэтнических компонентов в аспектуально-акциональной семантике русских и осетинских глаголов, даже в тех, которые принадлежат к близким по значению способам действия.

Список литературы

1. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // *Вопр. грамматики болгарского литературного языка / отв. ред. С.Б. Бернштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 157–312.*
2. Цалиева А.А. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 268 с.
3. Шелякин М.А. Способы действия в поле лимитативности // *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: URSS, 2017. С. 63–85.*
4. Бондарко А.В. К проблематике функционально-семантических категорий. (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // *Вопр. языкознания. 1967. № 2. С. 18–32.*
5. Шелякин М.А. Приставочные способы глагольного действия и категория глагольного вида в современном русском языке: (К теории функционально-семантической категории аспектуальности): дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1972. 566 с.
6. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 226 с.
7. Фадеев А.А. Молодая гвардия // *Фадеев А.А. Собр. соч.: [в 7 т.]. Т. 3. М.: Художественная лит-ра, 1972. 678 с.*
8. Фадеев А.А. Арыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 ф.
9. Левитская А.А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // *Вопр. языкознания. 2007. № 5. С. 89–107.*
10. Авилова Н.С. Способы глагольного действия // *Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. С. 594–602.*
11. Осетинско-русский словарь: в 4 т. / сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, Т. 1, 2016. 679 с.; Т. 2, 2017. 724 с.; Т. 3, 2018. 720 с.; Т. 4, 2019. 749 с.
12. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка // *Осетинско-русский слов. 2-е изд., доп. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1962. С. 194–662.*
13. Выдрин А.П. Превербные в осетинском языке: взаимодействие с категорией времени // *Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие. Материалы докладов, Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2016 г. / Ин-т лингвист. Исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 9–15.*
14. Бондарко А.В. Об уровнях описания грамматических единиц: на примере анализа функций глагольного вида в русском языке // *Функциональный анализ грамматических единиц. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. С. 5–28.*
15. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 207 с.
16. Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // *Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Яз. славян. культуры, 2004. С. 445–476.*
17. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982. 435 с.
18. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1962. 662 с.
19. Кузнецов П.С. Очерки по морфологии праславянского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 150 с.
20. Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М.: Наука, 1965. 168 с.
21. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностранная лит-ра, 1960. 501с.
22. Ружичка Р. Глагольный вид в «Повести временных лет» // *Вопросы глагольного вида: сб. [ст.: переводы] / сост., ред., вступ. статья и примеч. Ю.С. Маслова. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 308–319.*

References

1. Maslov Yu.S. Glagol'nyy vid v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke (znachenie i upotreblenie) [Verbal Aspect in the Modern Bulgarian Literary Language (Role and Usage)]. Bernshteyn S.B. (ed.). *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [Questions of the Grammar of Bulgarian Literary Language]. Moscow, 1959, pp. 157–312.

2. Tsaliyeva A.A. *Aspektual'nost' v osetinskom yazyke, ee geneticheskie i areal'nye svyazi* [Aspectuality in the Ossetian Language, Its Genetic and Geographical Links: Diss.]. Leningrad, 1983. 268 p.
3. Shelyakin M.A. *Sposoby deystviya v pole limitativnosti* [Lexical Aspects in the Field of Limitativeness]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. Moscow, 2017, pp. 63–85.
4. Bondarko A.V. *K problematike funktsional'no-semanticheskikh kategoriy. (Glagol'nyy vid i "aspektual'nost'" v russkom yazyke)* [On the Problems of Functional-Semantic Categories. (Verbal Aspect and "Aspectuality" in the Russian Language)]. *Voprosy yazykoznanija*, 1967, no. 2, pp. 18–32.
5. Shelyakin M.A. *Pristavochnye sposoby glagol'nogo deystviya i kategoriya glagol'nogo vida v sovremennom russkom yazyke: (K teorii funktsional'no-semanticheskoy kategorii aspektual'nosti)* [Prefixal Aktionsarten and the Category of Verbal Aspect in Modern Russian: (On the Theory of the Functional-Semantic Category of Aspectuality): Diss.]. Leningrad, 1972. 566 p.
6. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow, 2000. 226 p.
7. Fadeyev A.A. *Molodaya gvardiya* [The Young Guard]. Fadeyev A.A. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow, 1972. 678 p.
8. Fadeyev A.A. *Ærygon gvardi*. Vladikavkaz, 1953. 839 p.
9. Levitskaya A.A. *O vidovoy nesootnositel'nosti v sovremennom osetinskom yazyke (vliyanie universal'nykh i idioetnicheskikh faktorov)* [On Aspect Incongruity in Contemporary Ossetic (Influence of Universal and Idioethnic Factors)]. *Voprosy yazykoznanija*, 2007, no. 5, pp. 89–107.
10. Avilova N.S. *Sposoby glagol'nogo deystviya* [Verbal Aktionsarten]. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow, 1980, pp. 594–602.
11. Guriev T.A., Gutieva E.T. (comps.). *Osetinsko-russkiy slovar'* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz. Vol. 1, 2016. 679 p.; Vol. 2, 2017. 724 p.; Vol. 3, 2018. 720 p.; Vol. 4, 2019. 749 p.
12. Abaev V.I. *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka* [Essay on the Grammar of the Ossetian Language]. *Osetinsko-russkiy slovar'* [Ossetian-Russian Dictionary]. Ordzhonikidze, 1962, pp. 194–662.
13. Vydrin A.P. *Preverby v osetinskom yazyke: vzaimodeystvie s kategoriej vremeni* [Preverbs in the Ossetian Language: Interaction with the Category of Tense]. *Grammaticheskie kategorii v yazykakh mira: ierarkhiya i vzaimodeystvie* [Grammatical Categories in the Languages of the World: Hierarchy and Interaction]. St. Petersburg, 2016, pp. 9–15.
14. Bondarko A.V. *Ob urovnyakh opisaniya grammaticheskikh edinit: na primere analiza funktsiy glagol'nogo vida v russkom yazyke* [On the Levels of Description of Grammatical Units: Exemplified by the Analysis of the Functions of Verbal Aspect in the Russian Language]. *Funktsional'nyy analiz grammaticheskikh edinit* [Functional Analysis of Grammatical Units]. Leningrad, 1980, pp. 5–28.
15. Bondarko A.V. *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of Functional Grammar and Issues of Aspectology]. Leningrad, 1983. 207 p.
16. Maslov Yu.S. *Rol' tak nazyvaemoy perfektivatsii i imperfektivatsii v protsesse vzniknoveniya slavyanskogo glagol'nogo vida* [The Role of the So-Called Perfectivation and Imperfectivation in the Process of the Emergence of the Slavic Verbal Aspect]. Maslov Yu.S. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works: Aspectology. General Linguistics]. Moscow, 2004, pp. 445–476.
17. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol* [Historical Grammar of the Russian Language. Morphology. Verb]. Moscow, 1982. 435 p.
18. *Osetinsko-russkiy slovar'* [Ossetian-Russian Dictionary]. Ordzhonikidze, 1962. 662 p.
19. Kuznetsov P.S. *Ocherki po morfologii praslavyanskogo yazyka* [Essays on the Morphology of the Proto-Slavic Language]. Moscow, 1961. 150 p.
20. Benveniste É. *Ocherki po osetinskomu yazyku* [Essays on the Ossetian Language]. Moscow, 1965. 168 p.
21. Paul H. *Principien der Sprachgeschichte*. Halle, 1880. 288 p. (Russ. ed.: Paul' G. *Printsipy istorii yazyka*. Moscow, 1960. 501 p.).
22. Růžička R. *Glagol'nyy vid v "Povesti vremennykh let"* [Verbal Aspect in the *Tale of Bygone Years*]. Maslov Yu.S. (ed.). *Voprosy glagol'nogo vida* [Questions of Verbal Aspect]. Moscow, 1962, pp. 308–319.

DOI: 10.37482/2687-1505-V249

Alina A. Levitskaya

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia – Alania;
ul. Vatutina 46, Vladikavkaz, 362025, Respublika Severnaya Osetiya – Alaniya, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5433-0078> e-mail: 54alina.levitskaya@gmail.com

**EXPRESSION OF THE MEANING OF EFFECTIVENESS
BY VERBS OF SPECIAL EFFECTIVE AKTIONSPORTEN
IN THE MODERN OSSETIAN LANGUAGE
(Compared with Russian)**

The study of expressing the effectiveness of an action in the modern Ossetian language shows that Ossetian prefixal verbs can denote not only the effectiveness of an action, but also various aspectual-actional shades of effectiveness, which are denoted by verbs of special effective Aktionsarten. Similarity in terms of aspectual-actional meaning is observed in the verbs of the following Ossetian and Russian special effective Aktionsarten derived from telic verbs: distributive-total, cumulative, total, and softening. In the above semantics in both languages, verbs of the following Aktionsarten derived from atelic verbs coincide: inchoative, durative-limited, restrictive, semelfactive, and reiterative. A separate group of special effective Aktionsarten that distinguish Ossetian from Russian is formed by verbs with specific shades of effective actionality: partially effective, total-qualitative, instantaneously effective, thoroughly effective, intensively effective, normatively effective, and comparatively effective. A subject of particular attention in this article are the verbs with the *fæ-* prefix. An attempt is made to explain the reasons for the unlimited aspectual-actional activity of this prefix. According to the author, such activity is associated with the freedom of this prefix from the spatial-orientational semantics, which resulted in a later (than other prefixes) involvement in denoting the specific-process meaning of the imperfective aspect, or rather, the perceptivity of an action and, accordingly, other aspectual meanings. As a consequence, this prefix was in great aspectual-actional demand at the later stages of development of the aspect as a grammatical category in the Ossetian language. A comparison of functional and translational Ossetian and Russian aspectual-actional equivalents reveals both universal and idioethnic elements in assessing the nature of the progression and distribution of an action in time. Differences in this assessment (with similar perception by speakers of different languages of the same situations of extralinguistic reality) are of undoubted interest for Ossetian and Russian general and comparative aspectology.

Keywords: *special resultative Aktionsart, Ossetian language, Russian language, verbs with atelic semantics, idioethnic components, aspectology.*

Поступила 16.05.2022
Принята 20.01.2023
Опубликована 19.04.2023

Received 16 May 2022
Accepted 20 January 2023
Published 19 April 2023

For citation: Levitskaya A.A. Expression of the Meaning of Effectiveness by Verbs of Special Effective Aktionsarten in the Modern Ossetian Language (Compared with Russian). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 57–67. DOI: 10.37482/2687-1505-V249

*ПЕТЕВ Николай Иванович, кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Автор 83 научных публикаций, в т. ч. трех коллективных монографий, одного учебного пособия, одного коллективного учебного пособия**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8711-4400>

ИГРОВОЙ АСПЕКТ МИФОЛОГИИ: ВОПРОС ГЕНЕЗИСА, ПОСТАНОВОЧНОСТЬ И ОПЫТ

Данная работа посвящена анализу и сравнению двух связанных между собой феноменов – игры и мифологии. Особое внимание было уделено практической стороне мифологии, а именно аспекту ее реализации посредством ритуалов и иных религиозных практик. Данное исследование необходимо начать с проблематики соотношения мифологии/ритуала и игрового процесса в плане их исторических трансформаций, а в частности в аспекте зависимости/производности вышеуказанных религиозных элементов от игры. Далее стоит сравнить следующие элементы, которые соответствуют структуре феномена игры и мифа/культовых действий: постановочность (показательность/наглядность), опыт, переодевание (особая роль костюма и иных атрибутов), пространство и время, участники (группа), правила, язык, канал реализации. В данной работе изучались постановочность и опыт. Целью исследования являются выявление и анализ игровых аспектов мифологии и ритуала, а также установление их зависимого или независимого отношения к игре. Основная задача – сравнительный анализ, который определит тождество или лишь аналогичность компонентов религиозной практики и игрового процесса. Для выполнения поставленных цели и задачи был применен комплекс методов: метод анализа и синтеза, историко-сравнительный метод, а также религиоведческий, культурологический и психологический подходы. Общепринятый метод сравнительного религиоведения в данном случае не применим из-за специфики одного из исследуемых объектов (игры), в отличие от общего сравнительного метода. В результате исследования автор приходит к следующим выводам: 1) не выявлено филогенетической и исторической зависимости мифологии и культовых действий от игры; 2) ритуальные практики часто имеют сходство с таким классом игр, как *Mimicry*, а также обладают направленностью, аналогичной *paidia* и *ludus*; 3) установлена автономность практической стороны мифологии от феномена игры; 4) выявлено особое экзистенциальное напряжение, присущее как игре, так и ритуальным практикам. Но содержание данных состояний не идентично, каждое из них об-

* *Адрес:* 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87; *e-mail:* cyanideemo@mail.ru

Для цитирования: Петев Н.И. Игровой аспект мифологии: вопрос генезиса, постановочность и опыт // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 68–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V244

ладает собственными особенностями и характеристиками. Установленные противоречия не предполагают восхождения к некому единому, которое определяло бы зависимость мифа/ритуала, делая их лишь производным от игрового процесса (формой игры).

Ключевые слова: мифология, игра, ритуал, культ, шаманизм, генезис ритуала/мифа, генезис игры, постановочность, опыт.

Введение

В настоящее время возрастает популярность обращения к мифологии в парадигме развития массовой культуры. Различные мифологические сюжеты, образы героев, структуры мифологем заимствуются и переносятся в сферу игровой (в т. ч. цифровой) индустрии, кинематографа, комиксов и т. д. Например, в Университете Македонии (Салоники) была разработана видеоигра *Myth Troubles*, целью которой является изучение греческой мифологии и повышение интереса к истории [1]. Аналогичный эксперимент (разработка настольной игры *Horror Myth*) предполагал использовать индонезийскую мифологию для актуализации современных моральных и социальных проблем [2]. Отметим, что некоторые авторы в настоящее время ссылаются на традиционный миф только как на средство развлечения или образовательный материал, а цифровые мифы действительно формируют представления человека о мире и его месте в нем [3]. Существует также концепция, что неомифология, инкарнированная в фильмах, комиксах и т. д., является новой религиозностью [4].

Мифология для архаического человека задавала вектор поведения, отношения, сознания и ценностей во всех сферах его деятельности. Однако вызывает сомнение способность адаптированной мифологии раскрывать саму суть феномена мифа. Возникают вопросы: играющий также воспроизводит миф, как и практикующий

ритуальное действие, или нет? Играющий имеет аналогичный сакральный опыт или нет? Можно ли сводить весь функционал мифа только к образовательной, развлекательной или морально-социальной сфере, особенно если это приводит к редукции самой мифологии и ритуальной практики? Если предположить, что существует прямая зависимость мифологии и ритуала от игры или что они являются непосредственным ее продуктом, то значимость заданных выше вопросов нивелируется. Тогда мифологическое выполняет те же функции, что и игра, а ритуальное действие должно иметь те же границы и содержательные характеристики, что и игровой процесс. В данной статье мы примем как рабочее положение, что игра первична, а мифология/ритуал – вторичны и зависимы от первой. В таком случае должна быть выявлена зависимость производимого от производящего. Иными словами, исследование должно обнажить родовидовое отношение между игрой и мифологией/ритуалом. В случае если же подобное не будет обнаружено, то результаты станут доказательством автономии вышеуказанных явлений.

Филогенетическая и историческая зависимость

Мифология имеет достаточно яркий репрезентативный характер в аспекте не только чистого нарратива (изложения сюжета), но и как мотив (для некоторых практик – лейтмотив) религиозного¹ культа. Игровой аспект

¹В данной работе, указывая «религиозное», автор не имеет в виду рационализированный, социальный и строго структурированный институт религии. Р. Отто отмечал, что без добавления нуминозного нечто еще не является религиозным [5, с. 190] и без него вообще не может существовать какое-либо религиозное чувство [5, с. 52]. Более того, целью автора было передать то, без чего вообще не может быть религии [5, с. 12–13]. Указание «религиозное» в данном случае предполагает связь со священным («совершенно иным») и не устанавливает отождествление мифологии и религии. Мифологическое является сакральным не потому, что оно религиозно, а наоборот, оно религиозно, потому что связано с «совершенно иным». Именно поэтому был выбран шаманизм, который имеет слабую тенденцию к институциональности и рационализации.

мифологии – это та ее сторона, которая отражается в различных обрядах народов мира. Но это не означает, что ритуальная практика шамана или жреца является игрой. Подобное суждение может возникнуть лишь в результате отсутствия обращения к сущности данного феномена.

Если отбросить весь диапазон содержания и обоснования культовых действий, оставляя лишь внешний каркас и определяя их лишь как форму игры, то можно отметить их аналогичность и даже тождественность. Ритуальные практики имеют сходство с таким классом игры, как *Mimicry*, суть которого состоит в представлении чем-либо, чем человек в действительности не является. Также в культовых действиях могут наличествовать две важные тенденции: *raidia* – отвечающая за аспект импровизации и формирования аутентичности, и *ludus*² – ограничивающая вольности, т. е. стремление к упорядоченности, структуре, правилам и т. д. Стоит отметить, что *ludus* в значительной степени доминирует, т. к. любое восстановление мифологических событий требует четкого воссоздания всех их элементов. Что касается *raidia*, то данная тенденция проявляется в рамках процесса адаптации мифологии и эстетической репрезентации религиозного содержания, в частности для формирования особого сакрального отношения как к самому практикующему, так и к его действиям.

Устанавливать идентичность игры и мифологии/ритуала только на основании вышеуказанного, значит редуцировать оба эти явления. Рафинированный обряд не может быть адекватным предметом для сравнения. В таком виде он не способен указывать на гетерономность мифологии и ритуала от игры. Внешнее сходство, которое обнаруживается при очищении ритуала от содержания, не называется на его зависимости и производности от игрового процесса. Более того, в таком

виде ритуал не является тем, чем он должен быть – практической реализацией мифологии. Он не существует ради самого себя, в отличие от игры.

Тем не менее Й. Хейзинга подчеркивал производность священнодействий от игры. Дело в том, что первоначально последняя воспринималась архаичным сознанием только в аспекте ее качеств, т. е. игра как сама игра, и лишь позже как нечто значащее-еще. Понятие священного добавляется к игровому процессу, поэтому культ лишь прививка к игре [6, с. 45]. При таком положении вещей священное действие есть лишь рационализированное, возвышенное явление, которому придан особый смысл, но по своему содержанию оно зависимо/производно от феномена игры.

Более того, Й. Хейзинга отмечал, что игра существовала еще до какой-либо культуры и священнодействие по форме и содержанию можно классифицировать как игру [6, с. 46–47]. Таким образом, он указывает на приоритет генезиса и становления игры над институциональными формами деятельности индивида. Подобное заключение возможно, если рассматривать игру через призму ее адаптационной функции. Но ошибочно утверждать, что чистое копирование есть некая игровая процедура. Развитие игры в саму по себе – процесс эволюционный и связан со становлением и развитием как индивида, так и социальных институтов, что не отрицает ее связь с неким адаптационным механизмом. Со временем она становится методом обучения и передачи информации, которые необходимы для самосохранения.

Но вышеуказанное не может рассматриваться как довод в пользу идеи зависимости и производности ритуальной практики. Мифологическое как таковое, имеющее истоком синтез абсолютно рационализированного (тематизированного) и бессознательного индивида,

²Данные игровые термины употреблены с целью эффективной презентации факторов, вызывающих отождествление содержания игры и ритуальной практики.

не зависит коренным образом от института³. Сакральное представлено в первую очередь опытом отдельного индивида⁴. Таким образом, миф как феномен сакрального, т. е. явление священной истории и опыта, хронологически может возникнуть как минимум одновременно с игрой, а то и раньше. Тезис Й. Хейзинги в пользу концепции зависимости и производности культовых действий заключается в том, что игра присуща как животным, так и человеку на самых ранних этапах их «развития». Но это положение не указывает на изначальную зависимость культа от игры, учитывая различную

природу их происхождения. Филогенетическая концепция, которая утверждала бы происхождение ритуала от игры, в данном случае не только не обоснована, но и может вводить в заблуждение.

Кроме того, возникает вопрос о времени зарождения собственно игры. Было бы некорректно ставить в один ряд игру кошки и шахматную партию человека. Они отличаются рядом параметров. Но даже если исторически игра возникла раньше ритуальной практики, то подобное положение вещей не есть неопровержимое доказательство того, что она является для

³В этом случае речь не идет о разделении сознания и опыта, но лишь о том, что институт как структурированный и рационализированный феномен не является абсолютной доминантой и производным для мифологии. Поэтому для данной работы был выбран шаманизм. Шаман отличается от жрецов, колдунов и т. д. глубиной и интенсивностью опыта, духом исключительности и индивидуальности, монополией на ритуальные действия и знания [7, с. 248–249, 259–260]. Даже исключая этот аспект, можно отметить еще несколько важных моментов. Во-первых, Р. Генон указывал, что обряд будет эффективен, даже если совершающий его не понимает до конца смысл, но соблюдает все правила и имеет право на его реализацию [8, с. 186]. Хотя стоит отметить, что данное высказывание является дискуссионным. Во-вторых, что более значимо, это практика экстагического транса или иного ритуального действия. Сложно назвать транс абсолютно осознанным или осознанным в большей степени состоянием. Шаман в процессе экстагического погружения совершает путешествие по ту сторону («Спуск в преисподнюю», «Путешествие по небу» и т. д.), может быть одержим собственным духом, покинуть тело и т. д. Это, несомненно, ощущаемо, но то, что это полностью осознаваемо (с рациональной точки зрения как четкое и структурированное представление) и тем более передаваемо (например, другим через понятия), является неоднозначным. Более того, для архаического сознания свойственно представление о том, что человек должен быть похож на мифологическую модель, он должен быть тотальным (именно это позволит стать индивидуальным), а для связи с миром по ту сторону он должен изменить форму своего присутствия (стать «духом» как, например, шаманы). Все это ставит под вопрос доминирование чисто сознательного момента.

⁴В данном случае речь не идет о том, что миф – всецело творение одного человека и он есть лишь субъективность. Миф объективен уже потому, что он есть история, и как история объективен и самодостаточен, однако зависит от индивидуума как его носителя. М. Элиаде указывал на важность изучения «живого» мифа в обществах, где он имеет влияние и конкретных носителей [9, с. 12, 15]. А.Ф. Лосев отмечал, что миф, насыщенный эмоциями и переживаниями, синтетически жизнен и состоит из живых личностей [10, с. 44]. Ряд авторов (Р. Генон [8, с. 242], К. Кереньи [11, с. 11–12], М. Элиаде [9, с. 11, 153–157] и др.) критикуют радикально рационализированный подход, отмечая, что наука в определенной степени искажает понимание мифологии. Можно превратить последнюю в мертвый слепок или скульптуру, т. е. в объективный внешний объект (что, по сути, является единственным способом ее изучения), но это может привести к секуляризации ее содержания. У. Джеймс отмечал важность личного опыта в аспекте как веры, так и религии [12, с. 34, 36–37]. Р. Отто указывал на то, что излишняя рационализация и систематизация искажают миф и религию [5, с. 44–45], а чувству нуминозного нельзя научить, но можно лишь вызвать его [5, с. 14]. Таким образом, так или иначе стоит отметить важность индивидуального переживания. Если нет подобного личного опыта, то возникает отсутствие того, кого спрашивают о сакральном, с которым сталкивается человек как с объективным явлением, а соответственно невозможно собственно его описание. Кроме того, глубина и интенсивность переживания у каждого совершенно разные, а потому передача всех тонкостей невозможна. Поэтому приходится синтезировать схожие и аналогичные элементы. Это единственный способ фиксации сакрального, но и для него необходим материал, который обнаруживается как в личном, так и коллективном опыте, состоящем из массы индивидуальных переживаний.

культы производящим фактором, учитывая их различную этиологию и телеологию.

Мифология как новообразование по отношению к игре вполне могла заимствовать некоторые ее компоненты как каркас. Но каркас может быть одинаковым для всех зданий, а в дальнейшем функционал строений будет разнообразным, что предполагает разные значение/назначение, устройство и т. д. Таким образом, сам игровой процесс является лишь инструментом и способом реализации мифологического содержания. В данном случае не прослеживаются принцип и правило, характерные для игрового процесса: игра ради самой игры.

Не стоит понимать мифологическое (нуминозное) лишь как что-то институализированное и оформленное в конкретное понятие. В противном случае было бы справедливо положение Й. Хейзинги о рациональной прививке к игре. Но появление оформленных вероучения и культа как элементов религии знаменуется становлением института лишь в более поздний период. Л. Леви-Брюль отмечал, что для первобытного человека не свойственно делать из объекта своего наблюдения предмет мышления, и причины поразительных событий для него лежат вне цепи явлений [13, с. 147–148].

Учитывая все вышеизложенное, нельзя говорить о филогенетической зависимости, при которой ритуал лишь разновидность игрового процесса, а сама мифология – нарративный добавленный компонент, так и об историческом первенстве как неоспоримом факте в пользу несамостоятельности мифа и его инкарнированной реализации.

Постановочность как элемент игры и мифа

При поверхностном рассмотрении обнаруживается общее внешнее сходство игрового процесса и ритуала. При этом динамика культовых действий напоминает постановочную сцену. Напрашивается вывод, что как в пьесе на сцене театра, так и в данном случае осуществляется погружение индивида в создаваемую атмосферу, оставляющее при этом его лишь в качестве пассивного наблюдателя, но не соратника.

Это первое впечатление, которое сразу выходит на передний план. Человеку, не привыкшему к определенной культуре или мифологии/религии, свойственные им ритуальные действия могут показаться лишь детским и несерьезным занятием. Подобное отношение возникает при столкновении различных мировоззрений, культурных традиций и т. д. И чем более рационален наблюдающий, тем выше вероятность вышеупомянутой оценки. Р. Барт указывал на подобное положение вещей, когда чужая культура и религиозные взгляды сводятся к пикантному зрелищу или театру [14, с. 129–130, 235–237]. Такой подход редуцирует данные феномены, лишая их реальности и жизненности.

Также некорректно было бы утверждать, что игрок (или наблюдающий) в меньшей степени ощущает особое напряжение, чем столкнувшийся с неким нуминозным явлением. Как игру, так и ритуальные практики можно сравнить с пограничной ситуацией (моментом кризиса), когда индивид становится онтологически восприимчив/чувствителен как к собственной экзистенции, так и к миру в целом. Однако аспект соучастия всегда имеет место при столкновении с «живым» мифом, но не всегда встречается в игре. Для наблюдающего сам игровой процесс остается внешним, хотя и интенсивно переживаемым, тогда как столкновение с нуминозным – это всегда собственное, личное переживание.

Из вышесказанного не прослеживается какой-либо зависимости мифа/ритуала от игрового процесса, а определяется лишь их внешнее сходство, которое и приводит к данному мнению. Если для игры постановочность связана с эстетическим аспектом и моментом удовольствия, то для ритуальной практики/мифа – с нуминозным переживанием. Для последних «сцена» или «постановка» являются попыткой репрезентации сакральных сюжетов, мотивов и настроений, не имеющих целью лишь развлечение.

Опыт игрового процесса и религиозной практики

Следующий аспект сходства предполагает индивидуальный опыт в рамках реализации

как игры, так и ритуальных действий. Существует мнение, согласно которому некоторые духовные практики не имеют отношения к сфере только религиозной веры. В качестве примера приводится техника шаманизма [15, с. 47]. Он в подобной интерпретации не относится к проблематическому полю лишь веры или системы убеждений, а является феноменом эмпирической области. Опыт практикующего воспринимается сторонним наблюдателем как нереальный. Таким образом, оценка извне предполагает подмену опыта лишь убежденностью/верой в действительность переживаемого. Данный подход вскрывает аспект, который роднит, но не отождествляет игру и религиозную практику, – это опыт, т. е. то самое, что определяет оба эти феномена как деятельность, реализуемую в плоскости реальности.

Отметим, что шаманские техники в настоящее время имеют особую популярность у психологов [16; 17]. Они рассматривают данные техники в качестве перспективного метода диагностики, профилактики и решения различных психических проблем. Робин ван Лебен Селс в работе «Шаманские измерения психотерапии: исцеление через символический процесс» [16] следует по пути К. Кастанеды и делится собственным шаманским опытом, который можно экстраполировать в область терапии.

Но подобный подход может привести к радикальному психологизму и эмпиризму в парадигме представления о ритуальной практике и мифологии в целом. М. Элиаде отмечал, что миф в своем происхождении не является совокупным личным опытом того или иного индивида [9, с. 128]. Однако сам опыт нуминозного всегда самобытен и не относится к деятельности массовой фантазии [5, с. 174, 191]. П. Буйе также отмечал, что религиозные верования нельзя сводить к социальной функции классического функционализма и рассматривать ее как фундамент социально-политического уклада

[18, с. 39, 41–42]. Таким образом, возникает сложность обращения к генезису ритуала и мифа (к моменту их возникновения, дабы избежать психологизма и эмпиризма), но, учитывая, что сакральное представлено личным переживанием и оценкой того или иного феномена, то обращение, хотя и осторожное, к опыту для сравнения исследуемых феноменов вполне оправданно.

В отличие от ритуальной практики игра поддается научному измерению, или по крайней мере для нее устанавливается такая возможность, в частности по причине того, что она не претендует на статус нуминозного, т. е. стоящего вне области возможностей схватывания инструментами объективной реальности. Для фиксации и понимания игрового процесса не нужно знать переживание/опыт играющего, достаточно внешнего схватывания его технического устройства и правил. С ритуальными действиями дело обстоит сложнее, ведь подобное формальное ознакомление не будет сказываться ни на их субъекте (переживающем нуминозный опыт), ни на объекте, вызывающем чувство «совершенно иного». Игра же не страдает от прививки (социального, политического и т. д.). Игровой процесс при таком положении вещей остается в приоритете, сохраняя тем самым смысл самой игры. Для культовых действий характерна обратная тенденция. Приращение несакрального компонента, а тем более его полная замена на иное содержание, приведет к редукции и деструкции внутреннего примата данного действия. Ярким примером подобной маргинализации может служить церемониал⁵.

Способности и опыт шамана являются личными особыми компетенциями, доступными только ему. Он профессионал, т. к. для обретения этого статуса он прошел специальную инициацию. Игра не может быть профессиональной, ведь там, где она становится таковой,

⁵Р. Генон указывал на опасность, которая возникает, когда церемониал (внешняя пышность) закрывает собой собственно обряд, что приводит к забвению ценности и реального значения последнего [8, с. 260].

уже невозможно говорить собственно об игре. Игра – это всегда роскошь [19, с. 41]. Опыт нуминозного также связан с аспектом излишества и чрезмерности, однако его невозможно назвать роскошью по причине онтологического примата. Он выступает как экзистенциальная потребность. Опыт игры и опыт ритуала не тождественны, и один не производит другой. У них различны векторы направленности: целью игры является удовольствие, тогда как целью ритуала – сакральное, которое в частности выражено в особом экзистенциальном состоянии и опыте.

Даже если ритуал и можно спекулятивно свести к игре на основе внешнего сходства, то первое же столкновение с нуминозным исключит возможность их тождественности. Этот опыт аутентичен и узнаваем.

Заключение

Рабочее положение о том, что мифология и ритуал зависимы от игры не выдержало проверки. Установленные противоречия между исследуемыми феноменами на данном этапе не выявили схождения к единому, тотальному данным явлениям. Рафинированный ритуал обладает высокой степенью схожести с игровым процессом, в частности *Mimicry*. Существует даже возможность их отождествления. Культурные практики в данном случае обладают такими тенденциями, как *raidia* и *ludus*. Но подобный очищенный ритуал никоим образом не указывает на автономность или зависимость данного явления от игры. Не обнаруживается филогенетическая зависимость мифологии/сакральных действий. Доказательство данного суждения через установление первенства игры над институтами (социальными, политически-

ми, религиозными и т. д.) лишено обоснованности и достоверности. Историческое первенство игры также не является фактическим. Такое положение вещей не указывает ни на гегемонию игрового процесса, ни на зависимость от него ритуальной практики и оправданность определения священного лишь как прививки к игре.

Постановочность игры хотя и погружает наблюдающего в особую атмосферу, но все же оставляет его пассивным. Специфическое напряжение свойственно как игровому процессу, так и ритуалу, но в области практической реализации мифологии аспект соучастия имеет особое значение. Постановочность в игровом процессе остается внешним фактором, где доминируют эстетическое и аспект удовольствия. В ритуальной же практике превалируют личное переживание и момент нуминозного.

Для фиксации и понимания игрового процесса не нужно погружаться в опыт играющего, достаточно внешнего схватывания формы и правил. Формальное же наблюдение за ритуалом не только не эффективно, но и недопустимо. Игровой процесс не страдает от внешней прививки в отличие от ритуала. Аспект профессионализма характерен для ритуальной деятельности, но не для игры. Последняя есть роскошь и направлена на получение удовольствия, а мифология в практической форме ее реализации является потребностью и предполагает особое сакральное состояние индивида.

Таким образом, в процессе анализа игры и мифа/ритуала в рамках историзма, а также при сравнении присущих им элементов постановочности и опыта не было обнаружено зависимости и производности последних от первой.

Список литературы

1. *Evangelopoulou O., Xinogalos S.* MYTH TROUBLES: An Open-Source Educational Game in Scratch for Greek Mythology // *Simul. Gaming*. 2018. Vol. 49, № 1. P. 71–91. DOI: [10.1177/1046878117748175](https://doi.org/10.1177/1046878117748175)
2. *Prasetio Y.L., Rambito S., Yudhistira A., Aulia S.F., Chowanda A.* Teaching Social Critique to Adults with a Desktop Horror Myth Game // *Procedia Comput. Sci.* 2018. Vol. 135. P. 624–631. DOI: [10.1016/j.procs.2018.08.224](https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.08.224)
3. *Artamonov D.S., Tikhonova S.V.* Mythologization of Time in the Computer Games // *2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*. St. Petersburg, 2022. P. 125–128. DOI: [10.1109/comsds55328.2022.9769161](https://doi.org/10.1109/comsds55328.2022.9769161)

4. Xidakis I. Neomythology: A New Religious Mythology // *Religions*. 2022. Vol. 13, № 6. Art. № 536. DOI: [10.3390/rel13060536](https://doi.org/10.3390/rel13060536)
5. Отто Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 269 с.
6. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий: опыт определения игрового элемента культуры / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 409 с.
7. Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза: моногр. / отв. ред. Е.С. Новик. М.: Ладомир, 2015. 552 с.
8. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 781 с.
9. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Акад. проект, 2010. 251 с.
10. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, 2014. 316 с.
11. Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов. М.: Совершенство; Киев: Port-Royal, 1997. 382 с.
12. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.
13. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Акад. проект, 2015. 428 с.
14. Барт Р. Мифологии. М.: Акад. проект, 2014. 351 с.
15. Horwitz J. Shamanic Rites Seen from a Shamanic Perspective // *Scr. Instituti Donneriani Abo*. 1993. Vol. 15. P. 39–52. DOI: [10.30674/scripta.67205](https://doi.org/10.30674/scripta.67205)
16. van Löben Sels R. Shamanic Dimensions of Psychotherapy: Healing Through the Symbolic Process. London: Routledge, 2019. 256 p.
17. England D. Soulfulness: The Marriage of Shamanic and Contemporary Psychology. London: Routledge, 2017. 282 p.
18. Буяйе П. Объясняя религию: природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 496 с.
19. Кайуа Р. Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: О.Г.И., 2007. 302 с.

References

1. Evangelopoulou O., Xinogalos S. MYTH TROUBLES: An Open-Source Educational Game in Scratch for Greek Mythology. *Simul. Gaming*, 2018, vol. 49, no. 1, pp. 71–91. DOI: [10.1177/1046878117748175](https://doi.org/10.1177/1046878117748175)
2. Prasetio Y.L., Rambito S., Yudhistira A., Aulia S.F., Chowanda A. Teaching Social Critique to Adults with a Desktop Horror Myth Game. *Procedia Comput. Sci.*, 2018, vol. 135, pp. 624–631. DOI: [10.1016/j.procs.2018.08.224](https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.08.224)
3. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. Mythologization of Time in the Computer Games. *2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*. St. Petersburg, 2022, pp. 125–128. DOI: [10.1109/comsds55328.2022.9769161](https://doi.org/10.1109/comsds55328.2022.9769161)
4. Xidakis I. Neomythology: A New Religious Mythology. *Religions*, 2022, vol. 13, no. 6. Art. no. 536. DOI: [10.3390/rel13060536](https://doi.org/10.3390/rel13060536)
5. Otto R. *Das Heilige: Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen*. Breslau, 1917 (Russ. ed.: Otto R. *Svyashchennoe: ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nyim*. St. Petersburg, 2008. 269 p.).
6. Huizinga J. *Homo Ludens: Proeve eener bepaling van het spel-element der cultuur*. Haarlem, 1938. 309 p. (Russ. ed.: Kheyzinga Y. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy: opyt opredeleniya igrovogo elementa kul'tury*. St. Petersburg, 2011. 409 p.).
7. Eliade M. *Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*. Paris, 1951. 447 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Shamanizm i arkhaischeskie tekhniki ekstaza*. Moscow, 2015. 552 p.).
8. Guénon R. *Krizis sovremennogo mira* [The Crisis of the Modern World]. Moscow, 2008. 781 p.
9. Eliade M. *Aspects du mythe*. Paris, 1963. 246 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Aspekty mifa*. Moscow, 2010. 251 p.).
10. Losev A.F. *Dialektika mifa* [The Dialectics of Myth]. St. Petersburg, 2014. 316 p.
11. Jung K.G. *Dusha i mif: Shest' arkhетipov* [Soul and Myth: Six Archetypes]. Moscow, 1997. 382 p.
12. James W. *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. New York, 1902. 534 p. (Russ. ed.: Dzheyms U. *Mnogoobrazie religioznogo opyta*. Moscow, 1993. 432 p.).
13. Lévy-Bruhl L. *Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive*. Paris, 1931. 526 p. (Russ. ed.: Levi-Bryul' L. *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii*. Moscow, 2015. 428 p.).
14. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957. 233 p. (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Moscow, 2014. 351 p.).
15. Horwitz J. Shamanic Rites Seen from a Shamanic Perspective. *Scr. Instituti Donneriani Abo.*, 1993, vol. 15, pp. 39–52. DOI: [10.30674/scripta.67205](https://doi.org/10.30674/scripta.67205)

16. van Löben Sels R. *Shamanic Dimensions of Psychotherapy: Healing Through the Symbolic Process*. London, 2019. 256 p.
17. England D. *Soulfulness: The Marriage of Shamanic and Contemporary Psychology*. London, 2017. 282 p.
18. Boyer P. *Et l'homme créa les dieux: Comment expliquer la religion*. Paris, 2001 (Russ. ed.: Buaye P. *Ob'yasnyaya religiyu: priroda religioznogo myshleniya*. Moscow, 2017. 496 p.).
19. Caillois R. *Igry i lyudi: stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Man, Play and Games: Articles and Essays on the Sociology of Culture]. Moscow, 2007. 302 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V244

Nikolay I. Petev

Vladimir State University;
ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8711-4400> e-mail: cyanideemo@mail.ru

THE GAME/PLAY ASPECT OF MYTHOLOGY: GENESIS, STAGING AND EXPERIENCE

This paper analyses and compares two related phenomena, namely, game/play and mythology. Particular attention is given to the practical side of mythology, i.e. its implementation within the framework of rituals and other religious practices. First, the study investigates the correlation between mythology/ritual and playing in terms of their historical transformations, in particular, in the aspect of dependence of the aforementioned religious elements on the game/play and their derivation from the game/play. Next, the author compares the following elements that correspond to the structure of the phenomenon of the game/play and myth/cult actions: staging (illustrativeness, visualization), experience, dressing up (special role of costume and other attributes), space and time, participants (group), rules, language, and implementation channel. This paper investigates staging and experience. The purpose of the study is to identify and analyse the game/play aspects of mythology and ritual, as well as to establish their dependent or independent relation to the game/play. The main task is a comparative analysis that will determine whether the components of religious practice and playing are identical or just similar. To fulfil the purpose and the task, a number of methods are applied here: analysis and synthesis, comparative historical method, as well as religious, cultural, and psychological approaches. The generally accepted comparative religious method is not applicable in this case due to the specific nature of one of the objects under study (games), in contrast to the general comparative method. As a result of the research, the author comes to the following conclusions: 1) no phylogenetic or historical dependence of mythology and cult actions on the game/play was revealed; 2) ritual practices often resemble such a class of games as Mimicry and have tendencies similar to paidia and ludus; 3) the practical side of mythology is autonomous from the phenomenon of the game/play; 4) a special existential tension inherent in both the game/play and ritual practices was identified. However, the contents of these states are not identical, each having their own characteristics and peculiarities. The established contradictions do not imply ascent to some unity that would determine the dependence of the myth/ritual, making the latter just a derivative of playing (a form of the game/play).

Keywords: *mythology, game/play, ritual, cult, shamanism, genesis of myth/ritual, genesis of game/play, staging, experience.*

Поступила 16.07.2022
Принята 20.01.2023
Опубликована 17.04.2023

Received 16 July 2022
Accepted 20 January 2023
Published 17 April 2023

For citation: Petev N.I. The Game/Play Aspect of Mythology: Genesis, Staging and Experience. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 68–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V244

УДК 1:124.5

DOI: 10.37482/2687-1505-V245

*ЕРОХИН Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Саратовской государственной юридической академии. Автор 60 научных публикаций, в т. ч. со-автор двух коллективных монографий и двух учебно-методических пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>

НОРМАТИВНАЯ ПРИРОДА ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Актуальность изучения проблемы персональной идентификации связана с развитием техногенной среды общества, компьютерных технологий и средств коммуникации. Значимым оказывается развитие кибер- и виртуального пространства, как следствие, видоизменяются устоявшиеся стереотипы самосоотнесения с образцами. Кроме того, важными представляются глобализационные изменения современного социума, определяющие возможность унификации норм и универсализацию ценностей бытия человека. На этом основании необходимым кажется выявление иных, современных способов достижения персональной идентификации. Актуальным видится изучение данного процесса с позиции нормативности, но не только с точки зрения наличия у персоны свойств, определяющих ее самость. Проблемным представляется поиск нормативных оснований форм и практик персональной идентификации. Важным мыслится поиск критериев, принципов приемлемости достижения идентификации личности. Цель исследования состоит в определении нормативной природы персональной идентификации. В качестве методов исследования применяются логический метод, дающий возможность содержательно проанализировать понятия «социальная нормативность» и «персональная идентификация», а также критический метод, с помощью которого становится допустимым соотнесение данных понятий. В результате нормативная природа персональной идентификации выражается в совокупности аскриптивных и дескриптивных требований к формированию идентификации личности. Единство таких норм трактуется автором в качестве критерия приемлемости и допустимости форм и практик персональной идентификации, что дает возможность влиять на способы социальной интеракции и, как следствие, регламентации общественных связей и отношений. Подобные нормы подчинены эволюционному принципу, который предполагает сокращение количества принуждающих и расширение объема описывающих норм. На основании нормативной природы персональной идентификации реализуются различные ее практики. На примере гендерных практик персональной идентификации автор демонстрирует приемлемость и эффективность предложенных им идей.

Ключевые слова: персональная идентификация, норма, практики персональной идентификации, нормативная природа, аскриптивные нормы, дескриптивные нормы.

*Адрес: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104; e-mail: v.s.erohin@mail.ru

Для цитирования: Ерохин В.С. Нормативная природа персональной идентификации // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 77–83. DOI: 10.37482/2687-1505-V245

Актуальность изучения проблемы персональной идентификации заключается в преобразовании общественных условий бытия персоны. Формируются кибер- и виртуальное социальное пространство, изменяются стереотипы самоидентификации личности. Глобализационные изменения современного социума влекут за собой унификацию норм персонального бытия. Аксиология бытия человека становится универсальной, что вызывает нивелирование личностного начала.

Значимость изучения нормативного изменения персональной идентичности и идентификации связана с выделением критерия приемлемости и допустимости форм и практик персональной идентификации, что дает возможность влиять на способы социальной интеракции и, как следствие, регламентации общественных связей и отношений.

Проблемным представляется поиск нормативных оснований форм и практик персональной идентификации личности.

Цель исследования – определить нормативную природу персональной идентификации личности.

Задачи исследования:

- изучить существующие подходы к содержанию персональной идентификации личности, выявить их общую черту;
- проанализировать содержание понятия «социальная нормативность»;
- установить соотношение персональной идентификации и социальной нормативности.

Ранее нами было установлено, что в философии существует ряд подходов к решению проблемы личностной идентификации: реляционный [1], субстанциальный, конструктивистский [2] и некоторые другие. Общим в них оказывается признание образца, который является постоянным, т. е. неизменным в течение длительного времени, и по этой причине позволяет проводить процедуры отождествления в любой момент времени [3]. Такой образец содержит в себе разделение на *first-person* (индивидуальную характеристику личности) и *second-person* (социальные требования к ней) [4]. Различие между выделен-

ными подходами состоит в решении двух вопросов: о соотношении индивидуального и социального в личности и о соотношении предзаданных и формируемых ее свойств.

Важным представляется вопрос о взаимосвязи персональной идентификации как процесса достижения самоидентификации и нормативности как социального феномена [5]. Иначе говоря, смысл вопроса о персональной идентичности и идентификации состоит в том, как будет решен вопрос о множестве норм, регламентирующих социальный статус и роли и формирующих личностную идентичность. Таковую можно связать со множеством норм, которые человек усваивает в процессе социализации и на их основе формирует собственную самоидентификацию путем принятия конкретных нормирующих его социальное бытие статусов и ролей.

Под термином «норма» автор понимает мерило, руководство, образец, соответствие которому воспринимается как правильное, имеющее положительную ценность. Существует два значения данного понятия. Одно из них носит естественно-научный характер и состоит в том, что норма есть средняя величина чего-либо, выражающая массовую совокупность случайных событий, явлений и т. д. [6, с. 72]. В таком смысле норма представляет собой среднестатистическое значение среди множества естественных состояний предмета и способов его существования. Другое значение данного понятия выражает общее правило, которому должно следовать во всех подобных случаях, образец или пример. Утверждается образец желательного поведения в форме императивов различного уровня. Представленная трактовка понятия норма может быть связана с социальным принципом регламентации бытия изучаемого предмета и выражает собой установленный критерий правильности и приемлемости бытия личности [7, с. 118]. В отличие от естественно-научного понимания нормативности, социальная ее трактовка представляет собой критерий общественного оценивания в системе социальных координат и детерминант.

Социальная норма представляет собой средство формирования представления о социально и индивидуально допустимых, приемлемых и положительно оцениваемых моделях поведения человека в коллективной действительности, а также их реализации в повседневности. Она есть возможность снятия противоречий между социальными ожиданиями и индивидуальными устремлениями, способ достижения компромисса между коллективным и индивидуальным субъектами, позволяющего обеим сторонам общественного процесса реализовать свои требования и потенциал [8, с. 213–214].

В философии сложилось несколько подходов к пониманию сущности социальной нормативности. Среди всех с авторской точки зрения эффективно выделять:

– натуралистический (Т. Гоббс), в рамках которого социальная нормативность сводилась к естественному положению дел и представляла собой социально адаптированное продолжение естественных (природных) норм;

– социологический (М. Вебер), в рамках которого полагается, что социальные нормы представляют собой рационально сформированные принципы общественного бытия человека. При этом социологический подход позволяет описать, насколько деятельность человека подчинена четко сформулированным правилам;

– нормативистский, в рамках которого выделяются аскриптивная и дескриптивная нормативность как выражение развития общественных принципов существования. Кроме того, предполагается связь первой с закрытым обществом, а второй – с открытой социальной системой.

Выделение таких подходов позволяет, с одной стороны, выявить природные и социальные факторы формирования и существования нормативности как социального феномена, а с другой – эволюционный принцип ее развития.

В самом общем виде социальная нормативность может быть обозначена как минимальное условие бытия индивида в обществе, поскольку определяет содержание социального начала в человеке. Последнее же может быть понято как априорное свойство его природы,

задающее самые общие принципы бытия человека как существа социального. Использование такого свойства дает возможность формирования социальной нормативности в исторически, культурно и иначе обусловленных реалиях.

На основании соотношения социальной нормативности и персональной идентификации можно говорить о формировании понятия «персональная идентификация нормативности», содержание которого позволяет описать индивидуальное самоотождествление личности с системой норм и соответствующим ей набором свойств, что дает возможность персоне выбрать для себя модель удовлетворяющего ее социально приемлемого поведения. Такая персональная идентификация нормативности представляет собой единство аскриптивных и дескриптивных норм, подчиненных эволюционному принципу развития. Он состоит в постепенном уменьшении объема первых и увеличении количества вторых в структуре персональной идентификации личности.

Эволюционный принцип предполагает невозможность полного исключения аскриптивных норм из персональной идентификации, поскольку для корректного существования общества необходимо минимальное количество обязывающих требований к поведению личности. Однако можно утверждать, что в современном обществе существует тенденция, при которой персональная идентификация нормативности будет включать в себя минимально необходимые аскриптивные нормы, все остальное будет регулироваться дескриптивными принципами.

Доведение до предела идеи эволюционного принципа развития персональной идентификации нормативности способно привести к полному исключению аскриптивных норм (к примеру, в нарративистском подходе как одном из решений проблемы персональной идентификации нормативности [9]) и, как следствие, отсутствию механизмов обязывания соблюдения персоной социально необходимых моделей поведения [10]. Это приводит к невозможности

корректного совместно существования множества личностей как социальных субъектов.

Одним из способов минимизации обозначенных негативных последствий может стать использование практик согласования интересов. Социальные институты всех уровней и возможностей позволяют сформировать гибкую систему регламентации образцов поведения персоны, в результате чего можно использовать иные, более современные формы и способы создания и поддержания приемлемых образцов социального поведения, тем самым сформировав более эффективные принципы построения нормативности идентификации. Это может привести к согласованию интересов общества и индивида, множества человек как элементов социальной ткани, что в свою очередь дает весомое основание для достижения персональной самореализации в форме обретения личностной идентификации нормативности.

На практике с помощью предложенного в рамках данной работы подхода можно описать различные практики персональной идентификации нормативности. Так, гендер как социальный пол имеет социальные, экономические и психологические основания формирования положения человека в обществе и отождествления персоной себя с социально приемлемыми образцами поведения. Акцентирование тех или иных моделей поведения позволяет сформировать в человеке определенный способ индивидуального и коллективного действия в обществе [11, с. 625]. В соответствии с психологически, социально, экономически значимыми ценностями формируется гендерная идентичность личности, в ходе практического использования которой персона получает возможность вступить в систему семейных, брачных и иных связей и отношений. Гендер, таким образом, становится одним из факторов нормирования персональной идентичности.

Кроме того, гендер выступает нормативным основанием регламентации общественных отношений, позволяющим достигнуть максимально устойчивого состояния социальной системы [12]. Применение гендерных статусов

и ролей дает возможность упорядочить общественные отношения таким образом, чтобы использовать ресурсы личностей для достижения высокого уровня эффективности социальной интеракции. Гендер оказывается основанием осознания персоной необходимости выполнения желательных моделей поведения для корректного совместного существования и одним из факторов нормирования персональной идентичности [13].

Гендерные практики персональной идентификации нормативности позволяют личности как субъекту социальной интеракции и коммуникации транслировать знания и представления о себе, усваивать традиционные и современные культурные, этнические, социальные ценности [14, с. 16]. Последние усваиваются путем определенных социальных инициаций, позволяющих сформировать желательный образ мужчины и женщины и соответствующие формы и практики идентификации. При этом гендерная коммуникация предполагает обмен соответствующими значениями, которые определяют не столько биологические и персональные свойства человека, сколько его включенность в гендерные отношения и ожидания [15, с. 106].

Формирование гендерной идентификации позволяет персоне усвоить необходимые стереотипы поведения и мышления, что дает возможность сократить затраты на познание современных социальных процессов и оптимизировать принятие необходимых решений [16, с. 5]. Кроме того, данные стереотипы становятся основанием оптимизации коммуникационного процесса личностей как участников социальной интеракции и, тем самым, определения и использования наиболее эффективных социальных практик, в т. ч. и практик персональной идентификации [17]. Усвоение гендерных стереотипов поведения и практик персональной идентификации дает возможность вырабатывать сходные ценностные ориентации, позволяющие транслировать культурно-исторический опыт.

Подводя итоги, можно утверждать, что нормативная природа персональной идентификации выражается в совокупности требований к формированию самоидентичности личности.

Социальная нормативность понимается автором как минимальное условие бытия человека в обществе, возможность снятия противоречий между социальными ожиданиями и индивидуальными устремлениями личности, основание для формирования социально приемлемых форм ее персональной идентификации. Предлагается использовать понятие персональной идентификации нормативности, выражающее

единство аскриптивных и дескриптивных норм, подчиненных эволюционному принципу развития. Такой принцип предполагает сокращение количества первых и расширение объема вторых. На основании так понимаемой нормативной природы персональной идентификации нормативности реализуются различные ее практики, одной из которых можно считать гендерную идентификацию нормативности.

Список литературы

1. *Ерохин В.С.* Проблема личностной идентификации: релятивизм // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 1. С. 27–31. DOI: [10.18500/1819-7671-2018-18-1-27-31](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-1-27-31)
2. *Ерохин В.С.* Подходы к трактовке личностной идентификации: субстанциализм, конструктивизм и социальный интеракционизм // Вестн. развития науки и образования. 2019. № 1. С. 92–99.
3. *Borowski E.J.* Identity and Personal Identity // Mind. 1976. Vol. 85, № 340. P. 481–502.
4. *Atkins K.* Narrative Identity and Moral Identity: A Practical Perspective. N.Y.: Routledge, 2008. 175 p.
5. *Nebel J.M.* Normative Reasons as Reasons Why We Ought // Mind. 2019. Vol. 128, № 510. P. 459–484. DOI: [10.1093/mind/fzy013](https://doi.org/10.1093/mind/fzy013)
6. *Ефанова Л.Г.* Норма как философская и семантическая категория // Вестн. науки Сибири. 2015. № 1(16). С. 70–78.
7. *Добрин К.Ю.* Социальная норма в традиционном и современном обществе // Вестн. ПАГС. 2011. № 1(26). С. 116–121.
8. *Завьялова Н.Ю., Руденко А.Н.* К вопросу о понятии социальной нормы // Гуманит., соц.-экон. и обществ. науки. 2014. № 10-1. С. 213–216.
9. *Atkins K.* Narrative Identity, Practical Identity and Ethical Subjectivity // Cont. Philos. Rev. 2004. Vol. 37. , № 3. P. 341–366.
10. *Christman J.* Narrative Unity as a Condition of Personhood // Metaphilosophy. 2004. Vol. 35, № 5. P. 695–713.
11. *Dryaeva E.D., Kanaev I.A.* Individual and Social Determinants for the Formation of Identity: A Comparative Analysis of Research Strategies // Вестн. СПбГУ. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 4. С. 621–633. DOI: [10.21638/spbu17.2020.402](https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.402)
12. *Калачикова О.Н., Груздева М.А.* Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 64–76. DOI: [10.21064/WinRS.2019.1.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.1.6)
13. *Maynard M.* Beyond the “Big Three”: The Development of Feminist Theory into the 1990s // Women’s Hist. Rev. 1995. Vol. 4, № 3. P. 259–281.
14. *Силласте Г.Г.* Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 14–26. DOI: [10.21064/WinRS.2020.4.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.2)
15. *Блинова Т.В., Вьялишина А.А.* Социальное самочувствие работающих матерей: современные проблемы // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 103–114. DOI: [10.21064/WinRS.2020.3.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.9)
16. *Силласте Г.Г.* Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16. DOI: [10.21064/WinRS.2019.2.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1)
17. *Offen K.* Sur l’origine des mots “féminisme” et “féministe” // RHMC. 1987. Vol. 34, № 3. P. 492–496.

References

1. Erokhin V.S. The Problem of Personal Identity: Relativism. *News Saratov Univ. Ser. Philos. Psychol. Pedagogy*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 27–31 (in Russ.). DOI: [10.18500/1819-7671-2018-18-1-27-31](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-1-27-31)

2. Erokhin V.S. Podkhody k traktovke lichnostnoy identifikatsii: substantsializm, konstruktivizm i sotsial'nyy interaktsionizm [Approaches to the Interpretation of Personal Identification: Substantialism, Constructivism and Social Interactionism]. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 1, pp. 92–99.
3. Borowski E.J. Identity and Personal Identity. *Mind*, 1976, vol. 85, no. 340, pp. 481–502.
4. Atkins K. *Narrative Identity and Moral Identity: A Practical Perspective*. New York, 2008. 175 p.
5. Nebel J.M. Normative Reasons as Reasons Why We Ought. *Mind*, 2019, vol. 128, no. 510, pp. 459–484. DOI: [10.1093/mind/fzy013](https://doi.org/10.1093/mind/fzy013)
6. Efanova L.G. Norma kak filosofskaya i semanticheskaya kategoriya [The Norm as a Philosophical and Semantic Category]. *Vestnik nauki Sibiri*, 2015, no. 1, pp. 70–78.
7. Dobrin K.Yu. Sotsial'naya norma v traditsionnom i sovremenном obshchestve [Social Norm in Traditional and Modern Society]. *Vestnik PIGS*, 2011, no. 1, pp. 116–121.
8. Zav'yalova N.Yu., Rudenko A.N. K voprosu o ponyatii sotsial'noy normy [To a Question of Concept of Social Norm]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2014, no. 10-1, pp. 213–216.
9. Atkins K. Narrative Identity, Practical Identity and Ethical Subjectivity. *Cont. Philos. Rev.*, 2004, vol. 37, no. 3, pp. 341–366.
10. Christman J. Narrative Unity as a Condition of Personhood. *Metaphilosophy*, 2004, vol. 35, no. 5, pp. 695–713.
11. Dryaeva E.D., Kanaev I.A. Individual and Social Determinants for the Formation of Identity: A Comparative Analysis of Research Strategies. *Vestnik St. Petersburg Univ. Philos. Confl. Stud.*, 2020, vol. 36, no. 4, pp. 621–633. DOI: [10.21638/spbu17.2020.402](https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.402)
12. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Gendernye stereotipy v sovremennoy sem'e: zhenshchiny i muzhchiny (na materialakh sotsiologicheskogo issledovaniya) [Gender Stereotypes in the Modern Family: Women and Men (on the Basis of a Sociological Research)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2019, no. 1, pp. 64–76. DOI: [10.21064/WinRS.2019.1.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.1.6)
13. Maynard M. Beyond the “Big Three”: The Development of Feminist Theory into the 1990s. *Women's Hist. Rev.*, 1995, vol. 4, no. 3, pp. 259–281.
14. Sillaste G.G. Sotsial'naya sub'ektnost' sem'i v protsesse formirovaniya novogo gendernogo poryadka [Transitivity of the Family and Its Subjectivity in the Process of Forming a New Gender Order]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2020, no. 4, pp. 14–26. DOI: [10.21064/WinRS.2020.4.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.2)
15. Blinova T.V., Vyal'shina A.A. Sotsial'noe samochuvstvie rabotayushchikh materey: sovremennye problemy [Working Mothers' Social Well-Being: Present-Day Problems]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2020, no. 3, pp. 103–114. DOI: [10.21064/WinRS.2020.3.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.9)
16. Sillaste G.G. Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poryadka [Social Transitions and the Formation of a New Gender Order]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2019, no. 2, pp. 3–16. DOI: [10.21064/WinRS.2019.2.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1)
17. Offen K. Sur l'origine des mots “féminisme” et “féministe”. *RHMC*, 1987, vol. 34, no. 3, pp. 492–496.

DOI: 10.37482/2687-1505-V245

Vladimir S. Erokhin

Saratov State Law Academy;

ul. Chernyshevskogo 104, Saratov, 410056, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4257-5529> e-mail: v.s.erohin@mail.ru

THE NORMATIVE NATURE OF SELF-IDENTIFICATION

The relevance of studying the problem of self-identification is associated with the development of society's man-made environment, computer technologies and means of communication. The development of cyber and virtual space has gained significance and, as a result, the established stereotypes of relating oneself to the models have been changing. In addition, globalization changes

in modern society, which determine the possibility of unification of norms and universalization of the values of human existence, are viewed as important. On this basis, it seems necessary to identify other, modern ways to establish personal identity. It appears relevant to study this process from the position of normativity, but not just from the point of view of whether a person has properties that define his/her self. The search for normative bases for forms and practices of self-identification seems problematic. It is important to find criteria and principles of acceptability of establishing personal identity. This paper aimed to determine the normative nature of self-identification. As research methods, the author used the logical method, which allows us to analyse the concepts of social normativity and self-identification in detail, as well as the critical method, which makes it possible to relate these concepts to each other. As a result, the normative nature of self-identification is manifested in a set of ascriptive and descriptive requirements for creating personal identity. The unity of such norms is interpreted by the author as a criterion for the acceptability and permissibility of forms and practices of self-identification, which makes it possible to influence the ways of social interaction and, as a consequence, regulation of social ties and relations. Such norms are subject to the evolutionary principle implying a reduction in the number of coercive norms and expansion of the scope of descriptive norms. The various practices of self-identification are implemented based on its normative nature. Using the example of gender-related practices of self-identification, the author demonstrates the acceptability and effectiveness of the ideas proposed by him.

Keywords: *self-identification, norm, practices of self-identification, normative nature, ascriptive norms, descriptive norms.*

Поступила 31.09.2022
Принята 03.04.2023
Опубликована 07.04.2023

Received 31 September 2022
Accepted 3 April 2023
Published 7 April 2023

For citation: Erokhin V.S. The Normative Nature of Self-Identification. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 77–83. DOI: 10.37482/2687-1505-V245

УДК 122

DOI: 10.37482/2687-1505-V257

*АКСЮТИНА Зульфия Абдулловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы Омского государственного педагогического университета. Автор 270 научных публикаций и 10 учебных изданий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673>

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАКТОВКА СОЦИАЛЬНОСТИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ

Проблема обращения к феномену социальности и его исследование призваны способствовать выявлению характеристик ее типологических, динамических и структурно-функциональных свойств. Наиболее остро проблематика социальности актуализируется в периоды кризисов, становясь основой исследования общества. Цель статьи состояла в выделении и описании категориального ряда социальности на основе обобщения его характеристик. В ходе исследования автор опирался на категориально-системную методологию. При осуществлении теоретического анализа выявлено, что унифицированная трактовка категории «социальность» отсутствует. Она зачастую рассматривается как результат социальной действительности, как свойство человека, хотя имеются попытки трактовать ее и как общую категорию в отношении частной – социальной реальности. Социальность отражает способность человека существовать в обществе, быть его полноправным членом. На основе теоретического анализа, обобщений и выводов по пониманию социальности построена модель структуры и элементов категориального ряда социальности с опорой на метод категориального маятника. Она включает категории: социум, социальная жизнь, социальная реальность, культура, историческое развитие, политика, гражданственность, общежительность, обмен, связи, зависимости и взаимообусловленность. Выявлены тенденции изменения социальности в пессимальном сценарии ее развития. В противовес социальности в разной степени проявляются асоциальность, просоциальность и антисоциальность. При этом формированию первой способствует построение информационного общества, вторая выступает следствием социокультурного проникновения чуждых ценностей, а третья рассматривается как последствие отчуждения, в т. ч. и в воспитании. Дальнейшее изучение пессимальных тенденций социальности будет содействовать возникновению научно-поисковой деятельности в решении практикоориентированных профилактических задач противодействия указанным антагонистическим видам социальности.

Ключевые слова: категориальный ряд, категория, социальность, асоциальность, просоциальность, антисоциальность.

*Адрес: 644099, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4А; e-mail: aksutina_zulfia@mail.ru

Для цитирования: Аксютинa З.А. Социально-философская трактовка социальности как универсальной категории // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 84–90. DOI: 10.37482/2687-1505-V257

Введение

В качестве ключевой категории социальной философии следует рассматривать социальность, хотя до настоящего времени она остается размытой. Ее формирование и развитие прошло длительный путь, начавшийся еще в эпоху античности. Категория социальности аккумулирует в своем содержании философский рефлексивный опыт социального, а ее использование позволяет объяснять аспекты развития человечества в его истории и современности.

Проблема обращения к феномену социальности и его исследования призвана способствовать выявлению характеристик ее типологических, динамических и структурно-функциональных свойств. Наиболее остро проблематика социальности актуализируется в периоды кризисов, становясь основой исследования общества.

Цель статьи состоит в описании категориального ряда социальности на основе выделения его общих характеристик. Для достижения поставленной цели реализовывались следующие исследовательские задачи: раскрыть понимание категории «социальность»; определить категориальный ряд социальности; выявить тенденции изменения социальности в пессимистическом сценарии ее развития.

В ходе исследования осуществляется опора на категориально-системную методологию В.И. Разумова, в которой имеется когнитивный инструментарий для поиска категориального ряда социальности на структурном и функциональном уровнях.

Научная новизна статьи заключается в построении категориального ряда социальности, выявлении категорий, входящих в него, их осмыслении с позиции категориально-системной методологии.

Практическая значимость исследования состоит в обозначении категорий, выступающих в качестве антиподов или подменяющих истинный смысл социальности, что может служить опорной точкой для возникновения научно-поисковой деятельности в решении практикоориентированных профилактических задач.

Обратимся к пониманию категории «социальность». Одну из первых ее трактовок в XIX веке привел В.И. Даль. Социальность – «общественность, общежительность, гражданственность, взаимные отношения и обязанности гражданского быта, жизни» [1, с. 284]. Он выделил наиболее существенные смыслы категории.

В современных философских исследованиях осуществляются попытки трактовать понятие «социальность», однако унифицированная ее трактовка пока отсутствует. Особо отметим, что в философской словарно-энциклопедической литературе данному понятию уделяется явно недостаточное внимание, что подтверждается фактом малой частоты встречаемости.

Категория «социальность» обнаружена лишь в двух таких изданиях. В специализированном энциклопедическом словаре социальность представляется как «способность или склонность к завязыванию связей с другими людьми, общительность» [2, с. 427]. Определение отсылает к психологическому пониманию социальности с опорой на субъектную активность. В «Современном философском словаре» социальность представлена как «взаимобусловленность людей, взаимобусловленность их жизнью друг друга, процессами и результатами совместной и индивидуальной деятельности» [3, с. 763]. Определение указывает на деятельностную сторону социальности.

Рассмотрим определения понятия «социальность», данные исследователями, обратившимся к его осмыслению. Как пишет С.Н. Мареев, анализируя подходы к социальности Э.В. Ильенкова, социальность нечто «реальное, а отнюдь не только номинальное, единство, которое гораздо резоннее представлять в виде некоторой совокупности различных особенных моментов, нежели как неопределенное “множество” безразличных друг к другу “единиц” (“атомарных фактов” и т. п.). Всеобщее выступает в нем как закон или принцип связи деталей в составе некоторого целого, “тотальности” как предпочитал выражаться вслед за Гегелем К. Маркс» [4, с. 76]. Вместе с тем «анализ социальной реальности как подсистемы окружающего и

охватывающего нас мира не исчерпывает всей проблематики социальной философии, которая видит в обществе необходимую организационную форму воспроизводства социальности» [5, с. 610]. В понимании К.Х. Момджяна социальность – воспроизведенный обществом феномен, тем самым исследование социальности направляется в русло поиска ее места в общественной жизни.

В.М. Розин, обращаясь к проблематике социальности, дает ей характеристики и выявляет закономерности, которыми являются результаты социального действия, «знание конкретной истории социальности, социальные тренды современности. На их основе, а также с опорой на опыт уже могут быть построены схемы, позволяющие эффективно действовать» [6, с. 24]. В его трактовке социальность это феномен совместной жизнедеятельности людей в культуре [7, с. 65]. В таком понимании социальность становится частью культуры, которая и порождает ее.

В.И. Зорин в социальности обнаруживает «совокупность приобретенных человеком качеств, обеспечивающих его способность существовать в обществе и выполнять разнообразные социальные функции в составе различных групп, выступая при этом не в роли суверенной личности, а выразителем интересов данной общности» [8]. В данном случае социальность будет частной категорией по отношению к более общей – обществу, находящейся в подчинении ему, что детерминируется внешним влиянием социальных механизмов через воздействие на человека социальной среды. Само понятие в таком контексте отражает характерологические особенности, имеющиеся как у личности, так и общества. «Владеющая механизмами гармонизации процесса осознания социальных проблем и ценностных ориентаций» [9, с. 106] социальность призвана служить во благо общества.

Обращаясь к социальности как характеристике человека, возможно рассматривать ее в историческом ракурсе, что находим в ее понимании, предложенном Т.И. Адуло: «Социальность – это система исторически скла-

дывающихся и постоянно воспроизводящих себя на новой ступени взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, определяющая типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса» [10, с. 33]. Тем самым обуславливается раскрытие сущности социальности с позиции системного подхода, что создает предпосылки для выявления ее компонентно-элементного состава.

Очевидно, что социальность отражает способность человека существовать в обществе, быть его полноправным членом [11, с. 12] и трактуется «как особое, специфическое качество связей, обменов и зависимостей между индивидами и социальными группами, которые создают и многократно воспроизводят некую исторически обусловленную модель социальных отношений, каждый день и час сообщая ей этим устойчивость и своеобразную уникальность сложившегося социального порядка» [12, с. 64]. Это мысль находит подтверждение в идее Р.А. Золотовицкого о том, что социальность – общая категория в отношении частной – социальной реальности, причем «социальная реальность – одно из измерений социальности, результирующее ее скрытые и явные тенденции и измерения, т. е. соединяющие в себе глубинные связи, логику данной реальности и явления, внешние атрибуты социальной жизни» [13]. Социальность можно рассматривать еще более широко, обнаруживая в ней проявления социума в многообразии и динамике. Полагаем, что в таком контексте сводить социум и социальность в единый концепт как минимум не корректно, что подтверждается использованием при описании социума нерядоположенных единиц – виртуальная реальность, интернет-сообщества, социальные сети [9].

Попытка построения категориального ряда социальности прослеживается в работах В.Е. Кемерова, где присутствуют категории: «типы социальности, форма социальности, структура социальности, отчужденные структуры социальности, связи социальности, воспроизводство социальности и др.» [3, с. 18].

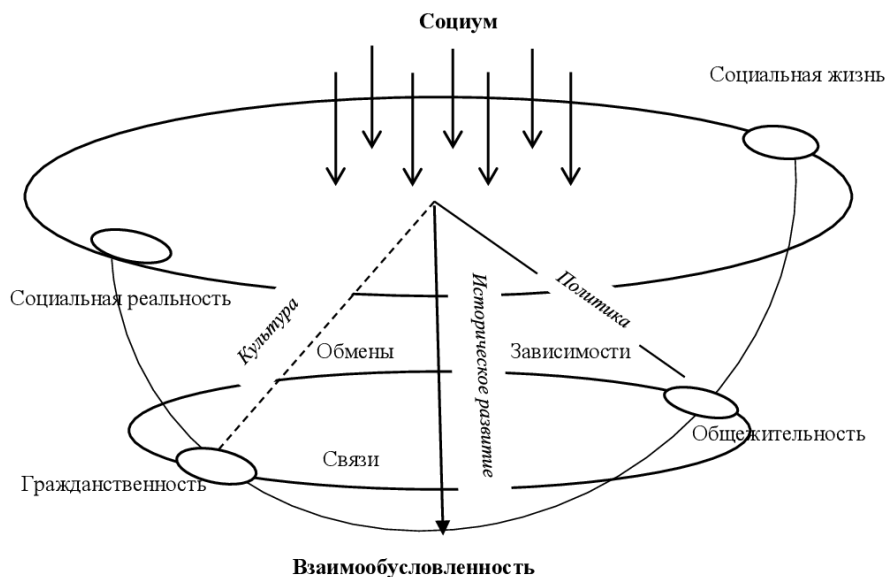
Материалы и методы

Работа опирается на широко известное учение о категориях, поэтому его методологическая основа – категориально-системная методология, направленная на их анализ. В работе применяется метод категориального маятника.

Результаты и обсуждение

Опираясь на полученные результаты, сделанные обобщения и выводы, построим структуру и элементы категориального ряда социальности (см. рисунок) с применением метода категориального маятника.

идеалов, позиционируемых в обществе. Устойчивое состояние системе обеспечивает взаимообусловленность жизни одного человека от другого, выступающая необходимым условием нормализации жизнедеятельности человека в социуме. Гражданственность и общезитительность создают тенденции противоречий категориального ряда социальности, т. к. их крайние проявления могут способствовать не столько гармонизации отношений между людьми, сколько их разрушению. Центральными элементами категориального ряда социальности

Структура и элементы категориального ряда социальности

Structure and elements of the categorical series of sociality

В модели «зарождение» категориального ряда социальности берет старт в обществе. Оно задает вектор развития социальности, целевые установки по ее формированию в процессе реализации социального воспитания. В качестве дополнительных элементов к обществу выступают социальная реальность и социальная жизнь, которые являются социальной средой для детерминизации социальных ценностей и

являются культура, политика и историческое развитие. Элемент «культура» способствует передаче накопленных материальных и духовных ценностей человечества от поколения к поколению. Элемент «историческое развитие» формирует необходимость учета закономерностей социальности. Политика – элемент, обеспечивающий идеологию государства в сфере формирования и развития социально-

сти. Обмены, зависимости, связи – базовые элементы, способствующие возникновению и функционированию социальности.

Результатом построения модели является обнаруженный категориальный ряд социальности. Анализ данной модели позволяет говорить о том, что в ней явно присутствуют противоречия, способствующие разрушению социальности, ее подмене на нечто другое.

В противовес социальности могут выступать асоциальность, просоциальность и антисоциальность, которые стоит рассматривать как парадоксы современности, порождаемые цифровизацией и технологизацией, явно способствующими «уходу» человека от социальности [14, с. 116].

Асоциальность выражается в безразличии либо отсутствии желания взаимодействовать с людьми. Ее проявления тесно связаны с интернет-пространством, где мнение выдается за знание, а естественное общение находит выход в перманентных игровых формах поведения, что приводит к потере реальности и погружению в компьютерный мир. Здесь вполне разумно напомнить историю появления интернет-зависимости, когда «уход» в игру стал приводить к отстраненности от реалий жизни. Асоциальное воспитание становится продуктом информационного общества.

Просоциальность отражает направленность на какие-либо социальные группы, несвойственные рассматриваемой общности, чуждые ей в социокультурном плане. Данное свойство возникает вследствие изменений, связанных с проникновением чуждых российскому обществу культурных ценностей. В качестве примеров просоциальности можно рассматривать культ денег, вестернизацию, формирование культуры излишнего потребления и пр.

Антисоциальность – явление, которое исследуется как полный антипод социальности, находит выражение в противостоянии имеющимся социальным нормам и здравому смыслу. Например, появление новой коронавирусной инфекции показало, что вопреки здравому

смыслу есть противники прививания, ограничений, связанных с профилактическими и защитными мероприятиями, и, как следствие, возникло движение антиковидников. Также примером может служить понимание демократии некоторыми гражданами как вседозволенности. В современном обществе, скорее всего, формирование антисоциальности возможно рассматривать как проявление отчуждения от социального, в т. ч. и воспитания.

И, как верно замечает О.Ф. Филимонова, «социальность вовлекается в небезопасное метрическое пространство... которое можно признать объективно неизбежным, только осознав объективность принципа ограниченности возможностей» [15, с. 302].

Заключение

Проведенный теоретический анализ категории «социальность» продемонстрировал ее основные характеристики, свойства и особенности, которые были заложены в основания при построении модели категориального ряда социальности.

В результате исследования выявлен категориальный ряд социальности. В него включены категории: общество, социальная реальность, социальная жизнь, гражданственность, общезначительность, культура, политика, обмены, зависимости, связи.

В противовес социальности выступают асоциальность, просоциальность и антисоциальность. Их следует рассматривать как парадоксы современности, порождаемые цифровизацией и технологизацией, которые явно способствуют «уходу» человека от социальности. Таким образом, осуществлена социально-философская трактовка социальности как универсальной категории.

Очевидно, что дальнейший анализ социальности необходимо проводить в тесной взаимосвязи с социальным воспитанием, т. к. социальность в теории социального воспитания выступает в качестве его атрибута и результата. Понимание социальности будет играть значимую роль в раскрытии сущности социального воспитания, призванного формировать ее.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1982. Т. 4. 683 с.
2. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2002. 576 с.
3. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. М.: Акад. проект, 2004. 863 с.
4. Мареев С.Н. Э.В. Ильенков. М.; Рн/Д.: MapT, 2005. 111 с.
5. Момдзян К.Х. Социальная философия // Нов. филос. энцикл.: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 609–611.
6. Розин В.М. Социальность современности и феномен «левых» // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4, ч. 1. С. 145–161. DOI: [10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-145-161](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-145-161)
7. Розин В.М. Рефлексия оснований междисциплинарного изучения социальности // Вопр. философии. 2020. № 1. С. 64–73. DOI: [10.21146/0042-8744-2020-1-64-73](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-1-64-73)
8. Евразийская мудрость от А до Я: толковый слов. / под ред. В. Зорина. Алматы: Сөздік-Словарь, 2002. 408 с. URL: <https://terme.ru/slovari/evraziiskaja-mudrost-ot-a-do-ja-tolkovyi-slovar.html> (дата обращения: 02.07.2018).
9. Субъект и социальная компетентность личности: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т психологии; под ред. А.В. Брушлинского. М.: ИПРАН, 1995. 167 с.
10. Адуло Т.И. Уяснение сущности социальности – ключ к пониманию глобальных проблем современности // Философия и гуманитар. науки в информ. обществе. 2019. № 4(26). С. 12–43.
11. Аксютина З.А. Характеристика понятия «социальность» // СМАЛЬТА. 2020. № 1. С. 5–13.
12. Бакланова О.А. Социальность как проблема социальной философии // Философия права. 2013. № 5(60). С. 62–65.
13. Золотовицкий П.А. Социальная реальность // Глобалистика: энцикл. / гл. ред. и сост.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Диалог: Радуга, 2003. С. 939.
14. Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Проявление социальности, асоциальности и антисоциальности в виртуальном пространстве // Сибир. филос. журн. 2018. Т. 16, № 4. С. 114–124. DOI: [10.25205/2541-7517-2018-16-4-114-124](https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-4-114-124)
15. Филимонова О.Ф. Перемены перемен: социальность и дефицит защиты // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Психология. Философия. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 298–303. DOI: [10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303)

References

1. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1982. Vol. 4. 683 p.
2. Gubskiy E.F., Korableva G.V., Lutchenko V.A. (eds.). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopaedic Dictionary of Philosophy]. Moscow, 2002. 576 p.
3. Kemerov V.E. (ed.). *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern Dictionary of Philosophy]. Moscow, 2004. 863 p.
4. Mareev S.N. *E.V. Ilyenkov*. Moscow, 2005. 111 p. (in Russ.).
5. Momdzhyan K.Kh. *Sotsial'naya filosofiya* [Social Philosophy]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopaedia of Philosophy]. Moscow, 2010. Vol. 3, pp. 609–611.
6. Rozin V. Sociality of Modernity and the Phenomenon of the "Left". *Idei i idealy*, 2020, vol. 12, no. 4, pt. 1, pp. 145–161 (in Russ.). DOI: [10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-145-161](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-145-161)
7. Rozin V.M. Reflection of the Foundations of an Interdisciplinary Study of Sociality. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 1, pp. 64–73 (in Russ.). DOI: [10.21146/0042-8744-2020-1-64-73](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-1-64-73)
8. Zorin V. (ed.). *Evraziyskaya mudrost' ot A do Ya: tolkovyy slovar'* [Eurasian Wisdom from A to Z: Explanatory Dictionary]. Almaty, 2002. 408 p. Available at: <https://terme.ru/slovari/evraziiskaja-mudrost-ot-a-do-ja-tolkovyi-slovar.html> (accessed: 2 July 2018).
9. Brushlinskiy A.V. (ed.). *Sub'ekt i sotsial'naya kompetentnost' lichnosti* [The Subject and Social Competence of an Individual]. Moscow, 1995. 167 p.
10. Adulo T.I. Uyasnenie sushchnosti sotsial'nosti – klyuch k ponimaniyu global'nykh problem sovremenosti [Clarification of the Essence of Sociality Is the Key to Understanding the Global Problems of Modernity]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*, 2019, no. 4, pp. 12–43.

11. Aksyutina Z.A. Kharakteristika ponyatiya “sotsial’nost” [Characteristic of the Concept “Sociality”]. *SMAL’TA*, 2020, no. 1, pp. 5–13.

12. Baklanova O.A. Sotsial’nost’ kak problema sotsial’noy filosofii [Sociality as a Problem of Social Philosophy]. *Filosofiya prava*, 2013, no. 5, pp. 62–65.

13. Zolotovitskiy R.A. Sotsial’naya real’nost’ [Social Reality]. Mazur I.I., Chumakov A.N. (eds.). *Globalistika: entsiklopediya* [Global Studies: Encyclopaedia]. Moscow, 2003, p. 939.

14. Slyusarev V.V., Khusyainov T.M. Proyavlenie sotsial’nosti, asotsial’nosti i antisotsial’nosti v virtual’nom prostranstve [The Development of Sociality, Asociality and Antisociality in the Virtual Space]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 114–124. DOI: [10.25205/2541-7517-2018-16-4-114-124](https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-4-114-124)

15. Filimonova O.F. Changes of Changes: Sociality and the Lack of Protection. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Psikhologiya. Filosofiya. Pedagogika*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 298–303 (in Russ.). DOI: [10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303)

DOI: 10.37482/2687-1505-V257

Zulfia A. Aksyutina

Omsk State Pedagogical University;

ul. Partizanskaya 4A, Omsk, 644099, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673> e-mail: aksutina_zulfia@mail.ru

SOCIO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF SOCIALITY AS A UNIVERSAL CATEGORY

The issue of addressing the phenomenon of sociality and its research are designed to help identify the characteristics of its typological, dynamic, structural and functional properties. The problems of sociality are most acutely actualized during crises, becoming the basis for studying society. The purpose of this article was to identify and describe the categorical series of sociality based on the generalization of its characteristics. In the course of the research, the author applied the categorical systems methodology. The theoretical analysis revealed no unified interpretation of the category of sociality. Sociality is often considered to be a result of social reality, a human trait, although there are attempts to consider sociality as a general category in relation to a specific category, namely, social reality. Sociality reflects a person’s ability to exist in society, to be its full member. Using the results of the theoretical analysis, generalizations and conclusions on understanding the category of sociality, the author developed a model of the structure and elements of the categorical series of sociality based on the categorical pendulum method. This model includes the following categories: society, social life, social reality, culture, historical development, politics, citizenship, sociability, exchange, connections, dependence and interdependence. The paper revealed sociality trends in the pessimal scenario of its development. Asociality, prosociality and antisociality, in contrast to sociality, manifest themselves to varying degrees. At the same time, the information society contributes to the formation of asociality, while prosociality is a consequence of the sociocultural penetration of alien values, and antisociality is seen as a consequence of alienation, including in upbringing. Further study into the pessimal tendencies of sociality will contribute to new scientific research aimed to fulfil preventive practice-oriented tasks of counteracting the indicated antagonistic types of sociality.

Keywords: *categorical series, category, sociality, asociality, prosociality, antisociality.*

Поступила 11.01.2023

Принята 17.03.2023

Опубликована 18.04.2023

Received 11 January 2023

Accepted 17 March 2023

Published 18 April 2023

For citation: Aksyutina Z.A. Socio-Philosophical Interpretation of Sociality as a Universal Category. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 84–90. DOI: 10.37482/2687-1505-V257

УДК 141.12+165.12

DOI: 10.37482/2687-1505-V251

*СЫСОВЕВ Матвей Сергеевич, аспирант кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета. Автор 10 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1152-577X>

О СВЯЗИ ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ И КОМБИНАТОРНОЙ ПРОБЛЕМЫ ПАНПСИХИЗМА

В статье проводится сопоставление двух проблем в аналитической философии сознания: трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма. Первая возникает для широкого спектра материалистических подходов, в т. ч. физикалистских. Панпсихизм позиционируется его сторонниками как наилучшее решение трудной проблемы. Однако данный подход сам сталкивается с комбинаторной проблемой. Сопоставление этих проблем показывает, что конститутивный панпсихизм принципиально не способен решить трудную проблему сознания. Это демонстрируется структурным и содержательным сходством аргументов в пользу каждой из проблем. Автор показывает, что конститутивный панпсихизм является расширением физикализма, призванным решить трудную проблему. Затем проводится сопоставление аргументов от представимости в пользу трудной и комбинаторной проблем, что демонстрирует их структурное сходство. Автор также показывает содержательное сходство данных проблем через сопоставление отдельных типов аргументации. Это позволяет принять гипотезу, что одна из причин для возникновения проблем панпсихизма и физикализма может заключаться в мереологическом атомизме, объединяющем данные подходы. Таким образом, сочетание трудной и комбинаторной проблем может служить аргументом против мереологического атомизма как в панпсихизме, так и в физикализме. Исходя из анализа обеих проблем, сделаны общие выводы о перспективах рассматриваемых подходов и предложено направление исследований, в котором общие проблемы конститутивного панпсихизма и физикализма могли бы быть решены. Показано, что существует по крайней мере одна приемлемая натуралистическая альтернатива атомизму – приоритетный монизм, который может являться стратегией решения рассмотренных проблем как для физикализма, так и для панпсихизма.

Ключевые слова: трудная проблема сознания, комбинаторная проблема, панпсихизм, физикализм, приоритетный монизм, мереологический атомизм.

*Адрес: 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86; e-mail: sysoev.parity@gmail.com

Для цитирования: Сысов М.С. О связи трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 91–102. DOI: 10.37482/2687-1505-V251

В самом широком смысле современный конститутивный панпсихизм предполагает, что наряду с простейшими физическими свойствами фундаментальны также и психические. Это общее определение объединяет большое разнообразие подходов, включающих в себя как собственно панпсихизм в узком смысле, так и его более слабую разновидность – панпротопсихизм. В более частных определениях под психическими свойствами могут подразумеваться: разум или психика¹ в целом, а также их отдельно взятые аспекты: сознание, опыт, феноменальные свойства², интенциональность, восприятие. Панпротопсихизм отличается от панпсихизма в первую очередь тем, что вместо психических свойств рассматриваются протопсихические. Они не являются психическими, по крайней мере в строгом смысле, но могут конституировать психические макросвойства, например квалиа³. Все эти различия в отношении подразумеваемых психических свойств в данной работе будут вынесены за скобки, поскольку речь пойдет об общей формулировке конститутивного панпсихизма и связанных с ним проблемах.

Теперь необходимо сделать несколько уточнений в отношении предмета обсуждения. Во-первых, в данной работе рассматривается

только конститутивный панпсихизм, исходя из которого, что микросвойства⁴ конституируют⁵ макросвойства. Во-вторых, рассуждение будет касаться панпсихизма типа *A*, который, в широком смысле предполагает, что истинные суждения о макросвойствах априорно выводимы из истинных суждений о микросвойствах. В-третьих, будет обсуждаться такая разновидность панпсихизма, как микропсихизм, согласно которой фундаментальными являются упомянутые ранее микросвойства⁶.

Конститутивный панпсихизм рассматривается как одно из решений *трудной проблемы сознания*⁷. В данной работе она будет изучаться в первую очередь в контексте физикализма, в т. ч. в его функционалистской версии. Если исходить из содержания трудной проблемы, этот подход не достаточен для реализации конститутивного подхода, т. е. для выведения макросвойств сознания из фундаментальных микросвойств. Поэтому основное и решающее отличие панпсихизма от физикализма в том, что фундаментальными являются не только физические, но и психические свойства. Таким образом, трудная проблема решается в панпсихизме, по мнению его сторонников, через расширение перечня фундаментальных микро-

¹Во избежание путаницы следует заметить, что в дискуссии о трудной проблеме иногда используется деление на феноменальные и психологические свойства. Понятие «психика» в данном случае трактуется в наиболее широком смысле.

²В данной работе формулировки «феноменальные», «сознательные», «квалитативные» в отношении свойств и состояний будут использоваться как взаимозаменяемые.

³Под квалиа (мн.ч.) здесь и далее подразумеваются качественные характеристики феноменального опыта: цвет, запах, вкус, боль и т.д.

⁴Далее значимым будет разделение свойств на микро- и макросвойства. Микросвойства – это свойства фундаментального уровня (для физикалистов атомистического толка – это свойства наиболее простых частиц). Макросвойства – это свойства, существующие на уровне обыденного человеческого восприятия, в т. ч. свойства человеческого сознания.

⁵В данном случае отношение конституции следует понимать широко: микросвойства x , y , z конституируют макросвойство A , если при определенном сочетании свойств x , y , z с необходимостью возникает также и свойство A .

⁶Иногда к панпсихизму в широком смысле относят космопсихизм, т. е. позицию, согласно которой космос как целое обладает сознанием в фундаментальном смысле. В ходе сопоставления двух проблем не будет рассматриваться эта концепция, однако к ней необходимо будет вернуться в конце работы.

⁷Трудная проблема сознания – это проблема метафизического разрыва между материалистическим (в широком смысле) описанием реальности и наличием в мире свойств, связанных с сознанием.

свойств, что позволяет решить проблему невыводимости макросвойств сознания.

Однако панпсихизм и сам сталкивается с так называемой комбинаторной проблемой. Согласно позиции многих современных авторов, комбинаторная проблема является основным вызовом для панпсихизма, своего рода *трудной проблемой панпсихизма* [1, с. 36; 2, с. 171; 3, с. 113]. Ее суть заключается в том, что, несмотря на отличия панпсихизма, макросвойства оказываются все еще не выводимы из расширенного перечня микросвойств. Более подробно эта проблема будет рассмотрена далее.

В настоящей работе представлена попытка выполнить две задачи. Во-первых, показать, что сопоставление комбинаторной проблемы панпсихизма с трудной проблемой сознания демонстрирует принципиальную неспособность рассматриваемой версии конститутивного панпсихизма решить трудную проблему сознания. Однако сам по себе этот вывод не является основной целью. Во-вторых, продемонстрировать, что одна из причин для возникновения проблем панпсихизма заключается в общей с физикализмом мерееологической проблеме⁸. Это подтверждается тем, что значимые мерееологические аспекты встроены как в труд-

ную проблему, так и в комбинаторную проблему. Исходя из второго утверждения, можно сделать дополнительный вывод о том, что проблемы мерееологического атомизма играют в данной дискуссии значительно большую роль, чем кажется на первый взгляд. В завершение будет указано возможное направление исследований, в котором общие проблемы конститутивного панпсихизма и физикализма могли бы быть решены.

Основные тезисы панпсихизма и трудная проблема сознания

В качестве общего основания для рассуждений будут использоваться 6 основных положений панпсихизма. Для того, чтобы сделать эти тезисы более универсальными, они построены на обобщении некоторых уже существующих формулировок. Данное описание отражает подавляющее большинство конститутивных подходов в современном панпсихизме рассматриваемого типа⁹.

(1) Феноменальные субъекты – это сущности, которые обладают качественными свойствами и могут находиться в определенных качественных (феноменальных, сознательных) состояниях, и есть *то, каково это* для них находиться в таких состояниях¹⁰.

(2) Любой живой организм целиком состоит из огромного количества физических частиц¹¹.

⁸Хотя обобщение проблем панпсихизма и физикализма уже производилось [2, с. 182; 4], насколько можно судить, из общности трудной проблемы и комбинаторной проблемы не были сделаны какие-то значимые выводы для двух рассматриваемых подходов.

⁹В основе находятся реконструкции У. Войгта [5, с. 140] и С. Коулмана [6, с. 182]. В качестве примера можно привести несколько работ, в которых конститутивный панпсихизм анализируется схожим образом: статья Д. Чалмерса «Панпсихизм и панпротопсихизм» [1]; книга Ф. Гоффа «Сознание и фундаментальная реальность» [2, с. 149], в которой автор проводит анализ конститутивного панпсихизма (хотя сам он склоняется к космопсихизму); ...реконструкция позиции Т. Нагеля в статье С. Коулмана [6]. Во вторую очередь и не во всех аспектах мое рассуждение будет касаться панпротопсихизма, в т. ч. панквалитизма, например в версии С. Коулмана. Исходя из поставленных задач, можно сосредоточиться на общности двух указанных проблем, поэтому тонкости отдельных подходов, а также анализ их успешности вне контекста трудной проблемы не будут далее рассматриваться.

¹⁰Оборот «то, каково это быть» является переводом устойчивого оборота «what is it like to be», который, вслед за Т. Нагелем, используют все обсуждаемые авторы. Важно заметить, что неоспоримая данность для нас нашего собственного опыта, которая подразумевается в тезисе (1), является таковой для сторонников трудной проблемы сознания, но вовсе не становится общепринятым тезисом в аналитической философии, редукционизм с такой интуицией не совместим. Однако, поскольку панпсихизм рассматривается здесь только в контексте трудной проблемы, это уточнение не повлияет на дальнейшее рассуждение.

¹¹В данном случае не идет речь о наличии какого-то определенного списка частиц. Предполагается, что у физической реальности есть фундаментальный уровень, на котором существуют простейшие элементы реальности, обладающие нередуцируемыми свойствами.

(3) С точки зрения физики физические частицы обладают только физическими свойствами и лишены квалитативных свойств.

(4) Все глобальные свойства сложной системы выводятся из сочетания свойств ее составных частей и их отношений, в т. ч. пространственных.

(5) Квалитативные свойства организма не выводятся из одних лишь физических свойств, для этого требуются также другие квалитативные свойства.

(6) Физические частицы обладают свойствами, в т. ч. квалитативными¹².

Перечисленные тезисы наглядно демонстрируют общую схему рассуждений панпсихиста, в т. ч. при переходе от физикалистского подхода к панпсихизму. Они также показывают, что панпсихизм – это дополнение к физикализму, расширяющее перечень фундаментальных свойств. Тезис (1) делает существенный для панпсихизма акцент на квалитативных свойствах и субъектности, что принципиально для всех сторонников трудной проблемы. Тезис (2) фиксирует, что речь идет об атомистическом физикализме¹³. Это подразумевает существование фундаментального уровня реальности и позволяет данному подходу работать с определенным фиксированным перечнем фундаментальных свойств. Конститутивный панпсихизм расширяет этот перечень, но не отказывается от атомизма, поэтому предполагает возникновение субъекта в ходе комбинации множества неделимых фундаментальных сущностей –

мереологических атомов [7; 3, с. 118]. Тезис (3) сообщает, что фундаментальный набор свойств согласно физике не содержит квалитативных свойств. Физические свойства с этой точки зрения являются квантитативными, т. е. определяются только количественной мерой. В контексте расселианской трактовки квалитативных свойств¹⁴, которая доминирует в панпсихизме, предполагается, что квалитативные свойства являются внутренними свойствами, а неквалитативные – диспозициональными [1].

Тезис (4) закрепляет конститутивный подход, его можно понимать как положение, оспаривающее эмерджентность¹⁵, т. е. возможность возникновения принципиально новых нефизических свойств в ходе комбинации физических частиц [1, с. 25; 6, с. 184]. Данное утверждение существенно потому, что исключает множество альтернативных конститутивному панпсихизму решений трудной проблемы сознания. Тезис (5) фиксирует, что квалитативные свойства не могут быть объяснены с помощью свойств иной (в данном случае – физической) природы. В самом панпсихизме такого рода содержится предположение, что причина возникновения трудной проблемы в том, что в физикализме недостаточно типов фундаментальных свойств, позволяющих объяснить сознание. Для полноты описания реальности необходимо существование иных типов свойств, не предусмотренных данным подходом. Наконец, тезис (6) вводит новый тип фундаментальных свойств, а именно – квалитативные свойства,

¹²То есть феноменальными свойствами в случае панпсихизма или протофеноменальными в случае панпротопсихизма.

¹³Атомизм – это мереологическая концепция, согласно которой простейшими неделимыми элементами реальности являются мереологические атомы.

¹⁴Для расселианского панпсихизма рассматриваемый тезис может быть сформулирован так:

(3') С точки зрения физики физические частицы обладают только диспозициональными свойствами, но лишены внутренних квалитативных свойств.

Согласно позиции расселианских монистов в современной физике описываются только диспозициональные свойства и полностью отсутствует описание внутренних. При этом последние, с этой точки зрения, должны существовать [8]. Расселианский монизм не обязательно предполагает панпсихизм, но в значительной степени пересекается с его различными формами.

¹⁵Подробнее о концепции эмерджентности и ее проблемах см [9].

которые должны дополнить существующую картину реальности¹⁶.

Структурное сходство и связь аргументов

В первую очередь необходимо ознакомиться со структурой главного аргумента в пользу трудной проблемы, так называемого *аргумента мыслимости*¹⁷. Он может быть изложен следующим образом:

(7) Мыслимо, что мир, исчерпывающе описываемый согласно тезисам (2), (3), (4), существует без качественной характеристики сознания, изложенной в (1)¹⁸;

(8) Все, что мыслимо, – возможно¹⁹;

(9) Возможно, что мир, исчерпывающе описываемый согласно тезисам (2), (3), (4), существует без качественной характеристики сознания, изложенной в тезисе (1).

Отсюда сторонники трудной проблемы сознания заключают, что:

(10) Между описанием мира согласно тезисам (2), (3), (4) и природой сознания согласно тезису (1) существует метафизический разрыв²⁰.

В чем могло бы состоять решение данной проблемы? Ориентируясь на саму структуру проблемы, можно заключить, что необходимо устранить саму возможность мыслимости, т. е. предложить такой концептуальный каркас, в котором помыслить проблемное положение дел будет невозможно. Иными словами, панпсихизм, успешно решающий трудную проблему сознания, должен предлагать возможность выведения свойств макроуровня из фундаментальных свойств²¹. Поскольку речь идет о панпсихизме типа *A*, если зафиксированы фундаментальные свойства, то они должны с необходимостью либо приводить, либо не приводить к возникновению сознания. Как было указано ранее, решение, которое предлагается сторонниками панпсихизма, заключается в том, чтобы дополнить перечень фундаментальных свойств феноменальными (или протофеноменальными) свойствами, что закреплено в тезисе (6).

Теперь можно перейти к рассмотрению комбинаторной проблемы. Она представляет

¹⁶Как и в случае с тезисом (3), в контексте расселианской трактовки данное положение может быть уточнено: (6') *Физические частицы обладают свойствами, в т. ч. внутренними качественными.*

То есть феноменальными свойствами в случае панпсихизма или протофеноменальными в случае панпротопсихизма. Заменяя (3) и (6) на (3') и (6'), можно получить тезисы расселианского панпсихизма, который является частным случаем панпсихизма вообще. Дальнейшая аргументация не будет напрямую зависеть от этого уточнения, однако с позиций расселианского монизма сходство двух проблем гораздо более очевидно.

¹⁷Иначе данный аргумент называется аргументом «философского зомби». Для того, чтобы сделать дальнейший анализ более точным и ясным, указание на рассмотренные ранее тезисы будет сразу включено в структуру аргументов, однако это никак не влияет на содержание аргументов. Детальный разбор структуры этого аргумента и оснований для возникновения отдельных посылок см. в [10].

¹⁸Данная формулировка тезиса является упрощением относительно более распространенных версий, однако для целей иллюстрации проблемы полностью отражает все существенные черты физикализма.

¹⁹Альтернативная формулировка этой посылки: «Из мыслимости следует возможность». Здесь не рассматриваются возможные возражения в отношении истинности этого тезиса как нерелевантные для дискуссии. Сторонники панпсихизма и тем более сторонники трудной проблемы должны принимать его, иначе они не пришли бы к трудной проблеме и панпсихизму. Подробнее о защите этого тезиса см. [10, с. 131].

²⁰В узком смысле, значимом для панпсихизма, этот вывод закреплен в тезисе (5).

²¹В данной статье не рассматриваются подходы, предполагающие установление между микро- и макросвойствами более слабой связи, в т. ч. эмерджентные подходы, согласно которым признание неожиданности (невыводимости) макросвойств из микросвойств является частью метафизики. Обстоятельная критика этих подходов потребовала бы отдельной статьи, но в целом можно согласиться с позицией К. Фролова, который отмечает, что эмерджентный подход «не столько устраняет, сколько покрывает объяснительный разрыв» [9, с. 86]. В некотором смысле эмерджентизм не решает трудную проблему, а делает ее частью метафизического описания мира.

собой целый комплекс проблем, каждая из которых имеет свои особенности и ориентирована на разные виды панпсихизма²². Поэтому аргументы для отдельных случаев могут различаться. Однако эти различия в данном случае несущественны, соответственно можно сосредоточиться на общей формулировке, которая является основой для всех разновидностей комбинаторной проблемы и отображает их общую структуру. Комбинаторная проблема в любой форме показывает, что наличие фундаментальных субъектов (или субъективных свойств), которые постулируются панпсихизмом, не решает проблему мыслимости наличия одних свойств без других.

Придерживаясь тезисов, заявленных ранее, аргумент в пользу комбинаторной проблемы можно сформулировать следующим образом²³:

(11) Мыслимо, что мир, исчерпывающе описываемый согласно тезисам (2), (3), (4), (5), (6), существует без качественной характеристики сознания, изложенной в тезисе (1);

(12) Все, что мыслимо, – возможно;

(13) Возможно, что мир, исчерпывающе описываемый согласно тезисам (2), (3), (4), (5), (6), существует без качественной характеристики сознания, изложенной в тезисе (1).

Отсюда можно заключить, как и в случае с аргументом от мыслимости для трудной проблемы, что:

(14) Между описанием реальности согласно тезисам (2), (3), (4), (5), (6) и природой сознания согласно тезису (1) существует метафизический разрыв²⁴.

Предпринятое соотнесение аргументов показывает, что они имеют внешнее структурное сходство и указывают на метафизический разрыв разной степени серьезности. Однако это еще не говорит о том, что рассматриваемые проблемы также идентичны. Существуют три основных варианта, где искать причины комбинаторной проблемы: в самом физикализме, в самом панпсихизме, в их сочетании. Если бы расширение перечня фундаментальных свойств породило собственный тип проблемы, то имелись бы основания предположить, что причины возникновения двух проблем различны. Однако выше было показано, что панпсихизм – это расширение тезисов физикализма и что основные аргументы в пользу обеих проблем однотипны. Далее для этого будут представлены дополнительные доводы. Ввиду сходства проблем маловероятно, что комбинаторная проблема возникает только из-за сочетания панпсихизма и физикализма, хотя оно может повлиять на ее специфическую форму. Наиболее вероятно, что данная проблема или какая-то ее принципиально важная часть существовала

²²В данной работе рассматривается в первую очередь проблема комбинации субъектов, поскольку она является основной как исторически, так и по сути. Однако рассуждение по большей части будет применимо и для других ее видов. Обзор различных видов комбинаторных проблем см. в [11].

²³Как и в случае с аргументом от мыслимости против физикализма, данный аргумент для большей ясности оформлен с учетом тезисов панпсихизма, однако никаких существенных содержательных изменений это не привносит. Обе проблемы являются разновидностью аргумента от мыслимости и могут быть сформулированы схожим образом. Подобной структуры аргумента придерживаются Чалмерс [11, с. 187], Ф. Гофф [2, с. 173] и др.

²⁴Следует заметить, что оборот «метафизический разрыв» в отношении комбинаторной проблемы используется здесь в более слабом смысле, чем в отношении трудной проблемы сознания. Если исходить из аргумента мыслимости, разрыв есть в обоих случаях и является метафизическим. В обоих случаях между двумя существенными частями метафизической картины реальности отсутствует априорная связь. В случае комбинаторной проблемы этот разрыв, по крайней мере на первый взгляд, менее проблематичен, но он имеет место. Тезис (14) предполагает наличие фундаментальных качественных свойств, поскольку отсылает к (6), но не тех качественных свойств, которые предполагаются тезисом (1). Согласно комбинаторной проблеме в этой разновидности мыслимо то, что феноменальные (или протофеноменальные) микросвойства существуют, а феноменальные макросвойства, т. е. свойства макросубъектов, – нет.

в физикализме и сохраняется в панпсихизме²⁵. На это указывает тот факт, что дополнительные тезисы панпсихизма не повлияли существенным образом ни на структуру аргумента, ни на его главную идею – метафизический разрыв между свойствами. Разумеется, одно это замечание не дает оснований полагать, что трудная проблема и комбинаторная проблема чем-то похожи. Обоснованное предположение заключается в том, что панпсихизм не устраняет весь перечень факторов, которые он должен был бы устранить для решения трудной проблемы, хотя, возможно, нивелирует часть из них. Чтобы дополнительно подкрепить это предположение, необходимо кратко рассмотреть мерелогические истоки комбинаторной проблемы, следующие из физикализма.

Мерелогические истоки трудной и комбинаторной проблем

Комбинаторной проблемы, по крайней мере в обсуждаемой здесь форме, не существует в классическом панпсихизме Лейбница²⁶, в котором полностью отсутствует идея редукции макросвойств к микросвойствам, а простые ментальные субстанции неделимы на всех возможных уровнях [12, с. 413]. Не является совпадением, что комбинаторная проблема для панпсихизма в современном виде впервые была сформулирована У. Джеймсом в XIX веке, когда идея панпсихизма активно распространялась среди натуралистических подходов, стратегия которых была близка к материалистическому редуктивному объяснению. Это классическая мерелогическая проблема материальной композиции, которую в неформальном виде для атомизма можно сформулировать так: *при каких условиях множество атомов образует новую вещь?* Один из ответов

заключается в том, что новые вещи из фундаментальных компонентов просто не возникают, однако для конститутивного панпсихизма такой вариант не приемлем. Комбинаторная проблема изначально заявляется У. Джеймсом как проблема мерелогического атомизма в общем для всех подобных подходов²⁷.

Однако и этого недостаточно, чтобы говорить об общих чертах трудной и комбинаторной проблем. Поэтому необходимо детальнее рассмотреть связь между аргументами в пользу комбинаторной проблемы и трудной проблемы сознания, в т. ч. через их связь с аргументами против функционализма:

(F1) Аргументы от представимости против функционализма схожи с аргументацией от представимости в пользу комбинаторной проблемы.

(F2) Аргументы от представимости против функционализма схожи с аргументацией от представимости в пользу трудной проблемы сознания.

(F3) Аргументы от представимости против физикализма схожи с аргументацией в пользу комбинаторной проблемы.

Начну с тезиса (F1). Против функционализма используется аргументация, очень близкая к аргументации Джеймса в пользу комбинаторной проблемы. Например, в статье «Проблемы с функционализмом» Н. Блок излагает мысленный эксперимент, известный под названием «Китайская нация» [15]. Он приводит пример функциональной структуры, состоящей из представителей китайской нации, которая, будучи функционально идентичной человеческому мозгу, тем не менее не обладает феноменальным сознанием. Последнее утверждение предполагается на основании об-

²⁵Этот тезис подкрепляется еще и тем обстоятельством, что некоторые авторы распространяют комбинаторную проблему на различные подходы, в т. ч. физикализм [4].

²⁶Подробнее о панпсихизме Лейбница и возможностях его современной интерпретации в связи с обсуждаемой темой см. [12].

²⁷В той же главе, в которой содержится часто цитируемое упоминание комбинаторной проблемы, он пишет: «Другими словами, никакое возможное количество сущностей (называйте их как хотите, будь то силы, материальные частицы или ментальные элементы) не может суммироваться воедино. Каждая из них остается в сумме тем, чем она всегда была...» [14, с. 161].

щих интуиций. Существует множество других аргументов схожего типа, которые обладают с данным рассуждением Блока разной степенью сходства²⁸. Они призваны показать, что каким бы функциональным образом мы ни организовали множество сущностей, они не приводят к возникновению единого сознания, даже если это сущности, обладающие сознанием. В таком смысле проблема единства сознания в функционализме (в т. ч. физикалистском) изоморфна проблеме комбинации субъектов. Аргументация против функционализма может быть понята так, что, каким бы образом мы функционально не организовали систему из сознающих субъектов, в этой системе не появится единое сознание.

Тезис (F2) можно продемонстрировать следующим образом. Р. Кирк, предложивший первую версию аргумента «философского зомби», использовал в своей аргументации мысленный эксперимент, близкий к экспериментам Блока и Сёрла [17, с. 144]. Идея «философского зомби» конструировалась как некоторый аналог человека, функциональные связи которого опосредованы действиями очень маленьких людей, располагающихся в голове. Хотя аргумент использовал ссылку на функциональные связи, он был направлен против материализма. Чалмерс прямо ссылается на данный способ аргументации, заявляя, что и сама аргументация Блока может служить косвенным подкреплением тезиса о возможности зомби [10, с. 130]. Здесь важно

уточнить, в чем выражается эта «косвенность»: Чалмерс справедливо рассматривает функциональную копию как менее точную версию физической копии, потому что функциональное описание не учитывает внутренние свойства элементов функциональной системы. Но ведь это и есть мерологическая проблема: в контексте атомизма аргументация против функционализма может быть понята так, что, каким бы образом не организовали систему из физических или каких-либо иных сущностей, в такой системе не появится единое сознание. Поэтому Чалмерс, соглашаясь с Г. Якоби, указывает в примечаниях, что «аргументы от представимости не более проблематичны для функционалистских концепций, чем для материалистических концепций в целом» [10, с. 457]. Этот мерологический аспект трудной проблемы совпадает с тем, что объединяет функционализм с комбинаторной проблемой согласно тезису (F1).

Показанная связь между (F1) и (F2) значительно увеличивает правдоподобность тезиса (F3)²⁹. Сходство между комбинаторной проблемой и трудной проблемой сознания проявляется в том, что перед панпсихистом и физикалистом стоит одна и та же задача – объяснить возникновение единого сознания из множества разрозненных сущностей. Как показывает комбинаторная проблема, приписывание этим сущностям феноменальных свойств не решает поставленную задачу до конца³⁰.

²⁸Среди подобных рассуждений можно назвать мысленные эксперименты «Мельница Лейбница» [12, с. 413] и «Китайская комната», последний за авторством Д. Сёрла [16].

²⁹Еще одним второстепенным и косвенным подтверждением тезиса (F3) может служить то, что некоторые аспекты современной комбинаторной проблемы напрямую заимствованы из физикализма. Здесь весьма показательна так называемая проблема грануляции, которая изначально возникла как аргумент против физикализма [18], а в настоящее время рассматривается как часть комбинаторной проблемы [11, с. 183]. М. Локвуд указывает несколько аспектов проблемы грануляции для физикалистских подходов [18, с. 274], для данной работы наиболее интересен один из них. Он заключается в том, что пространство феноменальных свойств континуально, т. е. непрерывно, а пространство физиологических свойств, на которых основана феноменология, в большей степени дискретно. Иными словами, проблема в том, чтобы объяснить, как разрозненные дискретные микросвойства образуют непрерывное пространство феноменальных макросвойств. Это проявления все той же мерологической проблемы, которые возникают как в физикализме, так и в самой слабой разновидности панпсихизма – панквалитизме.

³⁰Как было указано ранее, эта связь между проблемами еще более очевидна для расселианского монизма, для обоснования которого используется аргумент от внутренних свойств [8]. И для комбинаторной проблемы, и для трудной проблемы важно, чтобы внутренние качественные свойства не просто существовали, но и принадлежали одному феноменальному субъекту. Далее этот частный случай не будет отдельно рассматриваться в аргументации.

Это рассуждение не показывает тождество обсуждаемых проблем и не позволяет сделать какие-то категоричные суждения. Однако это и не требуется для дальнейшего рассуждения. Достаточно того, что есть существенные, разумные основания предполагать, что в трудной проблеме сознания изначально присутствует мереологическая проблематика, которая игнорируется атомистическими подходами к ее решению и потому сохраняется в рамках комбинаторной проблемы. Это предположение вступает в конфликт с тезисами (5) и (6). Здесь возможны два гипотетических варианта:

(G1) Расширение перечня фундаментальных свойств было *необходимо, но недостаточно* для решения трудной проблемы.

(G2) Расширение перечня фундаментальных свойств было *не необходимо и недостаточно*.

(G1) означает, что в трудной проблеме есть по меньшей мере две тесно связанные подпроблемы. Во-первых, проблема невыводимости феноменальных свойств из физических, а во-вторых, мереологическая проблема невыводимости единого сознания из множества элементов. Панпсихизм нацелен на решение первой, но игнорирует вторую. (G2) – это более радикальный тезис, который означает, что невыводимость феноменальных свойств вообще не является самостоятельной проблемой, а возникает как побочный продукт скрытой мереологической проблемы.

Выводы и возможные пути решения общей проблемы физикализма и панпсихизма

Какой бы вариант ни был выбран, ясно что мереологический атомизм может являться общим, хотя, возможно, не единственным источ-

ником проблем данных подходов, поскольку они оба сталкиваются со схожими мереологическими проблемами³¹ независимо от расширения перечня фундаментальных свойств. Обычно для физикализма указанная проблема оказывается не столь заметна на фоне трудной проблемы. По этой причине трудная проблема в сочетании с комбинаторной проблемой могут быть использованы для аргументации против мереологического атомизма³².

В то же время указанные проблемы еще не означают полный отказ от решения трудной проблемы, поскольку альтернативные пути уже существуют. Критика атомизма активно развивается независимо от философии сознания. Наиболее перспективным направлением исследований может стать приоритетный монизм, который активно разрабатывается Д. Шаффером [19–21]. Согласно его общей идее не множество неделимых сущностей, а космос как целое является фундаментальным уровнем, конституирующим физическую реальность. Все существующие физические объекты относятся к космосу как части к целому. С точки зрения мереологии все физические объекты обладают собственными частями. В такой метафизике материя – это не совокупность атомов, а особая безатомная субстанция, имеющая свойство потенциально бесконечной делимости. Шаффер именуется подобную материю термином «безатомная жижа»³³ [19, с. 501]. Этот подход рассматривает биологический организм, обладающий сознанием, и другие объекты как производные части космоса, упорядоченные в иерархию³⁴. Комбинаторная про-

³¹Если это так, то конститутивный панпсихизм в рассмотренном варианте не может быть решением трудной проблемы сознания, по крайней мере в ее мереологическом аспекте.

³²Здесь нет необходимости подробно останавливаться на изложении этой аргументации в более строгом виде. Однако ясно, что, кроме физикализма в широком смысле и панпсихизма, конститутивных атомистических стратегий, которые могли бы существенно изменить ситуацию, не существует.

³³Это дословный перевод «atomless gunk».

³⁴Несмотря на необычность этого подхода с точки зрения классической физики, он имеет ряд несомненных преимуществ с точки зрения современной физики, учитывающей специфические особенности квантовой механики. С уверенностью можно утверждать и то, что явного противоречия между физикой и приоритетным монизмом нет. Подробнее см. [21].

блема, как и вообще проблема единства сознания, не возникает в данном подходе, поскольку сознание макросубъекта метафизически приоритетно перед составляющими его свойствами или иными частями, поэтому данные свойства не могут быть помыслены без сознания. При принятии данного направления исследований возможны две основные альтернативы, исходящие из рассмотренных ранее гипотез.

Если (G2) верна, то необходимость в панпсихистском решении отпадает. По крайней мере острую необходимость обращаться к панпсихизму в данном случае надо обосновать отдельно, и с учетом изложенного ранее это будет не просто. Если же верна (G1), то и здесь, как кажется, может быть найдено решение. Подход Шаффера сам по себе не предполагает фундаментальность психических свойств,

но вполне может быть дополнен этим тезисом. Комбинацию приоритетного монизма и панпсихизма принято называть приоритетный космопсихизм [3]. Он исходит из первичности космического сознания по отношению к сознаниям отдельных существ. Однако стратегию, предполагающую существование единого космического сознания для объяснения сознания человеческого, нельзя назвать простым и экономным решением. Еще один вариант заключается в том, чтобы приписывать космической субстанции протопсихические свойства, что делает этот тезис гораздо более скромным. Однако и здесь есть свои сложные задачи: в данном подходе необходимо будет объяснить³⁵, как протопсихические свойства космоса, ограничиваясь в локальных масштабах, будут порождать психические макросвойства организмов³⁶.

Список литературы

1. *Chalmers D.J.* Panpsychism and Panprotopsyism // *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / ed. by G. Brüntrup, L. Jaskolla. N.Y.: Oxford University Press, 2016. P. 19–56.
2. *Goff P.* Consciousness and Fundamental Reality. N.Y.: Oxford University Press, 2017. 304 p.
3. *Nagasawa Y., Wager K.* Panpsychism and Priority Cosmopsychism // *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / ed. by G. Brüntrup, L. Jaskolla. N.Y.: Oxford University Press, 2016. P. 113–129.
4. *Mendelovici A.* Panpsychism's Combination Problem Is a Problem for Everyone // *The Routledge Handbook of Panpsychism* / ed. by W. Seager. London: Routledge, 2019. P. 303–316.
5. *Voigt U.* What a Feeling? In Search of a Metaphysical Connection Between Panpsychism and Panentheism // *Panentheism and Panpsychism* / ed. by G. Brüntrup, B.P. Göcke, L. Jaskolla. Paderborn: Brill, 2020. P. 139–154.
6. *Coleman S.* The Evolution of Nagel's Panpsychism // *Klesis*. 2018. Vol. 41. С. 180–202.
7. *Leidenhag J.* Unity Between God and Mind? A Study on the Relationship Between Panpsychism and Pantheism // *Sophia*. 2019. Vol. 58, № 4. P. 543–561. DOI: [10.1007/s11841-018-0688-z](https://doi.org/10.1007/s11841-018-0688-z)
8. *Stoljar D.* Two Conceptions of the Physical // *Philos. Phenomenol. Res.* 2001. Vol. 62, № 2. P. 253–281. DOI: [10.2307/2653699](https://doi.org/10.2307/2653699)
9. *Фролов К.Г.* Аналитика эмерджентности в контексте проблемы сознания // *Философия науки*. 2012. № 3(54). С. 105–116.
10. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильев. М.: УРСС, 2015. 512 с.
11. *Chalmers D.J.* The Combination Problem for Panpsychism // *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / ed. by G. Brüntrup, L. Jaskolla. N.Y.: Oxford University Press, 2016. P. 179–213.

³⁵Об одном из возможных подходов к решению этой проблемы см. [12].

³⁶Автор благодарит анонимных рецензентов за предоставленные комментарии и обстоятельную критику, которые помогли лучше сформулировать мысль.

12. Сысоев М.С. Фундаментальная перцепция в философии Лейбница и современный панпсихизм // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 202–219. DOI: [10.5840/eps202259350](https://doi.org/10.5840/eps202259350)
13. Лейбниц Г.В. Монология // Сочинения в четырех томах. Т. I. М.: Мысль, 1982. С. 413–429.
14. James W. *The Principles of Psychology*. Cambridge: Harvard University Press, 1983. Vol. 1. 1302 p.
15. Block N. Troubles with Functionalism // *Minn. Stud. Philos. Sci.* 1978. Vol. 9. P. 261–325.
16. Searle J. Minds, Brains, and Programs // *Behav. Brain Sci.* 1980. № 3. P. 417–424. DOI: [10.1017/S0140525X00005756](https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756)
17. Kirk R., Squires J.E.R. Zombies v. Materialists // *Proc. Aristot. Soc. Suppl. Vol.* 1974. Vol. 48. P. 135–163.
18. Lockwood M. The Grain Problem // *Objections to Physicalism* / ed. by H.M. Robinson. N.Y.: Oxford University Press, 1993. P. 271–291.
19. Schaffer J. Is There a Fundamental Level? // *Noûs*. 2003. Vol. 37, № 3. P. 498–517. DOI: [10.1111/1468-0068.00448](https://doi.org/10.1111/1468-0068.00448)
20. Schaffer J. Monism: The Priority of the Whole // *Philos. Rev.* 2010. Vol. 119, № 1. P. 31–76. DOI: [10.1215/00318108-2009-025](https://doi.org/10.1215/00318108-2009-025)
21. Ismael J., Schaffer J. Quantum Holism: Nonseparability as Common Ground // *Synthese*. 2020. Vol. 197, № 10. P. 4131–4160. DOI: [10.1007/s11229-016-1201-2](https://doi.org/10.1007/s11229-016-1201-2)

References

1. Chalmers D.J. Panpsychism and Panprotopsychism. Brüntrup G., Jaskolla L. (eds.). *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. New York, 2016, pp. 19–56.
2. Goff P. *Consciousness and Fundamental Reality*. New York, 2017. 304 p.
3. Nagasawa Y., Wager K. Panpsychism and Priority Cosmopsychism. Brüntrup G., Jaskolla L. (eds.). *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. New York, 2016, pp. 113–129.
4. Mendelovici A. Panpsychism's Combination Problem Is a Problem for Everyone. Seager W. (ed.). *The Routledge Handbook of Panpsychism*. London, 2019, pp. 303–316.
5. Voigt U. What a Feeling? In Search of a Metaphysical Connection Between Panpsychism and Panentheism. Brüntrup G., Göcke B.P., Jaskolla L. (eds.). *Panentheism and Panpsychism: Philosophy of Religion Meets Philosophy of Mind*. Paderborn, 2020, pp. 139–154.
6. Coleman S. The Evolution of Nagel's Panpsychism. *Klesis*, 2018, vol. 41, pp. 180–202.
7. Leidenhag J. Unity Between God and Mind? A Study on the Relationship Between Panpsychism and Pantheism. *Sophia*, 2019, vol. 58, no. 4, pp. 543–561. DOI: [10.1007/s11841-018-0688-z](https://doi.org/10.1007/s11841-018-0688-z)
8. Stoljar D. Two Conceptions of the Physical. *Philos. Phenomenol. Res.*, 2001, vol. 62, no. 2, pp. 253–281. DOI: [10.2307/2653699](https://doi.org/10.2307/2653699)
9. Frolov K.G. Analitika emergentnosti v kontekste problemy soznaniya [Analytics of Emergent entities in the Context of the Mind-Body Problem]. *Filosofiya nauki*, 2012, no. 3, pp. 105–116.
10. Chalmers D.J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York, 1996. 433 p. (Russ. ed.: Chalmers D. *Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii*. Moscow, 2015. 512 p.).
11. Chalmers D.J. The Combination Problem for Panpsychism. Brüntrup G., Jaskolla L. (eds.). *Panpsychism: Contemporary Perspectives*. New York, 2016, pp. 179–213.
12. Sysoev M.S. Fundamental'naya pertseptsiya v filosofii Leybnitsa i sovremennyy panpsikhizm [Fundamental Perception in Leibniz's Philosophy and Contemporary Panpsychism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 202–219. DOI: [10.5840/eps202259350](https://doi.org/10.5840/eps202259350)
13. Leibnits G.V. *Monadologiya* [Monadology]. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 1. Moscow, 1982, pp. 413–429.
14. James W. *The Principles of Psychology*. Cambridge. 1983. Vol. 1. 1302 p.
15. Block N. Troubles with Functionalism. *Minn. Stud. Philos. Sci.*, 1978, vol. 9, pp. 261–325.
16. Searle J. Minds, Brains, and Programs. *Behav. Brain Sci.*, 1980, vol. 3, no. 3, pp. 417–424. DOI: [10.1017/S0140525X00005756](https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756)
17. Kirk R., Squires J.E.R. Zombies v. Materialists. *Proc. Aristot. Soc. Suppl. Vol.*, 1974, vol. 48, pp. 135–163.
18. Lockwood M. The Grain Problem. Robinson H.M. (ed.). *Objections to Physicalism*. New York, 1993, pp. 271–291.

19. Schaffer J. Is There a Fundamental Level? *Noûs*, 2003, vol. 37, no. 3, pp. 498–517. DOI: [10.1111/1468-0068.00448](https://doi.org/10.1111/1468-0068.00448)

20. Schaffer J. Monism: The Priority of the Whole. *Philos. Rev.*, 2010, vol. 119, no. 1, pp. 31–76. DOI: [10.1215/00318108-2009-025](https://doi.org/10.1215/00318108-2009-025)

21. Ismael J., Schaffer J. Quantum Holism: Nonseparability as Common Ground. *Synthese*, 2020, vol. 197, no. 10, pp. 4131–4160. DOI: [10.1007/s11229-016-1201-2](https://doi.org/10.1007/s11229-016-1201-2)

DOI: 10.37482/2687-1505-V251

Matvey S. Sysoev

Voronezh State Pedagogical University;

ul. Lenina 86, Voronezh, 394043, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1152-577X> e-mail: sysoev.paritet@gmail.com

ON THE RELATION BETWEEN THE HARD PROBLEM OF CONSCIOUSNESS AND THE COMBINATION PROBLEM FOR PANPSYCHISM

The paper compares two problems in the analytical philosophy of mind: the hard problem of consciousness and the combination problem for panpsychism. The former arises for a wide range of materialist approaches, including physicalism. Panpsychism is asserted by its proponents as the best solution to the hard problem. However, panpsychism itself is faced with the combination problem. A comparison of these problems demonstrates that constitutive panpsychism is fundamentally incapable of solving the hard problem of consciousness. This is demonstrated by the structural and substantive similarity of the arguments in favour of each problem. The author shows that constitutive panpsychism is an extension of physicalism specifically designed to solve the hard problem. Further, the arguments from conceivability in favour of the hard and combination problems are compared, demonstrating their structural similarity. In addition, the author points out the substantive similarity of these problems by comparing individual types of argumentations. This allows us to accept the hypothesis that one of the reasons for the problems of panpsychism and physicalism may lie in mereological atomism, which unites these approaches. Thus, the association of the hard and combination problems can serve as an argument against mereological atomism in both panpsychism and physicalism. Based on the analysis of both problems, general conclusions are drawn about the prospects for the approaches in question and a direction of research is proposed in which the general problems of constitutive panpsychism and physicalism could be solved. It is shown that there is at least one acceptable naturalistic alternative to atomism: priority monism, which can be a strategy for solving the considered problems for both physicalism and panpsychism.

Keywords: *hard problem of consciousness, combination problem, panpsychism, physicalism, priority monism, mereological atomism.*

Поступила 07.12.2022

Принята 10.04.2023

Опубликована 17.04.2023

Received 7 December 2022

Accepted 10 April 2023

Published 17 April 2023

For citation: Sysoev M.S. On the Relation Between the Hard Problem of Consciousness and the Combination Problem for Panpsychism. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 91–102. DOI: 10.37482/2687-1505-V251

УДК 13:323.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V250

*САПАН Илья Евгеньевич, аспирант кафедры социальной философии и философии истории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор 5 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8300-1679>

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМА СМЫСЛОВОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ В РАМКАХ СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

В статье автор рассматривает два социальных феномена, а именно: общественное мнение и публичное пространство, в рамках системно-коммуникативного подхода. Актуальность данной работы обусловлена тем, что на сегодняшний день как в России, так и за ее пределами тема общественного мнения, публичности, массовых убеждений получила огромное внимание со стороны самых разных сфер общественной жизни, в частности политической, что автоматически может активировать исследовательский интерес в академической среде. Теоретической базой настоящей статьи является общая социальная теория Никласа Лумана. Цель работы – экспликация особых характеристик общественного мнения как качественно уникального пространства коммуникаций, необходимого для политической системы в целях собственно воспроизводства. Рассматривается проблема интерпретации общественного мнения, его особенности как коммуникативного феномена, а также последовательно излагается конструкт теоретических позиций Н. Лумана. Признавая особую роль средств массовой информации в качестве «актора», придающего общественному мнению различаемую форму, автор демонстрирует, что расхожая точка зрения о массмедиа как манипуляторе массовыми убеждениями является зачастую преувеличенной и даже предписанной: так, массмедиа может предлагать, даже навязывать повестку, руководствуясь стремлением создать сенсацию, но не может заставить ее всецело акцептировать. Постулируется тезис, что не только новость ищет своего читателя, но и читатель ищет свою новость. Опираясь на данные позиции, автор делает вывод, что в рамках политической системы общественное мнение является коммуникативным инструментом для принятия общеобязательных решений, а не суммой индивидуальных воззрений, демонстрируя таким образом мифологическую нагруженность понятий «демократия», «выборы» и «народная воля».

Ключевые слова: общественное мнение, публичное пространство, массмедиа, социальная система, политика, манипуляция, коммуникация, Н. Луман.

*Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: isapan1994@gmail.com

Для цитирования: Сапан И.Е. Общественное мнение и публичное пространство: проблема смысловой взаимосвязи в рамках системно-коммуникативного подхода // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 103–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V250

Общественное мнение: проблема интерпретации

Известно, что понятие «общественное мнение» имеет массу определений, в силу чего мы можем наблюдать сложность в попытке его всестороннего анализа. Данное обстоятельство подтверждается еще и тем фактом, что многие понятия претерпевают ряд существенных смысловых метаморфоз в ходе истории их употребления. В этом смысле мы можем согласиться с утверждением Райнхарта Коззелека, что «понятия – это и показатели, и действующие силы политической и социальной жизни» [1, с. 61] в силу того, что их употребление «подвержено также действию внелингвистических сил, таких как социальные структуры, которые не могут быть изменены в одночасье» [1, с. 67]. Тем не менее данная проблема – проблема общественного мнения, а вместе с тем и роли массмедиа в его формировании, трансляции, самом образе публичности – сегодня актуализируется не только в социальном теоретизировании, но и в плоскости практикоориентированных интересов различных политических, академических и творческих групп.

Рассуждения о таком явлении, как «общественное мнение» занимали немало выдающихся умов, проявивших себя на ниве философской, социологической и политической мысли. Мы можем вспомнить имена известных авторов: Дж. Локка, Н. Макиавелли, А. де Токвилля, Ф. Тенниса, У. Липпмана, Э. Ноэль-Ноймана, Ю. Хабермаса, – этот список может быть продолжен. Однако, на наш взгляд, он будет неполон без «философствующего социолога» Никласа Лумана, который внес особый вклад не только в трактовку понятия общественного мнения, но и в само понимание общества как грандиозного комплекса социальных систем. Так, например, исследуя возможность массмедиа быть «реальной четвертой властью» и формировать общественное мнение, Н.К. Радина заявляет, что «среди теорий, которые помогают связать власть и массмедиа таким образом, чтобы на этой основе было возможно операционализировать проблему, – коммуникативная теория Никласа Лумана,

разъясняющая роль коммуникации в сосуществовании власти и массмедиа» [2, с. 153].

На наш взгляд, теория Н. Лумана критически относится к идее общественного мнения, силу которого можно понять только при тщательном разграничении нормативных и описательных концепций. Исходя из этого, в данной статье мы противопоставим два тесно связанных понятия – «общественное мнение» (которое является точным переводом авторского выражения *Öffentliche Meinung*) и «публичное пространство». Это различие основано на том, что если первое понятие было задумано в XVIII веке как инстанция, облеченная во все «обещания» Просвещения, и сохранялось как таковое в либеральном дискурсе XIX века, то сегодня оно, как правило, описывает только то, что измеряется институтами опроса, – сегментированную массу частных мнений.

Лумановская концепция общественного мнения и публичного пространства, как и многие элементы его масштабной теории социальных систем, отличается оригинальностью: она отрицает любой нормативный характер. По обыкновению политически действующая публичная сфера определяется как своего рода медиатор, позволяющий донести требования народа до власть предержащих. Так, к примеру, намеренно следуя «традиции Просвещения», Ю. Хабермас рассматривает публичное пространство как площадку, где многие проблемы гражданского общества могут быть тематизированы и обсуждены [3]. Н. Луман отвергает эту эмфатическую концепцию публичного пространства, которое позволило бы гуманным идеалам возобладать в социуме через свободу прессы и подавление цензуры перед лицом государственного разума, «тайных стратегий» и «лицемерия политической власти». Чтобы отчетливее показать, как видится публичность с точки зрения Лумана, мы могли бы сравнить его позицию с позицией Х. Арндт по данному вопросу. Так, по мнению некоторых исследователей, «пространство публичности есть место, в котором, согласно Арндт, совершается политика, а человек может быть по-настоящему свободным»

[4, с. 10]. У Лумана же, напротив, публичность есть ничто иное, как элемент функциональной политической системы. Или, если быть более точным, как «внутриобщественный внешний мир подсистем общества, то есть всех интеракций и организаций, а также общественных функциональных систем и социальных движений» [5, с. 161].

Отметим, что системно-коммуникативная теория Н. Лумана достаточно известна в российской социофилософской среде. В количестве публикаций и исследовательских работ, посвященных творчеству данного немецкого социолога, нет недостатка. Это освобождает нас от многословного изложения всей той громады теоретических положений лумановской социологии, которая не может быть представлена в научной статье. Тем не менее, прежде чем приступить к интересующему нас вопросу более детально, мы испытываем потребность вкратце обозначить тот смысловой и понятийный абрис, в рамках которого особым образом раскрываются идеи Н. Лумана об общественном мнении и публичном пространстве.

Общество и общественное мнение сквозь призму

системно-коммуникативного подхода

Для Н. Лумана общество – это грандиозная аутопойетическая система, которая воспроизводится благодаря коммуникации так же, как живые системы (к примеру, биологические клетки) воспроизводят собственную жизнь, а психические системы – собственное сознание. Последовательно критикуя классическую социологию за «гуманистические предубеждения», немецкий социолог утверждал, что человек, его сознание, ментальные акты, переживания и т. д. – внешний мир для социальной системы, который непроницаем с двух сторон. Система коммуникации – это последовательность сообщений. Психическая система – это последовательность ментальных актов. Оба эти феномена (психическая и социальная системы) отделены, т. к. состоят из разных элементов – мыслей и сообщений соответственно. Но всякое сообщение становится и содержанием ментального

акта. Поэтому они структурно сопряжены. При этом все равно мысль «подсоединяется» только к мысли, а сообщение – только к сообщению. В подобном смысле революционный тезис Н. Лумана заключается в том, что в общество состоит не из людей, а только из коммуникаций.

Таким образом, различные социальные системы (экономика, религия, наука, массмедиа и проч.) могут функционировать только в своих границах, однако они могут также «понимать» тот факт, что за ними наблюдают из окружающей среды. Общественное пространство определяется в данной перспективе как среда отражения, которая позволяет обществу наблюдать за самим собой. Для Н. Лумана общественное мнение (*Öffentliche Meinung*) является лишь частным случаем: это публичное пространство, наблюдаемое с точки зрения политической системы. Подобная мысль контрастирует с убеждением, которое рассматривает общественное мнение как «серого кардинала» политической системы, предлагающего ей «шансы на рациональность» [6, с. 287].

Однако цель Н. Лумана не в том, чтобы устранить это понятие из-за его эмфатического характера. Она явно принадлежит к современной политической семантике и, таким образом, направляет общественную коммуникацию. На наш взгляд, социолог скорее намерен реконструировать его на основе теории систем, чтобы выявить истинную социальную функцию. Согласно системному подходу, каждая система сталкивается с проблемой комплексности своего окружения, которую она должна редуцировать (т. е. уменьшить, упростить), чтобы обеспечить собственное воспроизводство. Проблема подобной сложности лежит в основе лумановского системного подхода и возникает с двух точек зрения: как внутренняя комплексность и как комплексность окружающей среды. Внутренне комплексная система – это целостный набор элементов, в котором из-за ограничений возможностей связи не все элементы могут быть связаны между собой. Внешняя же среда всегда сложнее, чем сама система, из которой она выделяется. Отсюда вытекает не-

обходимость редукции комплексности. Системы должны уменьшить хаос своего окружения путем его структурирования. Однако для того, чтобы реагировать на изменения в окружающей среде, они также должны обладать достаточной и соответствующей внутренней сложностью. Системы развивают способность справляться со сложностью за счет внутренней дифференциации подсистем. Поэтому Н. Луман стремится объяснить, как общественное мнение позволяет политической системе уменьшить социальную сложность, достичь «поглощения неопределенности» [6, с. 287], чтобы можно было принимать политические решения.

Такая системная реконструкция общественного мнения требует, прежде всего, понимания его как чисто коммуникативного явления. По мнению Н. Лумана, общественное мнение – это социальный феномен, а поскольку общество состоит с его точки зрения сплошь из коммуникаций, общественное мнение нельзя понимать как выражение индивидуальных мнений. Это связано, прежде всего, с самореферентностью социальной системы: коммуникации рассматриваются как операционально отрезанные от психических систем. Социальные системы возникают из их структурной связи с психическими системами, но имеют операционную замкнутость. Мнения отдельных людей могут раздражать коммуникацию, но не определять ее, потому что социальные системы всегда интерпретируют эти раздражения через *свою собственную логику*. В этих условиях общественное мнение нельзя понимать как выражение, например, того, «о чем думают настоящие мужчины» [7, с. 170]. Примерно схожие рассуждения мы можем обнаружить у французского социолога Пьера Бурдьё. Размышляя об изучении общественного мнения и его ангажированности, он заявляет, что «предлагаемая исследованиями общественного мнения проблематика подчинена политическим интересам, и это очень сильно сказывается одновременно и на значении ответов, и на значении, которое придается публикации результатов» [8, с. 123]. В этом смысле социолог характе-

ризует общественное мнение как «чистейший артефакт», измерение которого, например, в процентных величинах является весьма неадекватным подходом к его оценке [8, с. 164].

Общественное мнение и массмедиа: предпочтение или манипуляция?

При рассуждении в строго коммуникативном ключе общественное мнение рассматривается нами как носитель информации, которому средства массовой информации придают *форму*. Позволим себе сравнить это с грудой песка, из которого можно слепить разные фигурки, – массмедиа из хаоса разноголосицы убеждений и взглядов способны оформить общественное мнение в отчетливую тематику, структурировать. Они конструируют реальность на основе выбора, руководствуясь дистинкцией «информация/не информация». Подобный бинарный код диктует предпочтения, предписывая правила внимания: телевидение, пресса или радио ценят новизну, увлекаются моральными оценками и предпочитают количественные данные. Прежде всего они выбирают сенсации, транслируемые в виде конфликтов, скандалов и катастроф. Для них страстно желаемая новизна, нечто «девиантное» и «удивительное».

Тем не менее Н. Луман отвергает любую форму манипулирования общественным мнением, признавая при этом, что средства массовой информации (СМИ) способствуют подозрению в манипулировании, поскольку, исходя из наблюдения второго порядка, люди могут спросить себя, почему СМИ рассматривают одну тему, а не другую: «“Манипуляция” общественным мнением становится возможной и даже может быть заподозрена и предположена <...> Но представление манипулируемости (часто иллюзорно преувеличенное) является существенным измерением средства наблюдения второго порядка» [6, с. 228]. Н. Луман в данном случае придерживается модели формирования сюжета новостных сводок, согласно которой массмедиа только ставят вопросы на повестку дня: «вопросы производятся как формы общественного мнения» [7, с. 168]; они *навязывают*, что человек должен думать, при этом *не пред-*

писывая, что он должен думать. Соглашаться с мнением того или иного эксперта, остро или равнодушно реагировать на новости – личное дело каждого, и едва ли кто-то готов признать за собой, что был «одурачен медийщиками»; обычно эти упреки сыплются из уст сторонних наблюдателей, у которых есть свои, отличные от других, эксперты и новостные порталы. Массмедиа предлагают точки зрения, а дальше, что называется «кому что нравится», «меня обманывать нетрудно – я сам обманываться рад». Как верно подмечает виднейший отечественный исследователь творчества Н. Лумана А.Ю. Антоновский: «в самих массмедиа нет манипуляций и нет фальсификаций, а есть лишь правила селекции событий. Фальсификация и манипуляция – значения, которые приписывает наблюдатель для организации своих собственных (например, научных или политических) коммуникаций. Вся беда в том, что обвинитель и обвиняемый здесь равноправны» [9, с. 229].

Политическая система и общественное мнение

Как мы успели подчеркнуть выше, Н. Луман определяет общественное мнение как некую внутреннюю сугубо для политической системы среду политических организаций и взаимодействий. Это следует понимать из тезиса об операционной закрытости любой системы, который подразумевает, что та не может пересекать свои собственные границы. Однако она может отражать такое ограничение, предполагая, что другие системы ответственны за раздражения, которые она испытывает. Политическая система принимает тот факт, что за ней наблюдают извне; а общественное мнение – это именно то зеркало, через которое она наблюдает за собой. Таким образом, общественное мнение обеспечивает аутичность системы политики, при этом оно «не служит для установления контактов с внешним миром; оно обеспечивает самореферентную закрытость политической системы» [7, с. 172], что позволяет последней направлять свою деятельность.

Такая реконструкция общественного мнения приводит, на наш взгляд, к разочарованному взгляду на демократию. Из-за замкнутости

социальных систем ее нельзя определить как политический режим, где суверенитет народа гарантирован его информированным участием в выработке общественного мнения. Немецкий социолог сетует: «Это заставляет нас прежде всего болезненно отказаться от ожиданий рациональности и надежд, возлагаемых на оживление республиканской гражданской жизни» [7, с. 172], поскольку отсутствует коммуникация политической системы с индивидами. Однако Н. Луман не сводит демократию к чистой фикции. Ученый определяет ее как политическую систему, которая операционально закрыта наблюдением второго порядка через общественное мнение и чьим кодом является различие между правительством и оппозицией. Демократия – это политический режим, который допускает постоянное чередование правительства и оппозиции и предлагает баланс между стабильностью и разнообразием, что позволяет политической системе сохранять себя: правительства меняются, но она остается. В этом смысле мы должны быть осторожны и не путать семантику демократии с реальностью. Согласно демократической семантике избиратели выбирают людей, которые заседают в законодательных органах и косвенно в правительстве; правительство принимает решения, которые администрация реализует. В действительности же последняя готовит решения, принимаемые правительствами и парламентами. Общественное мнение лишь реагирует, одобряя или не одобряя эти решения. Поэтому, с нашей точки зрения, «демократии» основаны не на суверенитете народа и выборах, как это обычно имеет место быть в качестве расхожего мнения, а на организациях, процедурах и институтах, которые остаются относительно стабильными и позволяют ненасильственно чередовать правительство и оппозицию.

Таким образом, мы можем заключить, что роль народа является чисто символической. Демократический нарратив – это миф, функция которого заключается в легитимации политической системы. Народная воля – это фикция, порожденная «квазиматическим» событием

выборов: «В тексте своего самоописания демократия предполагает народ как некую высшую инстанцию, в рамках которой совершается чудо превращения индивидуальных волей в общую волю» [6, с. 366]. Общественное мнение вносит свой вклад в это необходимое фиктивное повествование. Что на самом деле думают люди, когда голосуют, остается неизвестным, а мнения слишком разнообразны, чтобы найти адекватное выражение на выборах. Этот простой факт не позволяет представить общественное мнение как общее выражение индивидуальных мнений. На наш взгляд, оно всего лишь коммуникативная конструкция, которая дает политической системе выполнять свою функцию по принятию коллективно обязательных решений.

Наряду с этим мы можем понять, отчего Н. Луман наиболее известен и критикуем за его «враждебность к этическим иллюзиям», «безэмоциональное» наблюдение за миром, которое словно засасывается логикой освоения комплексности и хаотичности. Ученого часто упрекают в отсутствии критической воли, цинизме или неявном допущении функциональных требований сохранения системы. Так, например, Н. Луман заявляет: «Политические действия в государстве всеобщего благосостояния должны исходить из того, что обстоятельства, на которые оно направляет свои усилия (по их поддержанию или формированию. – И.С.), неожиданным образом трансформируются самими усилиями» [10, с. 10]. Подобная идея, с точки зрения итальянского философа Данило Золо, означает не что иное, как молчаливую защиту либерального капитализма. По его мнению, интервенционистская стратегия государства всеобщего благосостояния, при которой законодательство вторгается в другие подсистемы, «перегружает закон до такой степени, что искажает его регулятивную функцию. Такая перегрузка приводит к хаотичному законодательству, которое усложняет правовую систему, и эта тенденция препятствует ее рациональной самопрезентации. Против этой тенденции Луман <...> защищает автопоэти-

ческую автономию социальных подсистем, в частности, экономики, образования и семьи. Другими словами, аутопойетическая парадигма представляет собой оправдание политики дерегулирования» [11, с. 63]

Вывод

Одну из главных заслуг Н. Лумана в процессе работы над коммуникативной теорией общества, претендующей на универсальность, мы усматриваем в формировании особого языка описания общества. По нашему глубочайшему убеждению, то, как описывается проблема, сквозь какую теоретическую оптику она рассматривается, имеет колоссальное значение в эвристическом потенциале исследования, в осуществлении анализа или формировании прогнозов.

Системно-коммуникативный подход раскрывает неочевидные и нетривиальные стороны такого феномена, как общественное мнение. Мы часто можем слышать расхожие заявления, что этим мнением могут «манипулировать», что его «уводят в сторону от насущных проблем», «направляют туда, куда надо», и, на первый взгляд, очевидность подобного рода утверждений не оставляет сомнений. Однако на проверку оказывается не так все просто. С опорой на системно-коммуникативный подход мы можем видеть, что массмедиа как особая социальная система это мнение скорее *оформляют*, чем *формируют*. Один из президентов Соединенных Штатов Америки Дж. Куинси Адамс заявил, что массы народа «не могут ни судить, ни действовать, ни выражать свою волю, выступая в качестве политического целого». При помощи массмедиа разного рода темы в СМИ, заголовки, колонки, сводки, отобранные по определенному принципу, поставляются в массы, и каждая новость находит своего читателя. Вернее даже напротив – читатель сам находит свою новость. Очевидно, это процесс обоюдный. Редко бывает, чтобы потребитель новостей задавался вопросом: «А почему именно *эту* новость мне предложили *сегодня?*» Люди слушают и читают то, что *хотят* слушать и читать, и, следовательно, верят в то, во что *хотят* верить. В силу этого мы мо-

жем зачастую наблюдать, как люди, свято убежденные в «аргументах и фактах» своего колумниста или своей газеты, наотрез отказываются допустить точку зрения, изложенную в другом издании, даже если она тоже подкреплена аргументами и фактами. Так, например, исследуя, как представлены в широких обсуждениях этические проблемы национальных меньшинств в европейском обществе, Тен А. ван Дейк отмечает, что «аргументация на темы о преступности или культурных различиях для повседневной коммуникации подбиралась в основном из прессы» [12, с. 168]. При этом «статьи из прессы воспринимались как основное “доказательство” в поддержку предвзятости по отношению к меньшинствам» [12, с. 168].

Таким образом, общественное мнение оформляется, становятся различимы тренды, и политическая система, словно вглядываясь в него как в зеркало (что мы отметили выше), способна принимать некие решения. Аналогия с зеркалом нам представляется весьма удачной – как девушка, которая смотрит в него в стремлении повысить степень привлекательности (при этом невозможно упрекнуть ее в навязывании своей внешности зеркалу), так и политическая система, всматриваясь в общественное мнение, формирует свой образ подстать сугубо собственным целям. Например, для пролонгации функционирования и сохранения баланса внутренних сил.

Вместе с тем может возникнуть справедливый вопрос: а способен ли системный подход Лумана предоставить адекватный ответ на вызовы, которые стоят перед современными социальными науками, в частности на понимание того, как происходят изменения общественного мнения? Ответ может показаться несколько неоднозначным. Все дело в том, что коль скоро мы опираемся на теорию Н. Лумана, можно сказать, что изменяется не общественное мнение, а темы, которые селекционируются и транслируются со стороны массмедиа; общественное мнение не «меняется», а «переоформляется», т. к. нет его субъекта в строгом смысле. Немецкий социолог считал общественное мнение не просто лабильным, а вообще «чистым артефактом прессы» [6, с. 284].

Как верно отмечает А.Ю. Антоновский: «Массмедиа формируют (в том смысле, что “представляют себе” его именно таковым) “общественное мнение”, и сами вынуждены реагировать, приспособливаться к этим своим “представлениям” о нем, учитывать их в выстраивании своих собственных коммуникаций» [9, с. 226].

Тем не менее подобный системно-коммуникативный подход Н. Лумана, как и всякая методология, не обходится без критических замечаний в свой адрес. Так, Г. Герим упрекает данную концепцию за трудность в верификации некоторых ее элементов, в частности идеи аутопойезиса, что усложняет использование теории для анализа эмпирического материала [13, с. 6]. Схожую точку зрения высказывает и Б. Мойер, заявляя, что теория Н. Лумана оторвана от реальной жизни [14, с. 904]. Объектом критики также стало и то, что немецкий социолог исключает конкретного человека из социальной системы действий и процессов, об этом заявляют А. Кизерлинг [15, с. 176] и даже научный руководитель Н. Лумана Х. Шельски [16, с. 241]. Однако подобные негативные оценки носят сугубо «идеологический» характер, которые сам немецкий социолог критиковал как содержащие гуманистические предубеждения.

Тема общественного мнения и публичного пространства как никогда демонстрирует свою злободневность. В силу этого наше стремление исследовать данную проблематику в связке с системно-коммуникативным подходом было неслучайно. Уже упомянутая нами Н. Радина отмечает, что в актуальной теме анализа массмедиа, власти и общественного мнения «среди наиболее эвристичных и методологически выверенных социально-конструктивистских теорий – взгляды Никласа Лумана, объединяющие текст, коммуникацию и власть» [2, с. 142]. Подытожив, мы можем с уверенностью заявить, что системно-коммуникативный подход, который предлагает особенные, подчас неожиданные интерпретации самых разнообразных социальных феноменов, демонстрирует не только оригинальность, но и нередко солидный эвристический потенциал.

Список литературы

1. Koselleck R. A Response to Comments on the *Geschichtliche Grundbegriffe* // The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte. Occasional Paper № 15 / ed. by H. Lehmann, M. Richter. Washington: German Historical Institute, 1996. P. 59–70.
2. Радина Н.К. Управление массмедийным дискурсом как функция коммуникативного кода власти // Полит. наука. 2017. № 2. С. 138–156.
3. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.И. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
4. Саликов А.Н., Жаворонков А.Г. Трансформация публичного пространства в условиях революции: взгляд из перспективы Ханны Арндт // Соц. обозрение. 2018. Т. 17, № 1. С. 9–29. DOI: [10.17323/1728-192X-2018-1-9-29](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-9-29)
5. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
6. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. 444 s.
7. Luhmann N. Gesellschaftliche Komplexität und öffentliche Meinung // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Band 5. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. S. 170–182.
8. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Е.Д. Вознесенской и др. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
9. Антоновский А.Ю. Массмедиа – трансцендентальная иллюзия реальности? // Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 221–248.
10. Luhmann N. Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat. München: Olzog, 1981. 158 s.
11. Zolo D. Autopoiesis: Critique of a Postmodern Paradigm // Telos. 1990. Vol. 1990, № 86. P. 61–80. DOI: [10.3817/1290086061](https://doi.org/10.3817/1290086061)
12. ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматава. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
13. Gerim G. A Critical Review of Luhmann's Social Systems Theory's Perspective on Mass Media and Social Media // J. Humanity Soc. 2017. Vol. 7, № 2. P. 1–24. DOI: [10.12658/human.society.7.14.M0218](https://doi.org/10.12658/human.society.7.14.M0218)
14. Meuer B. Kritische Bemerkungen zur Systemtheorie // Das Argument. 1973. Band 11/12, № 83. S. 883–908.
15. Kieserling A. Niklas Luhmann, Zweckbegriff und Systemrationalität / ed. by K. Türk // Hauptwerke der Organisationstheorie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2000. S. 178–181.
16. Guibentif P. Niklas Luhmann und die Rechtssoziologie: Gespräch mit Niklas Luhmann, Bielefeld, den 7. Januar 1991 // Z. Rechtssoziol. 2000. Band 21, № 1. S. 217–245. DOI: [10.1515/zfrs-2000-0109](https://doi.org/10.1515/zfrs-2000-0109)

References

1. Koselleck R. A Response to Comments on the *Geschichtliche Grundbegriffe*. Lehmann H., Richter M. (eds.). *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte*. Occasional Paper No. 15. Washington, 1996, pp. 59–70.
2. Radina N.K. Upravlenie massmediynym diskursom kak funktsiya kommunikativnogo koda vlasti [Management of Mass Media Discourse as a Function of the Communicative Code of Power]. *Politicheskaya nauka*, 2017, no. 2, pp. 138–156.
3. Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Berlin, 1962. 291 p. (Russ. ed.: Khabermas Yu. *Strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva*. Moscow, 2016. 344 p.).
4. Salikov A.N., Zhavoronkov A.G. Transformatsiya publichnogo prostranstva v usloviyakh revolyutsii: vzglyad iz perspektivy Khanny Arendt [The Revolutionary Transformation of the Public Realm: An Arendtian Perspective]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2018, vol. 17, no 1, pp. 9–29. DOI: [10.17323/1728-192X-2018-1-9-29](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-9-29)
5. Luhmann N. *Die Realitat der Massenmedien*. Wiesbaden, 2004. 220 p. (Russ. ed.: Luman N. *Real'nost' massmedia*. Moscow, 2005. 256 p.).
6. Luhmann N. *Die Politik der Gesellschaft*. Frankfurt am Main, 2000. 444 p.
7. Luhmann N. Gesellschaftliche Komplexität und öffentliche Meinung. Luhmann N. *Soziologische Aufklärung*. Vol. 5. Wiesbaden, 2009, pp. 170–182.
8. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Political Sociology]. Moscow, 1993. 336 p.
9. Antonovskiy A. Yu. Massmedia – transtsendental'naya illyuziya real'nosti? [Are Mass Media a Transcendental

- Illusion of Reality?]. Luhmann N. *Real'nost' massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow, 2005, pp. 221–248.
10. Luhmann N. *Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat*. Munich, 1981. 158 p.
11. Zolo D. Autopoiesis: Critique of a Postmodern Paradigm. *Telos*, 1990, vol. 1990, no. 86, pp. 61–80. DOI: [10.3817/1290086061](https://doi.org/10.3817/1290086061)
12. van Dijk T.A. *Discourse and Power*. Houndsmills, 2008. 308 p. (Russ. ed.: van Deyk T.A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Moscow, 2013. 344 p.).
13. Gerim G. A Critical Review of Luhmann's Social Systems Theory's Perspective on Mass Media and Social Media. *J. Humanity Soc.*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 1–24. DOI: [10.12658/human.society.7.14.M0218](https://doi.org/10.12658/human.society.7.14.M0218)
14. Meuer B. Kritische Bemerkungen zur Systemtheorie. *Das Argument*, 1973, vol. 11/12, no. 83, pp. 883–908.
15. Kieserling A. Niklas Luhmann, Zweckbegriff und Systemrationalität. Türk K. (ed.). *Hauptwerke der Organisationstheorie*. Opladen, 2000, pp. 178–181.
16. Guibentif P. Niklas Luhmann und die Rechtssoziologie: Gespräch mit Niklas Luhmann, Bielefeld, den 7. Januar 1991. *Z. Rechtssoziol.*, 2000, vol. 21, no. 1, pp. 217–246. DOI: [10.1515/zfrs-2000-0109](https://doi.org/10.1515/zfrs-2000-0109)

DOI: 10.37482/2687-1505-V250

I'ya E. Sapan

Lomonosov Moscow State University;

Leninskie gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8300-1679> e-mail: isapan1994@gmail.com

PUBLIC OPINION AND PUBLIC SPACE: THE SEMANTIC RELATIONSHIP WITHIN THE SYSTEMS-COMMUNICATIVE APPROACH

In this article, the author investigates two social phenomena, namely, public opinion and public space, within the framework of the systems-communicative approach. The study is relevant due to the fact that today, both in Russia and beyond, the topic of public opinion, publicity and mass beliefs has received great attention from various spheres of public life, in particular, the political sphere, which can automatically generate research interest within the academic environment. The theoretical basis for this paper is Niklas Luhmann's general social theory. The purpose of the study is to explicate the special characteristics of public opinion as a truly unique communication space necessary for the political system to reproduce itself. The author considers the problem of the interpretation of public opinion and its characteristics as a communicative phenomenon and consistently outlines the construct of Luhmann's theoretical positions. Recognizing the special role of the media as an actor that gives a distinct shape to public opinion, the author demonstrates that the popular view of mass media as a manipulator of mass beliefs is often exaggerated and even prescribed: being guided by the desire to create a sensation, mass media can offer or even impose an agenda, but cannot force its full acceptance. It is postulated here that not only does the news seek its reader, but the reader seeks his/her news. Based on these positions, the author concludes that, within the framework of the political system, public opinion is a communicative tool for making universally binding decisions, rather than a sum of individual views, thus demonstrating the mythological content of the concepts of democracy, elections, and popular will.

Keywords: *public opinion, public space, mass media, social system, politics, manipulation, communication, N. Luhmann.*

Поступила 14.10.2022
Принята 05.04.2023
Опубликована 17.04.2023

Received 14 October 2022
Accepted 5 April 2023
Published 17 April 2023

For citation: Sapan I.E. Public Opinion and Public Space: The Semantic Relationship Within the Systems-Communicative Approach. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 103–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V250

УДК 11

DOI: 10.37482/2687-1505-V247

МАРТИН Эллен, PhD, научный сотрудник Лондонского университета (Лондон, Великобритания).

*Автор 15 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931>

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СИНГУЛЯРНОСТИ

Следующий этап в развитии человеческой истории часто рассматривается представителями футурологии и теоретиками трансгуманизма как глобальная технологическая сингулярность. Основная задача данной работы заключается в том, чтобы показать, что идея возможности технологической сингулярности является результатом тотальной зависимости человека от техники, что стала причиной метафизической мутации сознания. Автор уделяет внимание концепции технологической сингулярности, согласно которой экспоненциальный рост искусственного интеллекта и нанотехнологий откроет момент необратимых изменений для человечества. Представлен краткий сравнительный анализ русского космизма и трансгуманистических космических видений. Рассматриваются трансгуманистические взгляды о метафизике личности, сознании и сингулярности. На основе критики трансгуманистической теории личностной идентичности сделан вывод о несостоятельности попыток ее сторонников свести понятие личности только к разуму. Утверждается, что вера в возможность технологической сингулярности и постсингулярного мира во многом является результатом тотальной зависимости человека от технологий, когда технологии стали претендовать на роль преобразующего фактора во всех сферах его жизни. В условиях растущей зависимости индивида от технологий зазор между человеком и техникой заполняется искусственным интеллектом, принимающим на себя роль субъекта. Возникновение идеи взрыва искусственного сверхума является следствием происходящей глобальной трансформации во всех сферах жизни, когда стираются грани между реальностью и виртуальным миром. Автор связывает появление понятия технологической сингулярности с метафизическим разрывом, т. е. разрывом между человеческим сознанием как человеческой сущностью и существованием в мире техносферы, где индивид передает свою роль субъекта технике. Бесконтрольно ускоряющийся технический прогресс ведет не к господству машинного сверхума, а к тотальному экзистенциальному обесмысливанию и антропологической катастрофе.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, проблема сознания, технологическая сингулярность, технологический прогресс, трансгуманизм, космические видения трансгуманизма.*

*Адрес: Senate House, Malet St, London, WC1E 7HU, United Kingdom; e-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

Для цитирования: Мартин Э. Метафизический разрыв: критический анализ идеи технологической сингулярности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 112–122. DOI: 10.37482/2687-1505-V247

Определение технологической сингулярности

Техносфера сформировала для современного человека глобальную искусственную среду существования, где научно-технические инновации стали панацеей, предлагающей ответы на все человеческие проблемы и новые перспективы для человечества. Представители трансгуманизма, главные теоретики технологической сингулярности (ТС), считают, что одной из таких перспектив является ТС – момент в истории человечества, когда люди будут неизбежно вытеснены искусственным интеллектом и нанотехнологическими инновациями и наступит время постсингулярной метафизической реальности, где будет господствовать искусственный интеллект (ИИ), или сверхразум.

ТС принято определять как гипотетическое событие, в котором ИИ достигает способности рекурсивного самосовершенствования или автономного создания более мощной версии, что в конечном итоге может привести к интеллектуальному взрыву. Впервые термин «сингулярность» не в математическом смысле, а в контексте технологического прогресса использовал в 1957 году Джон Ньюманн [1].

Основной аргумент был изложен в статье И. Дж. Гуда: «Пусть сверхразумная машина будет определена как машина, которая способна намного превзойти интеллектуальные способности любого человека, каким бы умным он ни был. Поскольку проектирование машин является одним из видов интеллектуальной деятельности, сверхразумная машина могла бы создавать еще более совершенные машины, и тогда несомненно произошел бы “взрыв интеллекта”, а человеческий разум остался бы позади. Основная идея заключается в том, что машина, которая умнее человека, будет проектировать машины лучше, чем человек» [2, с. 31].

Современную интерпретацию понятия ТС предложил математик и писатель-фантаст Вернон Виндж. В начале 1980 годов он использовал термин «сингулярность» в связи развитием так называемых умных машин: «Мы скоро создадим разум, превосходящий наш собственный. Когда это

произойдет, человеческая история достигнет своего рода сингулярности, интеллектуального перехода, столь же непроницаемого как пространственно-временной узел в центре черной дыры, и мир пойдет далеко за пределы нашего понимания» [3, с. 10]. В последующей статье Виндж расширил свою концепцию и ввел понятие ТС [4].

Значительные достижения в области вычислительной техники и кибернетических технологий в 1980-х годах стимулировали интерес к идее быстрого научно-технического прогресса. Стремительное технологическое развитие подтверждало понимание того, что приближается своего рода тревожный разрыв, когда машинный интеллект становится опасным для человека. Об этом заявлял Ганс Моравец. В книге «Дети Разума» он применил закон Мура против появляющейся робототехники и технологии искусственного интеллекта. Данный закон, названный в честь одного из основателей корпорации Intel Гордона Мура, является результатом наблюдения, согласно которому число транзисторов на кристалле интегральных схем удваивается примерно каждые два года [5, с. 115]. Моравец, сосредоточившись на разработке искусственного интеллекта, пришел к выводу, что в начале XXI века произойдет «пожар разума» в этой сфере [6, с. 62–68]. Считается, что с момента формулирования в 1965 году закон Мура доказал свою точность [7, с. 206–207]. Однако на данный момент не существует единого мнения относительно срока его действия. Есть лишь утверждения исследователей, что невозможно уменьшить размер электронных схем ниже определенного атомного веса [8].

Когда Виндж впервые использовал понятие «сингулярность» в 1993 году в докладе «Приближающаяся технологическая сингулярность: как спастись в постчеловеческую эпоху», было неясно, в какой модальности он применял этот термин: как математик или писатель-фантаст. Однако даже в своих научных исследованиях он ссылается на авторов научной фантастики 1960–1980 годов [4, с. 13].

Истоки возникновения понятия технологической сингулярности

Технический прогресс XIX века, вызванный промышленной революцией, дал импульс развитию философских воззрений о технологическом прогрессе. Понятие «сингулярность» рассматривалось как взаимодействие телеологии и позитивизма, развитие которого происходит в периоды быстрого прогресса. Философы часто изображали исторический процесс как восходящую кривую позитивности, где количество силы и интеллекта увеличивается, когда человеческая история прогрессирует к определенной точке [9, с. 242–243]. Таким образом, сингулярность – это движение к прогрессу через силу и энергию. Один из вопросов здесь – с какой скоростью происходит подобное увеличение силы и как влияет прогресс на человечество. Некоторые исследователи стали изображать скорость прогресса как возрастающее ускорение в математическом смысле и вне антропологического контекста. Именно здесь появляется концептуальное понятие технологической сингулярности.

Наиболее четко выраженным предшественником концепции сингулярности в западной философской мысли является теологический взгляд Гегеля на историю. В «Феноменологии духа» он описывает восхождение истории и культуры к идеалу абсолютного знания.

История человечества прошла несколько этапов технического прогресса: от сельскохозяйственного через индустриальный к нынешнему научно-техническому прогрессу. Но какой будет следующий сдвиг парадигмы и каковы его последствия для человечества?

Модель Р. Курцвейла

Курцвейл считает, что следующий сдвиг парадигмы будет в век информационного создания, который он рассматривает как неизбежное слияние мышления человека с интеллектом небологических существ, создающихся посредством технологических инноваций. Американский футуролог прогнозирует, что сингулярность произойдет в 2048 году, потому что линейная тенденция информационно-техно-

логических инноваций начала достигать «колена кривой» – точки, где становится заметным экспоненциальный тренд. Курцвейл определяет сингулярность как «будущий период, в течение которого темпы технологических изменений будут настолько стремительными, а их воздействие настолько глубоким, что человеческая жизнь будет необратимо преобразована» [10, с. 7]. Согласно его мнению, эффект ТС будет настолько мощным, что исчезнут грани между человеком и машиной, между физическим и виртуальным миром. «Сингулярность позволит нам превзойти эти ограничения наших биологических тел и мозга <...> не будет постсингулярного разграничения между машинами и людьми» [10, с. 9]. Курцвейл утверждает, что прогресс в медицине позволил бы нам постоянно заменять проблемные органы, продлевая жизнь.

Метафизические импликации трансгуманистического видения

Идея ТС претендует на сходство с религиозной эсхатологией. По мнению Дж. Динерштейна, профессора культурологии, прогресс секуляризовал бы концепцию христианского искупления, изобретая идею будущего как своего рода метафизической реальности, где все утопические мечты человечества исполнятся [11, с. 569–595]. ТС претендует на содержательное решение конечной судьбы человеческой личности и всего сущего за пределами этого мира, т. е. в постсингулярном мире.

Такое видение можно сравнить с концепцией Гегеля, который изобразил человечество как инструмент, с помощью которого Абсолют (Абсолютный дух) достиг полного самопознания. Похожим образом Курцвейл убеждает людей в возможности превзойти себя, став постчеловеческими существами, которые приобретут трансцендентные способности. Согласно ему и другим трансгуманистам (например, Н. Бострому), постулирующим неизбежность технологической сингулярности, люди по сути являются органическим мозгом, который со временем сделает возможным появление «богоподобных» существ. Движущей силой истории служит императив: высшая

цель Вселенной – сделать себя полностью осознанной. Для Курцвейла Гегель был прав во многих отношениях, но ошибался в следующем: Альфа не стала Омегой, конечная цель не достигнута и Абсолют еще не стал само-сознательным.

Огромную инаковость еще предстоит пробудить, ассимилировавшись с божественным интеллектом. Если глубинный космический телос смог зародить самосознательное человечество, то тот же самый телос может быть стимулирован технологическими инновациями.

Роль нанотехнологий в дискурсе технологической сингулярности.

Антропологические конфигурации

Современные теоретики ТС утверждают, что экспоненциальный рост искусственного интеллекта, а также развитие конвергентных технологий, обладающих эффектом эмерджентности (нано- и инфотехнологий), откроет момент необратимых изменений для человечества. Нанотехнологии сегодня имеют возможность не только восстанавливать нарушенные функции организма, но и вмешиваться в саму телесность человека. Появляется возможность для создания генетически модифицированных людей. Нанотехнологии стали реальностью, но то, что возможно произвести или достигнуть с их помощью, представляет благодатную почву как для сюжетов технологического рая, так и для отражения чувства экзистенциального страха и ужаса, как, например, в сценариях «серой слизи» конца света. Основатель нанотехнологий Эрик Дрексель ввел термин «серая слизь» в монографии «Двигатели творения» [12]. Он сделал попытку описать экспоненциальную способность самовоспроизводящихся наномашин: «Каждая копия будет создавать новые копии. Таким образом, первый репликатор собирает копию за тысячу секунд, два репликатора создадут еще два за следующие тысячу секунд...» [12, с. 154–154]. Дрексель высказал тревожную гипотезу, согласно которой вышедшие из-под контроля наномашин самовоспроизводятся в геометрической прогрессии, поглощая всю материю на своем пути.

В видениях будущего, когда возможно достигнуть продления жизни с помощью нанотехнологий, человек представляется иным существом, потому что нанотехнологии таким образом вмешиваются в его телесность, что могут трансформировать его непредсказуемо. Колин Милберн отмечает: «...постчеловеческие тела в нанонарративах никогда не бывают стабильными, никогда не идеализируются, никогда не бывают нормативными, не имеют телесных пределов; пределы постчеловеческой телесности также широки, как и нановизуальное воображение. Нановидение нарушает конфигурации человеческого тела, перестраивая тела без привязки к формам, данной природой и культурой. Нановидение – это активный инструмент постчеловеческой инженерии» [13, с. 51].

Хотя Милберн говорит конкретно о нанотехнологиях, можно увидеть сходство и актуальность его рассуждений с дискурсом ТС. Непостижимые явления проявляются через дестабилизацию гендерных норм и тела человека. Фантастические явления показывают то, что может быть следствием ТС для человека.

Согласно утверждениям ученого Джэрома Ланье, сингулярность позволит «оживить» умирающих людей путем загрузки сознания в компьютер, где они продолжают свое существование. Иными словами, он считает, что для продолжения жизни после физической смерти следует отказаться от физических тел и загрузить разум в виртуальную реальность [14]. Развитие нанотехнологий, когнитивных наук, занимающихся разработкой ИИ и созданием моделей человеческого мозга, грозит размытием граней между человеческим и живым нечеловеческим миром, между человеческим сознанием и запрограммированным информационным носителем, а также изменением традиционного понимания смерти. Неудержимый технический прогресс и вмешательство искусственного интеллекта, претендующего на роль субъекта (человека), приводит к антропологической ломке.

Космизм и космические видения трансгуманистов

По мнению теоретиков ТС, эволюция в процессе технического развития непременно приведет к трансформации сознания, кульминацией которой и станет ТС, в результате чего все будет организовано сетью научно-технических знаний, но никто не знает, каким будет постчеловечество. Большинство трансгуманистических видений будущего основано на предвидении некоей формы космического будущего, требующего отказа от идеи человека и человеческого существования в его нынешней форме. Например, трансгуманизм утверждает, что человечество находится на пороге быстрых эволюционных изменений в результате появления новых технологий.

Трансгуманисты отвергают естественные, природные ограничения: «Стремясь к постчеловечеству, мы выступаем за рациональное использование науки и технологий для устранения ограничений продолжительности жизни, интеллекта, личной жизненной свободы и опыта <...> Будущее принесет освобождение от Земли... и место обитания Космоса» [15]. В трансгуманистических представлениях самопроизводящиеся нанотехнологии и самосовершенствующийся машинный интеллект в процессе продолжающейся эволюции стирают грани между органическим и техническим, культурным и физическим. Главный акцент делается на ИИ, сверхразум как движущую силу, имеющий трансцендентные способности. Курцвейл представил идею того, что «разум в конечном итоге наполнит всю Вселенную и решит всю судьбу космоса» [10, с. 263; 16, с. 258–260]. Согласно взглядам американского футуролога и других трансгуманистов, космос пришел к самосознанию через человечество. В конечном итоге люди достигнут такого уровня эволюционного развития, что превзойдут самих себя, создавая модусы сознания и технологии, которые сделают возможной космическую само-реализацию.

Истоки представлений о космическом будущем восходят к философии русского космизма. В конце XIX века сторонники этой школы решали проблему смысла существования че-

ловечества во Вселенной. Основатель религиозного направления русского космизма Н.Ф. Федоров развил идею воскрешения мертвых, которая основывалась на соединении христианской веры во всеобщее воскресение и веры в науку. Важность освоения Космоса для жизни он связывал с идеей бессмертности. Ведь после воскрешения мертвых места на Земле всем не хватит. Федоров верил, что наука достигнет такого уровня развития, что сможет управлять атмосферными процессами.

В трансгуманистическом мировоззрении путь к совершенствованию человечества и преодолению бессмертия никак не связан с идеей духовно-нравственного преображения. В отличие от современного трансгуманистского космизма, русский космизм отличал примат духовно-нравственных идей. Космическое назначение человека основывалось на его ответственности перед мирозданием.

Проблема сознания.

Метафизическая обремененность

В дискурсе ТС вопрос о сознании является одной из самых сложных проблем. Н. Бостром утверждает, что «...мы, в конечном итоге, достигнем точки, когда мозги, занимающиеся исследованием искусственного интеллекта, сами станут искусственным интеллектом. Вопрос в том, будем ли мы по-прежнему жить в человеческом мире, когда ИИ преобладает над нами?» [17]. Он говорит о полной трансформации сознания, когда человеческое сознание нельзя будет отличить от ИИ. Но возможна ли такая трансформация?

Бостром указывает на потенциальные опасности, «ведь постсингулярный мир еще предстоит открыть» [17]. Философ считает, что одним из возможных решений этой проблемы является программирование ИИ информацией о человеческих ценностях. Д. Чалмерс также поднимает вопрос о необходимости внедрять в ИИ ценности: «Потенциальные последствия интеллектуального взрыва заставляют нас серьезно задуматься о ценностях морали и о сознании личности» [18, с. 11].

Ответы на эти вопросы зависят от решения вопроса о том, что такое феномен человеческого

сознания и человеческое «Я». Является ли интеллект источником добродетелей? Ведь человек с высокоразвитым уровнем интеллекта может быть очень жестоким и безнравственным. Что является источником сознания? Несмотря на многочисленные научные исследования мозга, когнитивная наука не может понять природы человеческого сознания и человеческого «Я».

В философской мысли существует несколько концепций «Я» (И. Г. Фихте, Э. Гуссерль, М. Бубер, Ж.П. Сартр и др.). Основоположителем «я-концепции» был И. Фихте. Он понимал человеческое самосознание как первичный метафизический факт, посредством анализа которого можно найти путь к космической тотальности, которая есть Абсолют. Сначала происходит осознание себя, а потом – процесс демаркации и отношения с другими.

Проблема «Я» существует только в сознании человека. «Я» является доминантой в антропологическом построении, разделяющей одушевленный и неодушевленный мир, человеческий и нечеловеческий мир. «Я» выполняет важную функцию в построении онтологической картины мира, демаркации мира на «я» и «другие». Сознание определяет способ человеческого бытия и является одной из важнейших основ развития личности. Феофан Затворник утверждал, что сознание – существенное свойство человека: «Это такое свойство, по коему человек, утверждая свое собственное бытие и бытие вещей вне себя, отличает их от себя, а себя от них, говорит себе – я, а не они, а о тех – они, а не я. Оно получает название самопознания, когда обращается внутрь, к себе исключительно» [19, с. 255]. Метафизическую природу сознания нельзя объяснить эмпирически. Сущность человека не в разуме, а в сознании, которое дано ему как метафизическая привилегия и обремененность. Метафизическая обремененность – это заложенная Богом задача духовного становления. У человека есть свобода и воля. Сознание дано для того, чтобы у него была совесть, чтобы отличать добро от зла, патологию от нормы. Сознание придает смысл происходящему, а значит оно критично по своей природе.

С точки зрения теоретиков ТС, для того чтобы сознание перестало отличать себя от ИИ, необходимо решить вопрос о метафизике личностной идентичности.

Метафизика личностной идентичности

Обсуждение теорий личностной идентичности стало одной из основных тем среди теоретиков ТС (Moore, Parft, Hughes, Kurzweil). Метафизика личностной идентичности в пространственном измерении сводится к вопросу: какую добродетель как неотъемлемое качество «Я» трансформирующийся человек должен сохранить и продолжить с течением времени. Курцвел спрашивает: «Так кто я? Поскольку я все время меняюсь, неужели я всего лишь образец? Что если кто-то копирует этот образец? Я оригинал или копия? Возможно я только материал, как упорядоченный, так и хаотичный набор молекул, из которых состоит мое тело и мозг» [10, с. 383]. Каким образом теоретики ТС решают проблему сознания и личности? Вот, что пишет Бостром: «Реконструкция мозга – это процесс передачи интеллекта от биологического мозга к компьютеру. Один из способов сделать это может состоять в том, чтобы сканировать синаптическую структуру мозга, а затем выполнить те же вычисления на электронном носителе <...> В загружаемом файле может быть виртуальное (смоделированное) тело, те же ощущения и те же возможности, что и немоделированное тело <...> Загрузки не должны быть ограничены виртуальной реальностью и могут взаимодействовать с людьми извне и даже с роботами, чтобы работать и исследовать физическую реальность <...> Преимущества загрузки будут включать: неподверженность биологическому старению; возможность перезагрузки, если что-то случится <...> Для сохранения личности не имеет большого значения, реализованы ли вы на кремниевом чипе внутри компьютера или в этом сером комке внутри вашего черепа» [20, с. 17–18].

Сознание не тождественно интеллекту. То, о чем пишет Бостром, никакого отношения к личности не имеет. Личность не является бестелесной. В традиционном представлении она тождествен-

на мыслящему человеку, у которого есть внутреннее чувство, делающее его способным мечтать и грезить. Мыслить может человек, машина вычисляет. Животное не мыслит, оно реагирует на окружающие раздражители. Человек – это субъективность, рождающая аффект, что не может сделать машина. Понятие личности прежде всего предполагает не биологическую, а ментальную и духовную сущность человека. Личность – это не только мысли, обусловленные практической необходимостью, это еще и внутренний мир, состоящий из иллюзий и воспоминаний.

Метафизический разрыв.

Метафизическая мутация сознания

Метафизический разрыв – это прежде всего разрыв между человеческой сущностью и существованием. Существование человека в современном мире определяется миром техносферы, где на его проблемы существуют технологические решения, которые принимаются зачастую вне контекста духовно-нравственных императивов. Следует отметить, что в современной западной философской мысли, а именно в рамках постфеноменологии (философское направление, появившееся на Западе в 1990-х годах), элиминируется доминирующая роль человека по отношению к технике. Такой подход ведет к утверждению идеи того, что индивид настолько глубоко взаимодействует с техникой, что теряет свою субъективность. Но, как отмечалось выше, сущность человека не в технике и не в научно-техническом прогрессе, а в сознании, которое дано от Бога. В секулярном обществе вера в Бога заменяется рациональностью, верой в науку и технику. Запад уверенно пошел по пути рационализма и прогресса. Обмирщение веры на Западе, о котором в начале прошлого века заявил Ф. Ницше, положило начало метафизическому разрыву. Современный западный человек живет в отрыве от своей сущности. Теоретики трансгуманизма и постгуманизма активно постулируют идею преодоления дихотомии «человеческое и нечеловеческое», в т. ч. между человеческим «Я» и техникой. Эта идея нашла яркое выражение в «Манифесте Киборга» Д. Харауэй, которая в своем эссе предлагает посмотреть на реальность глазами бионического существа, представляющего

собой симбиоз человека и робота [21]. Киборг – это образ существа, в котором стираются грани между человеческим сознанием и технической культурой. Киборги лишены сущности, поскольку они бесконечно трансформируемые конструкции. Один из главных постулатов – это преодоление метафизической дихотомии «природа и техника» в пользу технического, материального единства. У киборгов нет метафизики, это феномен природно-технического гибрида, способного технически проектировать реальность вне всякого контекста человеческого сознания.

Вера в Бога определяет смысл существования. Бог ограничивает нас от самих себя, от саморазрушения. Нет ничего бесконечного, в т. ч. и технократического прогресса. Все имеет свой смысл. Мы сегодня живем в мире, где много прогресса, много событий, но мало смысла. Пустота бессмыслия заполняется техническим. За нас решает ИИ, лишенный целеполагания. Например, в современном мире киберфизические системы могут быть встроены в производственные процессы, а в виртуальной среде они способны отслеживать дигитальное присутствие человека. Современные технологии ИИ создают реальные риски подчинения человеческой воли «умным» технологическим решениям, когда ИИ принимает решения, а индивид их выполняет. Мы добровольно передаем свои функции человеческого субъекта технологиям.

Современные технологии обладают способностью психо-эмоционального и ментального воздействия на человека, навязывая идеалы и ценности, часто не имеющие ничего общего с традиционными моральными ценностями. Технологический комфорт породил проблему духовной деградации и деформации многих духовно-нравственных ценностей, на которых традиционно строились человеческие отношения и понимание жизни. Разрушительный потенциал технологий немецкий философ Г. Йонас метафорически определил как этический тупик, как «освобожденный Прометей» [22, с. 185]. Он отмечал, что современность оказалась неспособ-

ной в должной мере решить вопрос о смысле жизни. Эта проблема имеет антропологические и онтологические корни, современная западная философия перепутала научную и методологическую абстракцию с реальностью.

Господство рационализма в секуляризированной Европе привело к утверждению сциентистского понимания человека. Научно-технический прогресс редуцировал человека к объекту, лишенному онтологической привилегии, данной от Бога. Разум не способен на веру, ибо ему нужны доказательства. Господство разума и рациональности привело к отказу от веры. Мироззрение основано на вере, когда человек уверен в правильности своего миропонимания и адекватности своих действий и устремлений. Если разум способен менять критерии истины, сомневаться, то религиозное сознание лишено таких метаний, потому что существует вера в Бога, который есть истина. Что происходит, когда сознание человека редуцируется к интеллекту в техногенной среде? Тогда техника заменяет реальность, потому что сознание в технике не нуждается, а интеллекту она необходима, т. к. это его среда обитания. Благодаря сознанию мы живем во времени, понимая свою конечность. Бессмертие исключает сингулярность. Как утверждает Ж. Деррида: «Незаменимость дается, доставляется... смертью... В этом смысле смерть обуславливает мою незаменимость, мою сингулярность и мою ответственность. Только смертный может быть ответственным. Смертность представляет собой возможность сингулярности и ответственности...» [23, с. 41]. Для того, чтобы воспринимать реальность глазами киборга (как это предлагает Д. Харауэй), поверить в технологическое бессмертие и постсингулярный мир, необходимо отключить сознание или привести его в состояние метафизической мутации, когда происходит обезличивание.

Выводы

Любые предположения относительно возможности и особенно последствий ТС являются спекулятивными. Научная фантастика дискурсивно опирается на «реальный мир» и научные понятия, которые сами иногда ее

цитируют, чтобы лучше проиллюстрировать свои домыслы. Как сказал бы Ж. Бодрийяр, научная фантастика и собственно сама наука являются «симулякрами третьего порядка» и, следовательно, больше неразличимы [24, с. 26–27].

Трансгуманисты имеют тенденцию рассматривать сингулярность как гипотетическое событие, как онтологический феномен и вне антропологического контекста. Ошибка трансгуманистов, постулирующих идею неизбежности ТС и постсингулярного мира в том, что они претендуют на обладание онтологией жизни, поверив, что человечество может существовать без Бога.

Физик-теоретик Басараб Николеску (Париж) считает, что «экспоненциальное поведение не означает сингулярность с математической точки зрения... Технологическая сингулярность используется как метафора, идейная основа того, что называется трансгуманизмом» [25, с. 45]. Технологический мир, где господствует нечеловеческий разум означает нейтральное общество, лишенное гендерных, социальных и биологических границ. Почему человечество поднимает вопрос о рекурсивном самовоспроизводстве машинного интеллекта? Означает ли это, что индивид настолько стал зависим от технологий, что «добровольно» отдает свои функции субъекта технологии, превращая ее из объекта в феномен «человек–техника»? Если понимать технику как посредника в отношениях человека с окружающим миром, то в рамках такой интерпретации зазор между человеческим и нечеловеческим будет заполняться ИИ, принимающим на себя роль субъекта. Бесконтрольно ускоряющийся технический прогресс ведет не к господству машинного интеллекта как сверхразума, а к тотальному экзистенциальному обесмысливанию и антропологической катастрофе.

Человеческое сознание придает смысл происходящему. Для того, чтобы понимать его, необходимо критически мыслить. Когда сознание человека перестанет критически воспринимать происходящее, тогда зазор между

человеческим и нечеловеческим окончательно заполнится симулятивной культурой. ИИ, который является субъектом в виртуальной реальности, влияет на мировосприятие, превращая все в симуляцию. Такое мировоззрение ведет к тому, что все воспринимается как сплошная

культура. Это обман, являющийся следствием метафизической мутации сознания. Он создал культурный мем – информацию, которая как трансгрессивная сила стремится к репликации и распространению, вступает в борьбу с реальностью за обладание человеческим сознанием.

Список литературы

1. *Ulam S.* John von Neumann 1903–1957 // *Bull. Am. Math. Soc.* 1958. Vol. 64, № 3, pt. 2. P. 1–49.
2. *Good I.J.* Speculation Concerning the First Ultrainelligent Machine // *Adv. Comput.* 1966. Vol. 6. P. 31–88.
3. *Vinge V.* First Word // *Omni.* 1983. Vol. 5, № 4. P. 10–16.
4. *Vinge V.* The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era // *Vision 21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace.* NASA Lewis Research Center, 1993. P. 11–22.
5. *Moore G.E.* Cramming More Components onto Integrated Circuits // *Electronics.* 1965. Vol. 38, № 8. P. 114–117.
6. *Moravec H.* *Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence.* Cambridge: Harvard University Press, 1988. 214 p.
7. *Disco C., van der Meulen B.* *Getting New Technologies Together: Studies in Making Sociotechnical Order.* N.Y.: Walter de Gruyter, 1998. 373 p.
8. *Wu J., Shen Y.-L., Reinhardt K., Szu H., Dong B.* A Nanotechnology Enhancement to Moore’s Law // *Appl. Comput. Intell. Soft Comput.* 2013. Art. № 426962. DOI: [10.1155/2013/426962](https://doi.org/10.1155/2013/426962)
9. *Lovejoy A.O.* *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea.* Cambridge: Harvard University Press, 2005. 408 p.
10. *Kurzweil R.* *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology.* N.Y.: Viking, 2005. 652 p.
11. *Dinerstein J.* Technology and Its Discontents: On the Verge of the Posthuman // *Am. Q.* 2006. Vol. 58, № 3. P. 569–595.
12. *Drexler K.E.* *Engines of Creation.* Garden City: Doubleday, 1986. 298 p.
13. *Milburn C.* *Nanovision: Engineering the Future.* Durham: Duke University Press, 2008. 292 p.
14. *Lanier J.* Jason Lanier on Staying Human. 2010. URL: <http://www.zocalopublicsquare.org/2010/01/26/you-are-not-a-gadget-by-jaron-lanier/books/readings> (дата обращения: 09.05.2022).
15. *More T.* The Extropian Principles 2.5. July 1993. URL: <https://www.aleph.se/Trans/Cultural/Philosophy/princip.html> (дата обращения: 09.05.2022).
16. *Kurzweil R.* *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence.* N.Y.: Viking, 1999. 400 p.
17. *Bostrom N.* On Superintelligence and the Future of AI. 3 December 2019. URL: <https://www.freethink.com/series/uprising/future-of-ai-superintelligence> (дата обращения: 09.05.2022).
18. *Chalmers D.J.* The Singularity: A Philosophical Analysis // *J. Conscious. Stud.* 2010. № 17. P. 7–65.
19. *Феофан Затворник.* Начертание христианского нравоучения. М., 2010. 689 с.
20. *Bostrom N.* The Transhumanist FAQ. A General Introduction. Version 2.1. Oxford: World Transhumanist Association, 2003. 56 p.
21. *Haraway D.* A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s // *Soc. Rev.* 1985. Vol. 5, № 2. P. 65–107.
22. *Jonas H.* *The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age.* Chicago: University of Chicago Press, 1985. 263 p.
23. *Derrida J.* *The Gift of Death.* Chicago: University of Chicago Press, 1995. 115 p.
24. *Baudrillard J.* *Simulacra and Simulation.* Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. 164 p.
25. *Nicolescu B.* Technological Singularity – The Dark Side // *Transdiscipl. J. Eng. Sci.* 2016. Vol. 7. P. 43–48. DOI: [10.22545/2016/00076](https://doi.org/10.22545/2016/00076)

References

1. Ulam S. John von Neumann 1903–1957. *Bull. Am. Math. Soc.*, 1958, vol. 64, no. 3, pt. 2, pp. 1–49.
2. Good I.J. Speculation Concerning the First Ultra-intelligent Machine. *Adv. Comput.*, 1966, vol. 6, pp. 31–88.
3. Vinge V. First Word. *Omni*, 1983, vol. 5, no. 4, pp. 10–16.
4. Vinge V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era. *Vision 21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace*. NASA Lewis Research Center, 1993, pp. 11–22.
5. Moore G.E. Cramming More Components onto Integrated Circuits. *Electronics*, 1965, vol. 38, no. 8, pp. 114–117.
6. Moravec H. *Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence*. Cambridge, 1988. 214 p.
7. Disco C., van der Meulen B. *Getting New Technologies Together: Studies in Making Sociotechnical Order*. New York, 1998. 373 p.
8. Wu J., Shen Y.-L., Reinhardt K., Szu H., Dong B. A Nanotechnology Enhancement to Moore's Law. *Appl. Comput. Intell. Soft Comput.*, 2013, vol. 2013. Art. no. 426962. DOI: [10.1155/2013/426962](https://doi.org/10.1155/2013/426962)
9. Lovejoy A.O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge, 2005. 408 p.
10. Kurzweil R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. New York, 2005. 652 p.
11. Dinerstein J. Technology and Its Discontents: On the Verge of the Posthuman. *Am. Q.*, 2006, vol. 58, no. 3, pp. 569–595.
12. Drexler K.E. *Engines of Creation*. Garden City, 1986. 298 p.
13. Milburn C. *Nanovision: Engineering the Future*. Durham, 2008. 292 p.
14. Lanier J. *Jason Lanier on Staying Human*. 26 January 2010. Available at: <https://www.zocalopublicsquare.org/2010/01/26/you-are-not-a-gadget-by-jaron-lanier/books/readings/> (accessed: 9 May 2022).
15. More T. *The Extropian Principles 2.5*. July 1993. Available at: <https://www.aleph.se/Trans/Cultural/Philosophy/princip.html> (accessed: 9 May 2022).
16. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. New York, 1999. 400 p.
17. Bostrom N. *On Superintelligence and the Future of AI*. 3 December 2019. Available at: <https://www.freethink.com/series/uprising/future-of-ai-superintelligence> (accessed: 9 May 2022).
18. Chalmers D.J. The Singularity: A Philosophical Analysis. *J. Conscious. Stud.*, 2010, no. 17, pp. 7–65.
19. Theophan the Recluse. *Nachertanie khristianskogo nravoucheniya* [An Outline of Christian Morality]. Moscow, 2010. 689 p.
20. Bostrom N. *The Transhumanist FAQ. A General Introduction. Version 2.1*. Oxford, 2003. 56 p.
21. Haraway D. A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. *Soc. Rev.*, 1985, vol. 5, no. 2, pp. 65–107.
22. Jonas H. *The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age*. Chicago, 1985. 263 p.
23. Derrida J. *The Gift of Death*. Chicago, 1995. 115 p.
24. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor, 1994. 164 p.
25. Nicolescu B. Technological Singularity – The Dark Side. *Transdiscipl. J. Eng. Sci.*, 2016, vol. 7, pp. 43–48. DOI: [10.22545/2016/00076](https://doi.org/10.22545/2016/00076)

DOI: 10.37482/2687-1505-V247

Ellen Martin

University of London;

Senate House, Malet St, London, WC1E 7HU, United Kingdom;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931> e-mail: Ellenmrtn@gmail.com

METAPHYSICAL GAP: A CRITICAL ANALYSIS OF THE IDEA OF A TECHNOLOGICAL SINGULARITY

The next stage in the development of human history is often described by futurists and the proponents of transhumanism as a global technological singularity. The main objective of this paper is

to show that the idea of the possibility of a technological singularity is a result of the total dependence of mankind on technology, which caused the metaphysical mutation of consciousness. The article examines the concept of technological singularity, according to which the exponential growth of artificial intelligence and nanotechnologies will usher in a moment of irreversible change for humanity. The paper presents a brief comparative analysis of Russian cosmism and transhumanist cosmic visions. The author investigates transhumanists' views on the metaphysics of personality, consciousness and singularity as well as demonstrates the incoherence of the attempt to reduce the notion of personality to intelligence only. It is argued here that the belief in the possibility of a technological singularity and a postsingular world is largely a result of humankind's total dependence on technology that challenges to transform all aspects of human life. In the face of a growing dependence of mankind on technology, the gap between a human being and technology is being filled by artificial intelligence, which takes on the role of the subject. The idea of an explosion of superintelligence is a consequence of the ongoing global transformation in all spheres of life, when the lines between the real and the virtual worlds are blurred. The author links the emergence of the idea of a technological singularity with a metaphysical break, i.e. a gap between human consciousness as a human essence and existence in the world of the technosphere, where a human being transfers his/her role as a subject to technology. The uncontrollably accelerating technological progress leads not to the dominance of the machine supermind, but to existential meaninglessness and anthropological catastrophe.

Keywords: *artificial intelligence, problem of consciousness, technological singularity, technological progress, transhumanism, transhumanist cosmic visions.*

Поступила 19.09.2022

Принята 05.04.2023

Опубликована 20.04.2023

Received 19 September 2022

Accepted 5 April 2023

Published 20 April 2023

For citation: Martin E. Metaphysical Gap: A Critical Analysis of the Idea of a Technological Singularity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 112–122. DOI: 10.37482/2687-1505-V247

*СУХОМЛИНОВА Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Автор 44 научных публикаций, в т. ч. одной монографии, 8 учебных пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4092-1480>

ДИСКУРС КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖСТИЛЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: СЛУЧАЙ РЕЛИГИОЗНО-ЦЕРКОВНОЙ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рецензия на монографию: Николаев С.Г., Карагодская Ю.С. Взаимодействие религиозно-церковного стиля со смежными сферами: онтология и экспрессология. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южн. федер. ун-та, 2022. 152 с.

Рецензируемая монография посвящена исследованию пространства дискурсов, в которых проявляется взаимодействие между религиозно-церковным стилем и иными коммуникативными сферами: официально-деловой, научной, художественной, публицистической, рекламной. Самодостаточность данного стиля, его обособленность глубинно связаны с взаимодействием между ним и смежными коммуникативными сферами, и данная интеракция реализуется в его сущности и экспрессии. В книге характеризуются онтологические и экспрессологические аспекты взаимодействия между религиозно-церковным стилем и смежными сферами. Выявляются лингвистические предпосылки такого взаимодействия, систематизируются его условия, определяется системная значимость корреляции между различными дискурсами. Устанавливается взаимосвязь онтологии и экспрессии в избранном материале, характеризуются векторы интеграции экспрессивных ресурсов в аспекте их взаимодействия с учетом взаимных притяжения и отталкивания.

Ключевые слова: религиозный дискурс, коммуникативная сфера, функциональный стиль, межстилевое взаимодействие/интеракция, речевая экспрессия, экспрессема, стилема, религиозный концепт.

Стилистика, став разделом общей лингвистики (ее возникновение, становление и развитие в XX столетии связаны с именами таких

выдающихся ученых-филологов, как Ш. Балли (Франция); Г. Штайнталь (Германия); М. Риффатер и С. Чатман (США); В.В. Виноградов,

*Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; e-mail: marinasuhomlinova74@gmail.com

Для цитирования: Сухомлинова М.А. Дискурс как результат межстилевого взаимодействия: случай религиозно-церковной русско- и англоязычной коммуникации // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 123–126. DOI: 10.37482/2687-1505-V246

И.Р. Гальперин, Ю.М. Скребнев, М.Н. Кожина (СССР)), на фоне новых «гибридных» дисциплин – прагма-, социо- и психолингвистики – не только не ослабила своих позиций, но еще и укрепила их. Сохраняя генетическую связь с риторикой, прежде всего античной, стилистика стала естественным образом «нарастать» новыми направлениями, в частности теорией экспрессивных средств выражения, или экспрессологией (Т.Г. Хазагеров). Открытыми, причем совершенно закономерно, по сей день остаются важнейшие вопросы стилистики, и это парадоксальным образом свидетельствует о жизнеспособности и востребованности дисциплины. Так, не существует ясного и полного осознания ряда базовых понятий и терминов стилистики (среди таковых назовем хотя бы троп); не сложилось общепринятого мнения относительно того, что же все-таки представляют собой изобразительность, выразительность, экспрессивность (отчасти и эмотивность) языка и, отдельно, речи; ни качественно, ни количественно не определен реестр функциональных стилей; не существует более или менее внятной иерархии. Среди подобных проблем пребывает и вопрос об активных и, что важнее, продуктивных стилевых взаимодействиях и взаимопроникновениях как функциональных элементах каких-то конкретных, отдельно взятых стилей или, с другой стороны, стиля как лингвистической категории вообще.

Помимо сказанного, на современном этапе развития гуманитарных наук наблюдается повышенный интерес ученых к отдельным явлениям дискурсивного плана, которые определяют и структурно-семантические характеристики дискурса, но также и чисто лингвистические специфики разных типов дискурса. И здесь заметную роль способен сыграть религиозный (в иных терминологиях клирический, церковный, религиозно-церковный) дискурс, чей экстралингвистический вес и философское значение заключаются прежде всего в его нацеленности на формирование ценностных ориентиров отдельной личности и лишь затем – социума. Данный дискурс, с его опорой

на религиозно-церковный стиль речи, сегодня весьма энергично вступает в «дискурсивный диалог», или «диалог дискурсов». А это предполагает межстилевое взаимодействие, проявляемое на уровне отдельного высказывания, текста, коммуникации в целом.

Монография филологов из Ростова-на-Дону С.Г. Николаева (Южный федеральный университет) и Ю.С. Карагодской (Донской технический университет) актуальна сразу в нескольких планах. Возрождение религиозной коммуникации в век информационного взрыва, в контексте ярких перемен в иных, смежных и несмежных коммуникативных практиках усиливает необходимость комплексной характеристики соответствующих дискурсивных пространств с принципиально единых позиций. Актуальность темы исследования плодотворно проявляется при выявлении (в современных условиях) таких диахронически значимых черт двух вовлеченных в исследование русского и английского языков, как значимые следы звательного падежа и аориста в первом; семантические и грамматические архаизмы во втором. Наконец, актуальность подтверждается учетом в монографии самых разнообразных теоретико-лингвистических парадигм, включая, в частности, лингвоперсонологическую: «Определенный тип языковой личности, например, органично соединяющий качества выдающегося ученого естественнонаучной области и религиозного деятеля, намечает особые предпосылки для взаимодействия стилей в коммуникации конкретного лица» (с. 6).

Книга складывается из трех глав, содержательная последовательность которых обнаруживает безошибочную исследовательскую логику. В главе 1 «Взаимодействие со смежными сферами как тенденция развития религиозно-церковного стиля» авторы рассуждают о предпосылках соприкосновения религиозно-церковного стиля со смежными сферами, специфике онтологии и экспрессии в пространстве межстилевого взаимодействия, традиционных и новых линиях названного взаимодействия. Глава 2 «Интеграция экспрессивно-стилистических ресурсов при

взаимодействии религиозно-церковного стиля со смежными сферами» повествует о системных характеристиках сфер коммуникации как носителях взаимодействия и свойствах такого взаимодействия. В главе 3 подробно анализируются опорные (базовые для данного типа дискурса) концепты ЦЕРКОВЬ, МИЛОСЕРДИЕ, ПОДВИЖНИЧЕСТВО, ЧУДО, ПРОРОЧЕСТВО, МОНАШЕСТВО и связи межстилевой интеракции.

Крайне важной выглядит исходная гипотеза, выдвигаемая во вводном разделе книги: «Предположение о том, что самодостаточность религиозно-церковного стиля, его обособленность в ряде жанров глубинно связана с взаимодействием между ним и смежными сферами (прежде всего публицистической); данная интеракция, как можно предполагать, реализуется в его сущности и экспрессии» (с. 10). Отметим очевидное: авторам удастся построить свой труд как логичное, поэтапное доказательство приведенной мысли, с чем в конечном счете связано обеспечение достоверности результатов этого масштабного, подробного, скрупулезного исследования.

Научную достоверность работы подкрепляет ее объяснительная сила, которая опирается, в частности, на новые понятия – пока рабочие, «пробные», но уже несущие в себе все возможности вхождения в научный обиход. Связь между способностью экспрессемы представить природу и сущность межстилевого взаимодействия как активного стилистического процесса позволила авторам поставить вопрос о правомерности понятия онтоэкспрессемы. Выявленная при анализе дискурса (и текста) растущая роль стилем, принадлежащих иным коммуникативным сферам, приводит к разработке и введению в оборот еще одного нового понятия – «иностилема». При чтении книги появление подобных номинаций воспринимается как уместный способ выразить актуальные дискурсивные закономерности, до сих пор ускользавшие от внимания лингвистов, теоретиков дискурса, филологов.

В монографии на конкретных текстовых примерах (в большинстве случаев фрагментах

текстов) показано, как в семантическом составе релевантных духовных концептов сопрягаются лексико-семантические варианты, относимые к двум сферам: религиозной и, с другой стороны, иной, смежной, часто публицистической, но также официально-деловой, научной, художественной, рекламной. Таким образом, системность стилистического развития дискурса коррелирует с системностью семантической. В этом плане достоверность идей покреплена лексикографическими данными: их специфическую «двуязычную» (русско-английскую) конфигурацию авторы вводят в оборот впервые. Важно, что данные, извлеченные из словарей русского и английского языков, используются при анализе практически всего объема материала (а это около тысячи дискурсивных фрагментов).

Выскажем и критическое замечание к содержанию книги – впрочем, замечание вполне субъективное, рекомендательное и не отменяющее ее очевидных положительных сторон. По нашему мнению, корреляция между стилем и сферой – в том виде, в каком они представлены в работе, – нуждается в специальной оговорке, по возможности подробной и исчерпывающей. Особо желательно было бы прояснить для читателя меру их (стиля и сферы) родовидовой интерпретации. Ведь, судя по существующей исследовательской практике, оба эти термина используются в достоверно разных, а порой и различных смыслах. Отсюда возникает вопрос: бывает ли стиль частным случаем сферы, ее видовой разновидностью? И что имеют в виду те ученые, которые, напротив, допускают манифестацию нескольких сфер в рамках одного стиля? При этом отметим, что именование «сфера» используется в исследовании вполне корректно и адекватно номинируемому объекту.

Заклучим рецензию характеристикой значимости результатов монографии для практики. Наиболее важными в данном случае представляются дидактический и лексикографический аспекты. Мы убеждены, что отдельные разделы и материалы исследования применимы, например, в курсах общей и религиозной риторики. Как справедливо замечают С.Г. Николаев и

Ю.С. Карагодская, дидактический потенциал религиозного текста в последнее время резко расширяется, распространяясь и на систему обучения иностранным языкам в отечественных университетах. Тем более интересным и полезным может оказаться использование указанных материалов именно с точки зрения межстилевого взаимодействия. Эти же материалы способны послужить надежной, неоспоримой предпосыл-

кой и отправной точкой к созданию (пока в виде проекта) словаря нового типа, в котором опорными объектами толкования и интерпретации станут отдельные коммуникативные кванты – носители такого взаимодействия. Не исключаем возможности и даже предпочтительности «гибкого» формата такого лексикографического продукта, электронного, предполагающего постоянную ревизию и обновление его содержания.

DOI: 10.37482/2687-1505-V246

Marina A. Sukhomlinova

Southern Federal University;
ul. Bol'shaya Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4092-1480> e-mail: marinasuhomlinova74@gmail.com

**DISCOURSE AS A RESULT OF INTER-STYLE INTERACTIONS:
A CASE OF RELIGIOUS AND ECCLESIASTICAL
RUSSIAN- AND ENGLISH-LANGUAGE COMMUNICATION**

Review of the monograph: Nikolaev S.G., Karagodskaya Yu.S. *Interaction of the Religious and Ecclesiastical Style with Related Spheres: Ontology and Expressology*. Rostov-on-Don, 2022. 152 p. (in Russ.).

The reviewed monograph studies the space of discourses reflecting the interaction of the religious and ecclesiastical style with other communicative spheres: official, scientific, literary, journalistic, and advertising. The self-sufficiency of the religious and ecclesiastical style and its isolation are deeply connected with its interaction with related communicative spheres; this interaction is realized in the style's essence and expression. In the book, the ontological and expressological aspects of this interaction are described, its linguistic prerequisites are identified, its conditions are systematized, and the systemic significance of the correlation between various discourses is determined. Moreover, the interrelation between ontology and expression in the selected material is established and the vectors of integration of expressive resources in terms of their interaction are characterized, taking into account mutual attraction and repulsion.

Keywords: *religious discourse, communicative sphere, functional style, inter-style interaction, speech expression, expresseme, stylistic unit, religious concept.*

Поступила 23.01.2023
Принята 10.03.2023
Опубликована 04.04.2023

Received 23 January 2023
Accepted 10 March 2023
Published 4 April 2023

For citation: Sukhomlinova M.A. Discourse as a Result of Inter-Style Interactions: A Case of Religious and Ecclesiastical Russian- and English-Language Communication. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 123–126. DOI: 10.37482/2687-1505-V246

УДК [94(470)+94(477)+94(73)]:327

DOI: 10.37482/2687-1505-V253

ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 640 научных публикаций, в т. ч. 30 монографий (4 – в соавт.) и 6 учебных пособий (3 – в соавт.)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>*

УКРАИНА, РОССИЯ, ЕВРОСОЮЗ И США: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД УРОКАМИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКОЙ

Рецензия на книгу: Галин В.Ю. Кто продал Украину. Политэкономия независимости. М.: Алисторус, 2022. 256 с.

В статье дается обзор книги, раскрывающей сложные проблемы глубокого кризиса на Украине и вокруг этой страны, который приобрел общемировой характер. Рассматриваются истоки и причины данного кризиса, его значение для современной геополитики. Анализируются экономические и социально-политические процессы, происходившие на Украине в течение последних десятилетий, характеризуются исторические вехи ее отношений с Россией и современность. Выявляются роль США и стран Евросоюза в обострении сложившейся конфронтации, их интересы на Украине и причины поддержки украинского режима, оказания помощи в военных действиях. Показывается опасность дальнейшей эскалации напряженности и военных действий на Украине для судеб человеческой цивилизации.

Ключевые слова: геополитика, международные отношения, уроки истории, кризис, конфронтация, эскалация напряженности, Украина, Россия, Евросоюз, США.

Человечество переживает сегодня глубочайший кризис в международных отношениях после окончания Второй мировой войны. В заголовках статей и книг тревожно звучала тема Третьей мировой войны, накануне кото-

рой находится человечество, а некоторые авторы даже утверждают, что эта война уже началась. В центре вышеупомянутого кризиса оказалась Украина, но происходящие в наши дни события теснейшим образом связаны со

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Для цитирования: Голдин В.И. Украина, Россия, Евросоюз и США: размышления над уроками истории и современной геополитикой // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 127–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V253

странами, названными в заголовке данной статьи, и Евросоюзом (ЕС).

Разобраться в сложившейся сегодня вокруг Украины ситуации пытаются многие российские и зарубежные аналитики. Предметом рассмотрения в этой статье будет вышедшая в конце 2022 года книга известного московского ученого, уроженца Архангельска В.Ю. Галина. Автор назвал ее «Политэкономия незалежности», и для ученого она является частью его многотомной серии под названием «Политэкономия истории» и задумывалась как одна из глав очередного тома, посвященного политэкономическому анализу перспектив XXI века. Но острота и значение происходящих на Украине событий обусловили публикацию этого исследования отдельной книгой. Издательство с целью рекламы дало ей второе название, и книга превратилась в бестселлер. Думается, что она будет интересна всем, кто пытается разобраться в украинском конфликте, его причинах и корнях.

Начнем с того, что это издание носит, по существу, междисциплинарный характер, ибо в нем переплетаются история, политика и экономика. Книга начинается с характеристики Украины в 1991 году, когда по своей экономической мощи она превосходила все постсоветские страны и государства Восточной Европы (кроме России). Будущее страны казалось безоблачным, а ее первый президент, в прошлом видный партийный функционер Л.М. Кравчук заявлял, что через 10 лет Украина станет самой богатой страной Европы, новой Францией (с. 6). Но данный прогноз не сбывся, а в 2004 году уже президент В.А. Ющенко пророчил догнать, но не Францию, а только Польшу через 10 лет (с. 8). Но вместо этого к 2016 году Украина оказалась по уровню доходов на душу населения на последнем месте в Европе (вместе с Молдавией), отставая от Польши в 6 раз (с. 11). А в дальнейшем падение продолжалось.

В книге подробно с обилием графиков и статистической информации исследуются причины произошедшего: 1) потеря обширного рынка после распада Союза Советских Социалистических Республик (СССР); 2) свертывание торгово-эко-

номических связей с Россией, куда Украина только и могла поставлять свою промышленную и высокотехнологичную продукцию с высокой добавленной стоимостью; 3) переход на мировые цены на газ и газовые войны с Россией, в результате чего последняя диверсифицировала поставки в Европу, сокращая транзит через Украину и ее доходы; 4) формирование олигархического капитала, подмявшего под себя государственную власть, и офшоризация экономики; 5) колоссальная коррупция и стремительный рост социального неравенства и др.

В результате Украина быстро превращалась из индустриальной страны в аграрную, в сырьевой придаток, а, с другой стороны, стремительно рос ее государственный долг и, балансируя на грани дефолта, она села на кредитную иглу Международного валютного фонда, потеряла экономическую независимость, была вынуждена заложить свой последний ресурс – земли (Закон об обороте земли сельскохозяйственного назначения, 2020 год), и, как замечает автор, «осталось заложить только самих украинцев» (с. 58), что, по сути дела, и произошло в дальнейшем. На Украине все более обострялась политическая борьба.

В этих условиях восторжествовала стратегия удержания власти правящим режимом любой ценой, в т. ч. посредством пропаганды радикального национализма, поиска внешнего врага, сеяния ненависти к России и насильственной украинизации русских, живших на Украине.

Прежде чем перейти к рассмотрению в рецензируемой книге этих проблем, обратим внимание, что в ней дан подробный экскурс в историю, начиная с XVII века, когда в условиях внутренней междоусобицы и, находясь между воюющими Польшей, Турцией и Россией, Младороссия при Богдане Хмельницком вошла с широкой автономией в состав России. Далее анализируется, как на эти территории влияли ее войны с Турцией, Крымским ханством и Польшей, последствия трех разделов последней, объединение Германии и создание под ее эгидой Тройственного союза (а в годы Первой мировой войны – Четверного союза),

разжигание немцами украинского сепаратизма и др. Описаны в книге и сложнейшие события революции на Украине 1917 года, провозглашения независимости, Гражданской войны и интервенции (германской, польской, Антанты), смены властей, вхождения Западной Украины в состав Польши по условиям Рижского мира и воссоединение частей в составе СССР в 1939 году, а затем планы и действия Гитлера на Украине и др.

В книге обстоятельно рассматривается процесс принудительной украинизации русского населения, проживающего на территории данной страны, ее так называемого склеивания и создания мононационального государства посредством вытеснения русского языка, закрытия русских школ, перевода обучения в вузах на украинский язык, что было призвано и кардинально изменить культуру страны, а также переписывания истории, стирания прежней исторической памяти, насаждения националистических мифов с целью разжигания крайнего национализма и культивирования ненависти ко всему русскому. Показывается, как этот процесс шел по этапам, начиная с книги президента Л.Д. Кучмы «Украина – не Россия» и кончая героизацией Бандеры и Организации украинских националистов – Украинской повстанческой армии, развитием украинского радикального национализма.

В книге подробно раскрываются истоки и причины Евромайдана, последовательность шагов по развитию отношений с ЕС и противоречия на этом пути, надежды и реалии, связанные с осуществлением украинской «европейской мечты», а также попытки присоединения к Организации Североатлантического договора (НАТО). В конечном итоге результатом Евромайдана 2014 года, организованным при всемерной поддержке США и стран ЕС, стал государственный переворот на Украине с очень разными по-

следствиями: вступление в ассоциацию с ЕС, разгул национализма и политического экстремизма, главенство идеологии радикализованного национализма, раскол страны, подавление инакомыслящих, попытки и провал силового распространения нового режима на Крым и Донбасс, решение Верховного Совета Крыма и референдум, которые привели к присоединению этой территории к России, обострение конфронтации между странами, референдумы с принятием решений о самоопределении в Донецкой и Луганской областях, а также попытка вооруженного подавления «сепаратистов», которая привела к началу гражданской войны в регионе.

Автор замечает, что Москва могла тогда повторить крымский сценарий с вводом войск, при котором Луганская и Донецкая области получили бы независимость от Киева, но, желая сохранить с Украиной мирные отношения, не пошла дальше поддержки их требований об автономии в составе украинского государства. Киев, подписав Минские соглашения, фактически согласился с этим, но не собирался их выполнять, а пошел на эскалацию конфликта. Не собирались выполнять упомянутые соглашения и их западные гаранты, а сегодня бывший канцлер Федеративной Республики Германии А. Меркель и бывший президент Франции Ф. Олланд откровенно признаются, что хотели только «дать Украине время», которое использовалось для укрепления украинской армии¹.

Рассматриваются в книге и социально-экономические последствия Евромайдана. Только за период 2016–2018 годов Украина потеряла 20 % своего промышленного производства в результате разрыва экономических отношений с Россией. Надежды на наращивание экспорта промышленной и сельскохозяйственной продукции в Европу провалились, росли долги и безработица. В 2021 году Украина стала самой бедной

¹Меркель. Да, мы обманули Путина с Минскими соглашениями, чтобы выиграть время // Информ. агентство EADaily. 8 дек. 2022 года. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/12/08/merkel-da-my-obmanuli-putina-s-minskimi-soglasheniyami-chtoby-vyigrat-vremya>; (дата обращения 22.01.2023). Олланд заявил, что Минские соглашения позволили укрепить ВСУ // Сайт РБК.ru. 30 дек. 2022 года. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/12/2022/63aefc2d9a79471892911962>. (дата обращения 22.01.2023)

страной Европы. При стремительно деградирующей экономике 60 % населения Украины оказались за чертой бедности (с. 98). Правда, введение безвизового режима с ЕС привело к оттоку рабочей силы, и доходы от переводов украинских гастарбайтеров, по оценке автора книги, с 2017 года стали в 2 раза больше, чем доходы от экспорта товаров и услуг (с. 67), хотя и сократились в условиях пандемии.

В книге раскрывается процесс подготовки Киева к большой войне, ибо только разжигание внешней угрозы, формирование образа врага и развязывание войны, как объединяющей обществу, могли спасти режим, находящийся на грани банкротства, и деградирующую экономику, но только при условии западной помощи. По доле военных расходов в валовом внутреннем продукте Украина находилась в 2020 году на втором месте в мире. Победа на президентских выборах в США Байдена, который, как отмечает автор, курировал украинское направление и продвигал «украинские реформы», усилила конфронтацию с Россией и обострила ситуацию на линии фронта в Донбассе.

В рецензируемой книге анализируется комплекс причин, которые привели к российской спецоперации на Украине, среди них были не только действия Киева, но и нежелание США и НАТО подписать с Россией договоры по гарантиям безопасности, отказавшись от дальнейшего расширения НАТО на Восток и включения Украины в свой состав. Ход спецоперации в исследовании не анализируется, и автор замечает лишь, что в ней не используются американские военные методики массированных бомбардировок, полного уничтожения коммуникационных и энергетических систем.

Украина оказалась главным проигравшим в сложившейся ситуации, но правящий режим готов, по требованию США и НАТО, воевать до последнего украинца, ибо страна фактически содержится Западом, который направляет огромные средства на ведение боевых действий. Вопрос лишь в том, сколько это может продолжаться. Украину приняли кандидатом в ЕС, но без всяких шансов стать его членом, и автор

видит в сложившейся ситуации две причины: цивилизационную и экономическую. Вместе с тем украинское руководство надеется на вступление в ЕС. В книге указывается, что в 2022 году государственные деятели Украины просили на реконструкцию страны от 600 млрд до триллиона долларов, и, замечает В.Ю. Галин, «именно в расчете на получение этих денег, своими элитами Украина была буквально продана Западу» (с. 133). Но, согласимся с автором, что таких денег у ЕС просто нет, а полноценное членство Киева обернулось бы для этой организации финансовой катастрофой (с. 135).

США характеризуются в книге как главный бенефициар происходящего на Украине. При этом автор подробно рассматривает, как наиболее масштабные войны в Европе (Наполеоновские, Первая и Вторая мировая) способствовали обогащению США и укреплению их могущества в мире.

В рецензируемом исследовании подробно анализируется цели и интересы США в войне на Украине: восстановление лидирующих позиций этой страны в мире, ослабление России посредством войн на истощение, свертывание торгово-экономических отношений ЕС и Германии с Россией, ослабление экономических и политических позиций Европы, ЕС и Германии, подчинение их экономики и политики интересам США и НАТО, завоевание европейского энергетического рынка посредством вытеснения с него России, получение новых заказов для американской экономики и военно-промышленного комплекса и тем самым оживление экономической активности в стране, укрепление позиций доллара на мировой арене и др. И надо признать, что часть из этих задач американцам удалось выполнить, поэтому они не стремятся к прекращению войны, а, наоборот, поставками оружия, образно говоря, подбрасывают дров в костер, исповедуя к тому же любимый принцип: воевать чужими руками.

Кроме того, успех США и Запада в этой войне призван стать предупреждением для Китайской Народной Республики (КНР), отношения которой с США резко обострились в последние

годы, что вылилось в торговые войны двух стран и конфликт вокруг Тайваня. КНР ставит задачу стать экономическим и научно-технологическим лидером мира, имеет огромный положительный баланс в торговле с США, а последние не могут представить себя в роли державы № 2 и отказаться от претензий на мировое лидерство.

А вот ЕС в сложившейся ситуации явно теряет позиции, ибо антироссийские санкции бумерангом ударили по странам этой организации, привели к рецессии, массовой безработице, банкротству сотен тысяч предприятий, бег-

ству капиталов и производств, падению уровня и качества жизни европейцев, нарастанию конфликтов между странами ЕС, ослаблению его политических и экономических позиций.

Подводя итоги исследования, автор замечает: «Конфликт на Украине – это лишь пена на гребне, достигающей своего пика волны кризиса современной цивилизации, способной похоронить ее полностью». А война «до победного конца» грозит «не фукуямовским, а реальным концом истории...» (с. 192). Нельзя не согласиться с этим утверждением.

DOI: 10.37482/2687-1505-V253

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267> e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

UKRAINE, RUSSIA, THE EUROPEAN UNION AND THE USA: REFLECTIONS ON THE LESSONS OF HISTORY AND MODERN GEOPOLITICS

Review of the book: Galin V.Yu. *Who Sold Out Ukraine. The Political Economy of Ukrainian Independence*. Moscow, 2022. 256 p. (in Russ.).

This article presents a review of the book that dwells on the complicated problems of the deep crisis in Ukraine and around this country, which has become global. The book considers the origins and reasons for this crisis and its significance for contemporary geopolitics. It analyses the economic and sociopolitical processes in Ukraine over the last decades as well as characterizes the historical milestones of its relations with Russia and the present situation. The author of the book demonstrates the role of the United States and countries of the European Union in aggravating the current confrontation, as well as their interests in Ukraine and reasons for supporting the Ukrainian regime and assisting in military operations. In addition, the book emphasizes the danger of further escalation of tension and military actions in Ukraine for the human civilization.

Keywords: geopolitics, international relations, lessons of history, crisis, confrontation, escalation of tension, Ukraine, Russia, European Union, USA.

Поступила 28.01.2023
Принята 10.03.2023
Опубликована 04.04.2023

Received 28 January 2023
Accepted 10 March 2023
Published 4 April 2023

For citation: Goldin V.I. Ukraine, Russia, the European Union and the USA: Reflections on the Lessons of History and Modern Geopolitics. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 127–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V253

УДК 378.14

DOI: 10.37482/2687-1505-V256

МАРЬЯНЧИК Виктория Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 70 научных публикаций, в т. ч. четырех монографий, трех учебных пособий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767>

ПОПОВА Лариса Владиславовна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 80 научных публикаций, в т. ч. четырех монографий (две в соавторстве), одного учебного пособия**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787>

ШЕСТАКОВА Татьяна Энгельсовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 20 научных публикаций, в т. ч. двух учебных пособий***

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6578-9175>

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВУЗОВ», АРХАНГЕЛЬСК, САФУ, 13–14 февраля 2023 года

Представлена хроника международной научно-практической конференции «Филологическое образование в условиях взаимодействия вузов», посвященной вопросам сетевого сотрудничества университетов, реализующих образовательные программы по филологии и лингвистике. Продемонстрирован опыт проектирования и реализации сетевых образовательных программ; подчеркнута важность обмена знаниями и опытом как фактора развития форм взаимодействия в сфере высшего образования. Представлен анализ современных практик межвузовского взаимодействия. Определены ключевые проблемы реализации различных форм и моделей сетевого взаимодействия.

Ключевые слова: САФУ имени М.В. Ломоносова, научно-практическая конференция, филологическое образование, сетевые программы, программы двух дипломов.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: v.marjanchik@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: l.v.popova@narfu.ru

***Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: t.shestakova@narfu.ru

Для цитирования: Марьянчик В.А., Попова Л.В., Шестакова Т.Э. Международная научно-практическая конференция «Филологическое образование в условиях взаимодействия вузов», Архангельск, САФУ, 13–14 февраля 2023 года // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 132–137. DOI: 10.37482/2687-1505-V256

Состоявшаяся 13–14 февраля 2023 года в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова (САФУ) международная научно-практическая конференция «Филологическое образование в условиях взаимодействия вузов» носила особый характер. Во-первых, она приурочена к празднованию 90-летия высшего педагогического образования в Архангельске, а во-вторых, тема этой конференции была обусловлена необходимостью обсуждения практических и теоретических вопросов, связанных с реализацией различных форм взаимодействия вузов в сфере образования. Практическая направленность конференции отразилась в заявленных темах докладов. Организаторами конференции выступили кафедра русского языка и речевой культуры Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации (ВШСГНиМК) и управление международного сотрудничества САФУ.

Заявки на участие в конференции прислали около 40 ученых, преподавателей и аспирантов из России (Архангельск, Санкт-Петербург, Псков, Череповец), а также ближнего (Республики Беларусь, Казахстан, Узбекистан) и дальнего (Китай, Тайвань) зарубежья. Большинство участников имеют практический опыт в области сетевого взаимодействия, в т. ч. с зарубежными вузами-партнерами.

Целью конференции был анализ современного состояния, противоречий и «точек роста», актуальных тенденций в части сетевого сотрудничества российских вузов с различными партнерами и выработка подходов к проектированию и реализации сетевых программ.

С приветственным словом к участникам обратились проректор по информационной политике, международному и межрегиональному сотрудничеству САФУ К.С. Зайков и директор ВШСГНиМК А.В. Макулин. Докладчики подчеркнули перспективность филологического и педагогического направлений для развития сетевого взаимодействия, целесообразность научной дискуссии по основным проблемам реализации сетевых программ, а также большое значение конференции для установления отношений между САФУ и вузами-партнерами.

Первое пленарное заседание открыл доклад заместителя проректора по информационной

политике, международному и межрегиональному сотрудничеству САФУ Л.А. Зарубиной «Международные программы как эффективный инструмент интернационализации университета». Она подчеркнула, что сегодня во внешней политике дипломатия знаний играет большую роль, чем экономическая дипломатия. В докладе были охарактеризованы международные программы, указаны их основные эффекты, представлен «портфель» международных программ САФУ. Особо отмечены условия и трудности создания подобных программ.

В докладе Л.В. Поповой были представлены основные принципы разработки и реализации программы двух дипломов 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа «Преподавание русского языка и литературы», которая реализуется САФУ совместно с Южно-Казахстанским государственным педагогическим университетом (г. Шымкент, Республика Казахстан). Среди принципов открытия программы названы особые требования к вузу-партнеру, востребованность программы на рынке труда регионов, привлекательность для студентов, информационная и цифровая поддержка. Докладчик указала на важные моменты в разработке программ двух дипломов: анализ законодательства, стандартов, учебных планов и институциональной культуры вузов-партнеров; четкое сопряжение результатов и др. Была подчеркнута важность принципа студентоориентированного обучения.

Опыт обучения китайских студентов в рамках реализации совместных международных образовательных программ представлен в онлайн-докладе Е.Н. Полуян, декана филологического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Республика Беларусь). В докладе был отражен богатый опыт данного университета в области международного сотрудничества (около 170 соглашений о сотрудничестве с зарубежными учреждениями высшего образования из более чем 30 стран мира). Представлены различные модели сотрудничества, в частности совместные программы с Шанхайским университетом «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы. Специалист по компьютерной фило-

логии». Опыт белорусских коллег вызвал большой интерес у слушателей.

Уникальный опыт создания и реализации магистерской программы двух дипломов 45.04.01 Филология, «Литературная компаративистика: франко-русские литературные отношения» (САФУ – Университет Верхнего Эльзаса, Франция) был представлен руководителем данной программы Н.И. Тарасовой. В докладе подчеркивалась важность межличностного партнерского диалога при запуске и продвижении совместных программ.

Авторы-разработчики особого кейса – виртуального модуля DLL (Deutsch Lehren Lernen) Л.Ю. Щицицина и Е.В. Костеневич в совместном докладе представили основные принципы его создания и реализации в рамках сетевой магистерской программы. Модуль направлен на подготовку, переподготовку и повышение квалификации учителей и преподавателей немецкого языка; он опирается на инновационный подход, практико-ориентированное обучение, работу с тьютором и обязательную рефлексию. Мониторинг качества осуществляет Гете-Институт. Докладчики перечислили преимущества данного модуля для студентов и преподавателей.

Заведующая кафедрой русского языка и речевой культуры САФУ Т.Э. Шестакова рассказала об опыте взаимодействия кафедры с другими образовательными организациями и о разных формах сотрудничества. Докладчик подчеркнула ценность первого опыта взаимодействия с вузом-партнером – проектирования программы с учетом специализации «Польский язык и литература» и осуществления образовательного процесса совместно с Познаньским университетом Адама Мицкевича (Польша). Были представлены разные формы и модели сотрудничества кафедры с университетами: учебный курс «Русский язык как иностранный», реализуемый в рамках сетевой программы «Russian Studies»; учебно-методическое сопровождение летних и зимних школ русского языка; онлайн-курс «Разговоры на русском» для студентов факультета русского языка и литературы Тамканского университета (Тайвань); совместная с Череповецким государственным университетом магистерская

программа «Филологическое образование в поликультурном пространстве»; международная магистерская программа двух дипломов «Преподавание русского языка и литературы», реализуемая совместно с Южно-Казахстанским государственным педагогическим университетом (г. Шымкент, Республика Казахстан).

Второе пленарное заседание началось с доклада начальника отдела развития образовательных программ САФУ Е.Е. Ивановой «Подходы к разработке международных образовательных программ: опыт САФУ имени М.В. Ломоносова». Были отмечены ключевые этапы в разработке международных сетевых программ: сопряжение образовательных программ, определение механизмов организации обучения, обсуждение деталей заключения договора. В качестве примеров рассматривались актуальные на сегодняшний день для САФУ вопросы, например специфика сотрудничества с Юйлинским университетом (Китай), заключающаяся в необходимости выезда преподавателей за рубеж для проведения аудиторных занятий при реализации образовательной программы.

Профессор М.В. Дружинина предложила слушателям ретроспективный взгляд на академическое взаимодействие САФУ с Китаем (с 2013 года по настоящее время). Докладчик прокомментировала основные модули международной программы магистратуры «Профессиональная коммуникация в евразийском контексте»; отметила прикладной характер научных исследований, в фокусе которых была деловая культура Европы и Азии; проанализировала эффекты реализации магистерской программы, основными из которых стали популяризация китаеведения в университете и развитие академической мобильности. Также М.В. Дружинина поблагодарила китайского лектора Сун Янань за помощь в организации диалога с коллегами из Китая и сообщила о подписании рамочного договора с Шаньдунским педагогическим университетом, что открывает перспективу создания программы двойного диплома.

Заведующая кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью О.Н. Вотинцева рассказала о том, что с 2014 года в САФУ реализуется сетевая программа по направлению подготовки 42.03.01 Реклама и свя-

зи с общественностью. Участниками сети стали Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Амосова и Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Выступающая поделилась трудностями реализации сетевой программы, но также отметила и академические выгоды подобных программ для студентов. Уникальный опыт Архангельска в сфере геобрендинга, которым САФУ делился со своими сетевыми партнерами в рамках обменных модулей, повышает академический потенциал и сетевую привлекательность нашего университета. В то же время студенты САФУ, изучая опыт партнеров, получают возможность покрыть образовательные и прикладные дефициты, например в сфере социального пиара, работы различных некоммерческих организаций и др. Отдельно были рассмотрены вопросы, связанные с оптимизацией каналов продвижения образовательной программы в сети Интернет. Докладчик также поделилась перспективами реализации пилотного сетевого модуля «вуз-предприятие».

В докладе Е.И. Воробьевой «Проектирование международной программы магистратуры на основе результатов обучения (Learning Outcomes)» отстаивалась идея о том, что процесс проектирования международных программ – это не заимствование, а сопряжение подходов, заложенных Болонским процессом, с одной стороны, и национальных требований, стандартов – с другой. В презентации слушатели увидели список включенных в работу документов: Федеральный государственный образовательный стандарт, Европейские и Национальные рамки квалификаций и др. Была подчеркнута важность соотнесения результатов, образовательных технологий и инструментов контроля в процессе проектирования образовательной программы; проанализированы сложности компрессии и создания формулировок образовательных результатов. Программа, представленная в докладе, прошла международную аккредитацию на 6 лет.

Докладчик из Псковского государственного университета И.В. Мотеюнайте (ПсковГУ) выступила с онлайн-докладом «Сетевая программа

“Русская филология и коммуникативные практики” (с зарубежным вузом / производственным партнером)». Как руководитель программы, она рассказала о попытке организовать в 2018 году сетевое сотрудничество с польским университетом, осветила юридические сложности заключения договора с зарубежным вузом. В докладе были раскрыты причины перехода к другой форме сетевого образования – «вуз-предприятие». И.В. Мотеюнайте подробно остановилась на содержании программы, на взаимодействии с сетевым партнером в условиях заочного обучения, на проведении итоговой аттестации магистрантов ПсковГУ в форме портфолио. Опыт российского вуза вызвал живой интерес у участников.

Во второй день конференции состоялись секционные заседания, которые прошли в атмосфере научной дискуссии и активного взаимодействия докладчиков и слушателей.

На секции «Проектирование и реализация образовательных программ магистратуры в условиях взаимодействия с российскими и зарубежными вузами» были представлены доклады преподавателей САФУ: М.Ю. Елеповой «Международная сетевая магистерская программа двух дипломов “Литературная компаративистика: франко-русские литературные отношения”: специфика учебного процесса и содержательный аспект магистерских диссертаций», Н.А. Петровой «Лингвокультурологическая составляющая в международной сетевой программе “Преподавание русского языка и литературы”», Е.Ю. Ваенской «Особенности реализации историко-литературных дисциплин в магистерской программе двух дипломов “Преподавание русского языка и литературы”». Докладчики поделились опытом реализации филологических дисциплин в сетевых программах двух дипломов, подходами к отбору содержания дисциплин, в т. ч. и с учетом лингвокультурологического аспекта. Актуальный материал для разработчиков сетевых программ был представлен в выступлении заместителя начальника управления организации образовательной деятельности САФУ Е.А. Аксеновской «Особенности нормативного регулирования сетевой формы реализации образовательных программ в РФ». В сообщении Сун Янань (Ки-

тай) «Проектирование образовательных программ бакалавриата и магистратуры в условиях взаимодействия с российскими и китайскими вузами» была освещена история академического сотрудничества Китая и России. Было отмечено, что программы по лингвистике входят в число распространенных сетевых программ бакалавриата в Китае. Докладчик продемонстрировала различные схемы организации обучения по совместным программам Китая и России.

На секции «Образовательные технологии в филологическом образовании в условиях взаимодействия с вузами-партнерами» были представлены взгляды на сетевое сотрудничество с разных позиций. Так, в докладе В.А. Марьянчик были рассмотрены дистанционные курсы с партнерами САФУ как база практической подготовки бакалавров-педагогов, как источник материала и идей для их научно-исследовательской работы. Н.С. Гришина (Санкт-Петербург) в сообщении «Повышение уровня взаимодействия в сфере высшего и дополнительного профессионального образования России и Китая в новую эпоху через использование современных коммуникативных инструментов в китайской информационной среде» поделилась с участниками конференции информацией о китайских платформах, на которых российские университеты могут размещать свои аккаунты для эффективной рекламы и оптимизации международного взаимодействия в сфере высшего и дополнительного профессионального образования.

Г.В. Аверкиева провела для аудитории мастер-класс «Современные тенденции оценивания учебных достижений студентов вуза», показав новые инструменты оценки и контроля, которые можно использовать при реализации различных дисциплин сетевых программ. Выступление Е.В. Костеневич и М.Л. Соколовой познакомило участников с опытом международной онлайн-школы для будущих преподавателей иностранных языков, организованной в результате сотрудничества кафедры немецкой филологии факультета зарубежной филологии Национального университета Узбекистана и кафедры немецкой и французской филологии САФУ.

Эмоциональный отклик аудитории вызвал доклад Су Шву-Янь (Тайвань) и Т.Е. Найдиной

(Тайвань) «Дистанционный курс “Разговоры на русском” как форма развития иноязычной межкультурной компетенции студентов». В нем было подчеркнуто, что онлайн-курс русского языка, который реализуется в сотрудничестве с российскими университетами (в т. ч. с САФУ), обеспечивает высокий уровень речевой компетенции и позволяет иностранным студентам продолжать образование в России. Развивая тему сотрудничества с Тайванем, докладчик К.М. Каркодина поделилась со слушателями личным опытом участия в программе академической мобильности, впечатлениями от прохождения производственной педагогической практики в Тамканском университете.

Секция «Решение социальных и академических задач в различных форматах взаимодействия вузов с партнерами» объединила исследователей-практиков, занимающихся проблемами межкультурного взаимодействия и обучения носителей разных культур русскому языку. Особый интерес и подробное обсуждение вызвали доклады О.Е. Гривы (Архангельск) «Формирование коммуникативной компетенции иностранных студентов посредством вовлечения в диалог с носителями русского языка», А.С. Онегиной (Архангельск) «Русские народные командные игры: опыт коммуникационного проекта программы международной мобильности студентов “Russian studies” в САФУ», Н.Н. Ореховой (Санкт-Петербург) «Культурный ассимилятор как метод освоения межкультурной коммуникации».

С онлайн-сообщениями выступили и зарубежные коллеги: Вэнь Юйчжу (Китай, Шэньянский университет) «Российско-китайское сотрудничество в области образования: современный этап и перспективы развития», Чжао Тин (Китай, Юйлинский университет (ЮУ)) «Методика обучения китайских студентов русскому языку по программе бакалавриата в условиях совместного образовательного проекта ЮУ и САФУ». Слушателям был представлен интересный опыт отбора содержания и организации преподавания русского языка в вузах Китая.

Участники отметили, что состоявшаяся конференция способствовала популяризации опыта взаимодействия вузов, выработке ме-

тодических и организационных подходов к разработке сетевых программ, интересу к поиску новых форм в реализации программ и дисциплин филологической направленности. Подчеркивалось, что развитие сотрудничества между российскими и зарубежными вузами способствует повышению качества образования и создает для выпускников дополнительные возможности в сфере профессиональной деятельности. В числе актуальных и перспективных

направлений научно-практических исследований были определены следующие: анализ сетевых программ с целью выявления основных проблем их функционирования, мониторинг эффективности образовательных продуктов, разработка нормативно-правового и методического обеспечения, а также построение соответствующего понятийного аппарата, поиск путей совершенствования организации и реализации сетевых программ.

DOI: 10.37482/2687-1505-V256

Viktoriya A. Maryanchik

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767> e-mail: v.marjyanchik@narfu.ru

Larisa V. Popova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787> e-mail: l.v.popova@narfu.ru

Tat'yana E. Shestakova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6578-9175> e-mail: t.shestakova@narfu.ru

**INTERNATIONAL ACADEMIC CONFERENCE "PHILOLOGICAL EDUCATION
IN THE CONDITIONS OF INTERUNIVERSITY COOPERATION",
Arkhangelsk, NArFU, 13–14 February 2023**

This article provides an overview of the International Academic Conference "Philological Education in the Conditions of Interuniversity Cooperation", which was dedicated to the issues of network cooperation between universities that carry out educational programmes in philology and linguistics. The participants presented cases of designing and implementing network educational programmes as well as emphasized the importance of the exchange of knowledge and experience for the development of forms of interaction in the field of higher education. In addition, the paper provides an analysis of modern practices of interuniversity cooperation and identifies key problems of implementing various forms and models of network cooperation.

Keywords: Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, academic conference, philological education, network programmes, double degree programmes.

Поступила 22.02.2023
Принята 14.04.2023
Опубликована 17.04.2023

Received 22 February 2023
Accepted 14 April 2023
Published 17 April 2023

For citation: Maryanchik V.A., Popova L.V., Shestakova T.E. International Academic Conference "Philological Education in the Conditions of Interuniversity Cooperation", Arkhangelsk, NArFU, 13–14 February 2023. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 132–137. DOI: 10.37482/2687-1505-V256

«НАСТАВНИК, ОТКРЫВАЮЩИЙ ДВЕРИ В БОЛЬШОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ»

(К юбилею профессора, доктора филологических наук Николая Ипполитовича Николаева)

6 апреля 2023 года – юбилейная дата для педагога и ученого, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, профессора, заведующего кафедрой литературы и русского языка Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) в г. Северодвинске Николая Ипполитовича Николаева, занимающего видное место в жизни университета.

Цитата, вынесенная в заглавие статьи, принадлежит самому Николаю Ипполитовичу. Так он однажды представлял своих старших коллег по цеху в студенческой аудитории. Но это высказывание в полной мере раскрывает и его

педагогическое кредо, определившее в значительной степени жизненный вектор педагога и ученого. Первые шаги на пути профессионального становления Н.И. Николаев сделал в Ташкенте: в 1975 году он поступил на филологический факультет Ташкентского государственного университета, а в 1980 – с отличием окончил вуз по специальности «Русский язык и литература». В стенах этого университета началась его преподавательская и научная карьера, здесь он прошел путь от стажера до доцента кафедры. В 1982 году Николай Ипполитович поступил в аспирантуру, где и сложился основной круг его научных интересов, связанных прежде всего с историей русской литературы XVIII и XIX веков. На этом историко-литературном материале построены его кандидатская¹ и докторская² диссертации. Защита кандидатской состоялась в Московском педагогическом государственном университете имени В.И. Ленина. Защита докторской прошла в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, где председателем диссертационного совета на тот момент был блестящий ученый и талантливый наставник В.А. Кошелев, с которым у Николая Ипполитовича установились тесные и плодотворные профессиональные контакты.

В 1993 году траектория жизни Н.И. Николаева меняется: по приглашению ректора тогда еще Архангельского педагогического университета В.Н. Булатова, он переехал на Север для работы в недавно созданном филиале вуза в г. Северодвинске. Спустя несколько лет Николай Ипполитович становится первым доктором наук, первым профессором в этом подраз-

¹Николаев Н.И. Русская литературная травестия и ее исторические разновидности. Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук. 1986 г. М.: МГПУ. 176 с.

Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века: дис. ... д-ра филол. наук. 1998 г. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. 304 с.

делении, а затем с 1998 года – его директором. В период с 1998 по 2005 год в полной мере он раскрывается не только как ученый, педагог и наставник, но и как весьма успешный организатор деятельности, пожалуй, самого крупного филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ПГУ) – Гуманитарного института в г. Северодвинске. Именно этот период стал наиболее результативным в истории вуза. Тогда были сформированы все основные векторы его научного и педагогического развития, выстроена структура управления деятельностью, организованы основные научно-образовательные подразделения: факультеты, кафедры, большей частью которых руководили доктора наук. Стремительный рост потенциала Северодвинского филиала в обозначенный период может быть охарактеризован несколькими формальными показателями: численность профессорско-преподавательского состава увеличилась почти в 3 раза и составила 180 человек; сотрудники ежегодно защищали от 10 до 15 кандидатских и докторских диссертаций; открылись аспирантуры по 4 специальностям; библиотечный фонд вырос с 30 тыс. до почти 200 тыс. экземпляров. Столь интенсивное развитие на тот момент не демонстрировало ни одно подразделение ПГУ.

Важным историческим событием в жизни университета становится открытие диссертационного совета по филологическим наукам в области русского языкознания и литературоведения (2002), позднее он пополнился еще одним направлением – «Германские языки». Николай Ипполитович Николаев возглавил этот диссертационный совет и руководит им до сих пор. На первом этапе совет функционировал на базе Северодвинского филиала, которому и было поручено создать достойные материально-технические условия для его работы.

С этого момента резко возрастает эффективность аспирантуры, а позднее и докторантуры ПГУ в области филологических знаний. Кардинально изменился кадровый ландшафт университета по филологическим специальностям. За время работы совета (с 2002 года по

настоящее время) на его заседаниях прошли защиты около 200 кандидатских и докторских диссертаций. Он стал центром притяжения для многих молодых специалистов из других регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Кемерово, Читы, Тобольска, Кирова, Череповца, Калининградской, Мурманской и Вологодской областей, республик Коми и Карелия и т. д. География диссертантов, обращающихся в совет за экспертной оценкой научных работ, может быть без труда продолжена. Но в этом ряду следует назвать и молодых ученых из других стран: Латвии, Белоруссии, Таджикистана, Китая.

В течение 20 лет Н.И. Николаев является заведующим кафедрой литературы и русского языка (до преобразования – теории и истории литературы). В этот период ее коллектив рекомендовал себя как в высшей степени результативное учебно-научное подразделение, осуществляющее подготовку педагогических кадров всех уровней (бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура), его сотрудники активно публикуют результаты своих исследований в широком диапазоне проблем филологического профиля в российских и зарубежных изданиях. Многочисленные монографии, учебные пособия членов кафедры известны далеко за пределами региона, а наиболее яркие их проекты систематически поддерживаются грантами российских и зарубежных фондов.

С самого первого номера (2001 год) и по 2020 год Н.И. Николаев являлся членом редакционной коллегии журнала «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки», входящего в перечень изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

В 2008 году он был приглашен на должность проректора по учебной работе ПГУ, которую занимал вплоть до реорганизации вуза (вхождения в состав САФУ, 2011 год). Этот короткий период, завершающий историю ПГУ как самостоятельного вуза, ознаменовался для Николая Ипполитовича весьма внушительными результатами, характеризующими как раз учебную составляющую его труда. В 2008 году вуз

осуществлял образовательную деятельность по 8 укрупненным группам специальностей. На момент вхождения в состав САФУ их стало уже тринадцать. Для того чтобы это произошло, лицензию необходимо было пополнить почти сотней новых позиций. Такого стремительного роста образовательных возможностей в короткий временной отрезок ПГУ не переживал никогда ранее. Многие из введенных в тот период направлений образовательной деятельности востребованы абитуриентами САФУ как вуза-приемника и сегодня. Совершенно очевидно, что масштабный труд, связанный с консолидацией усилий большого научно-педагогического коллектива вуза для достижения такого внушительного результата, требовал значительной организационной работы, тщательно выверенной и грамотно спланированной. На этом этапе Николай Ипполитович в очередной раз подтвердил свою высокую эффективность в качестве руководителя.

Однако при всех усилиях и достижениях юбиляра на поприще организации управленческой работы, наиболее яркий его вклад в жизнь университета состоит в педагогической и научной деятельности.

На всех этапах профессиональной жизни Николай Ипполитович ярко представляет оригинальную и аргументированную точку зрения на различные вопросы теории и истории русской литературы, на проблемы современной русистики и компаративистики, чем всегда вызывает у многочисленных слушателей неподдельный интерес к преподаваемым дисциплинам. Ему удивительным образом удается порождать в студенческой аудитории живые и плодотворные дискуссии, выходящие за рамки традиционных подходов к изучаемой теме. Он разработал целый ряд базовых для подготовки филологов и специальных, авторских курсов, основываясь на собственных научных наблюдениях, подходах к литературному материалу и теоретических построениях. Под руководством Николая Ипполитовича целый ряд молодых исследователей подготовили и успешно защитили кандидатские диссертации. Разнообразная тематика этих работ ярко демонстриру-

ет широкий научный кругозор их руководителя, его умение погрузиться вместе с подопечными в процесс осмысления нового материала и подготовить молодого ученого к самостоятельной разработке научной проблемы. Вот далеко не полный круг вопросов, которые на разных этапах разрабатывали его ученики: творчество Дмитрия Ростовского в контексте русских литературных представлений о «внутреннем человеке» конца XVII – начала XVIII столетия; представления о службе и служение в фазе их формирования в русской литературе XVIII века; социальное мироустройство в художественной картине мира русской литературы 60–70 годов XVIII века; русско-европейские литературные связи на материале произведений Шекспира и И.С. Тургенева; проблема маргинального героя в русской прозе и поэзии различных периодов ее развития.

Сферу профессиональных интересов профессора Н.И. Николаева составляют: широкий круг проблем русского историко-литературного процесса, преимущественно XVIII–XIX веков; динамика литературных представлений о внутреннем мире человека; проблемы литературной компаративистики; исторические векторы и механизмы изменения художественной картины мира; меняющаяся в историческом процессе техника миромоделирования в художественном творчестве.

Н.И. Николаев опубликовал около полутора сотен трудов (в т. ч. монографий), вышедших в зарубежных и отечественных изданиях. Внимание научной общественности привлекла уже первая его большая работа, посвященная тогда еще почти не исследованному жанру *литературной травести*. В ходе осмысления этого явления в русской литературе XVIII–XIX веков сформировались основные подходы ученого к исследованию историко-литературного материала. Его интересуют прежде всего закономерности историко-динамических процессов в литературе, переходные, кризисные периоды в истории русской литературы. Именно с этими фазами Николай Ипполитович связывает актуализацию исследуемого им жанра, объясняя тем самым разнообразие его исторических разновидностей.

Позднее в обозначенном проблемном поле появилось довольно много научных работ, в т. ч. докторских диссертаций и монографий других авторов, но до сих пор ранние публикации Н.И. Николаева, посвященные данной теме (некоторые из них вышли почти 40 лет назад), привлекают внимание исследователей, о чем свидетельствует непрерывающаяся череда ссылок на его работы. В 2000 году Николай Ипполитович обобщил свои наблюдения и представил их в формате учебного пособия для вузовской аудитории³.

На следующем этапе научных поисков Н.И. Николаев обращается к проблеме внутреннего мира человека в русском литературном сознании XVIII и XIX столетий. В фокусе его внимания меняющиеся литературные представления о данном вопросе. По существу, это одно из первых в литературоведении исследований, предложивших выверенный, логически обоснованный дифференцированный подход к указанному предмету изучения в различные историко-литературные эпохи. Николаю Ипполитовичу удалось установить концептуальные различия представлений о внутреннем бытии в русской литературе Средних веков и Нового времени, разграничив их в понятийном аспекте при помощи терминов «внутренний человек» и «внутренний мир человека»⁴. Это позволило

локализовать во времени момент формирования первичных суждений о внутреннем мире, что доказывается анализом конкретного историко-литературного материала. Данные наблюдения вносят существенные коррективы в понимание русского историко-литературного процесса эпохи Петра Великого, а также в осмысление глобальной секуляризации русской культуры, происходившей на стыке XVII и XVIII столетий.

Изучение особенностей русских литературных представлений о внутреннем мире человека вывело исследователя на разработку конкретных тем в области сравнительного литературоведения. В фокусе его внимания оказываются произведения Шекспира и Сумарокова⁵, Гете и Карамзина⁶, Байрона и Тургенева⁷, Гейне и Лермонтова⁸, Мольера и Пушкина⁹.

Системное изучение данной темы вылилось для Н.И. Николаева в десятки публикаций, простое перечисление которых заняло бы немало места в нашем обзоре. Поэтому ограничимся здесь лишь упоминанием работ обобщающего характера. Это монографии «Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века»¹⁰, «Русский литературный герой в контексте этических исканий XVIII–XIX веков»¹¹, а также уже упоминавшаяся выше докторская диссертация, посвященная изучению данной проблемы.

³Николаев Н.И. Русская литературная травестия. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века: уч. пос. для спецкурса. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. 116, [2] с.

⁴Николаев Н.И. К уточнению понятий «внутренний человек» и «внутренний мир человека» // Res philologica: Ученые записки. Вып. 3. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2002. С. 147–150.

⁵Николаев Н.И. Поступок русского литературного героя и его мотивы («Гамлет» А.П. Сумарокова) // Жанр. Стилль. Образ: актуальные вопросы современной филологии: межвуз. сб. ст. Киров, 2014. С. 109–114.

⁶Николаев Н.И. К вопросу о роли природоописательных фрагментов в прозе Н.М. Карамзина // Res philologica: ученые записки. Вып. 1. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1999. С. 96–111.

⁷Николаев Н.И. «Манфред» Дж. Байрона и «Стено» И.С. Тургенева. К вопросу о характере подражания русского писателя // Проблемы культуры, языка, воспитания. Архангельск, 2004. С. 86–90.

⁸Николаев Н.И., Швецова Т.В. К вопросу о точности перевода («Они любили друг друга...») М.Ю. Лермонтова) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2014. № 4. С. 87–92.

⁹Николаев Н.И., Швецова Т.В. Маленькие трагедии А.С. Пушкина и проблема кризиса поступка // Литературное общество «Арзамас»: История и современность: сб. науч. ст. Арзамас-Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. С. 298–306.

¹⁰Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1997. 145 с.

Еще одно ключевое понятие, связывающее внутрилитературный ряд историко-литературных работ исследователя – это литературный герой и его поступок. Н.И. Николаев в своей трактовке понятия «литературный герой» внес существенные коррективы в сложившиеся ранее теоретико-литературные представления об этом предмете. Тесно связав его с категорией «поступка в мире», Николай Ипполитович, по сути, предложил стратегию дифференцированного подхода, определяющего место «героя» и «персонажа» в художественном целом литературного произведения¹². Изменения мотивов поступка героя в историко-культурном процессе, по мнению исследователя, свидетельствуют о существенной трансформации эпохальной художественной картины мира, ввиду их глубокой и принципиальной соотнесенности. Все это в конечном счете формирует во многом оригинальные взгляды юбиляра касательно вопросов исторического развития русской литературы.

В исследованиях Н.И. Николаева предлагается изменение традиционных подходов к описанию модели развития русского историко-литературного процесса. В них найдено концептуальное решение, свободное от императивов исключительно эволюционистских представлений об этом предмете. Базовое понятие в данной концепции – кризис¹³. Логика историко-литературного процесса рассматривается

как смена предкризисного, кризисного и посткризисного периодов.

Одно из направлений исследовательской работы Н.И. Николаева связано с изучением литературного наследия М.В. Ломоносова. Более десятилетия последовательной разработки этой темы вылилось в целый ряд ярких, обративших на себя внимание широкой научной общественности выступлений на международных конференциях в России и за рубежом и публикаций в авторитетных изданиях. Круг вопросов, раскрываемых в работах юбиляра, связан с проблемой глубокой демифологизации биографии М.В. Ломоносова, внутренних мотивов его поступков, нашедших оправдание в поэзии¹⁴, формированием особого типа русского ученого со своеобразной системой нравственной мотивации, лежащей в религиозно-этической плоскости¹⁵, кардинальным изменением художественной картины мира и техники литературного миромоделирования в творчестве нашего великого земляка¹⁶.

Невозможно оставить без внимания еще один аспект профессиональной деятельности Н.И. Николаева. Это подготовка к изданию и научное комментирование художественных, историко-беллетристических, публицистических, научных трудов из наследия известных исторических лиц прошлого: «Фрейлина Га-

¹¹Николаев Н.И., Нехлебаева Н.А., Шестакова Е.Ю. Русский литературный герой в контексте этических исканий XVIII–XIX веков: моногр. Ч. 1. Архитектоника мира поступка русского литературного героя первой трети XVIII века. Архангельск: Солти, 2009. 172 с.

¹²Николаев Н.И. К вопросу об уточнении понятия «литературный герой» // Вестн. Сев. (Арктич.) Федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2012. № 3. С. 100–104.

¹³Nikolaev N.I., Shvetsova T.V. “Crisis of Action” of the Russian Literary Character in Literary Discourse // Man in India. 2017. Vol. 97, № 10. P. 449–462.

¹⁴Николаев Н.И. Мифы о М.В. Ломоносове и мотивы его поступка (К вопросу о построении биографии русского ученого) // М.В. Ломоносов: личность и научно-образовательная деятельность: сб. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. С. 31–54.

¹⁵Николаев Н.И. «Промысл Вышнего» и позиция ученого в концепции мира М.В. Ломоносова // М.В. Ломоносов и православие: сб. ст. о творчестве М.В. Ломоносова. М.: Изд-во: К единству!, 2014. С. 438–463.

¹⁶Николаев Н.И., Безрукова М.В. Картина мира в духовных одах М.В. Ломоносова // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 359–365. DOI: [10.15393/j9.art.2021.8822](https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.8822)

мильтон», «Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс» М.И. Семевского; «Ключ к таинствам природы» Карла Эккартсгаузен; «Избранная проза» Пьера Лоти; «Граф Феникс» Николая Энгельгардт.

Конечно, в столь кратком обзоре научных публикаций Н.И. Николаева не представляется возможным описать все аспекты его разнообразных исследовательских интересов, а тем более представить все нюансы оригинальных логических построений ученого, в которых и раскрывается в полной мере своеобразие его творческой личности. Но мы тешим себя надеждой, что нам удалось хотя бы в общих чертах обрисовать портрет педагога и ученого, «наставника, открывающего двери в большой исторический диалог». Хотя одновременно вынуждены констатировать, что это скорее всего лишь эскиз, набросок к этому портрету, поскольку Николай Ипполитович находится в фазе активной творческой деятельности, направления его будущей работы трудно предвидеть, предугадать. Достаточно указать на то,

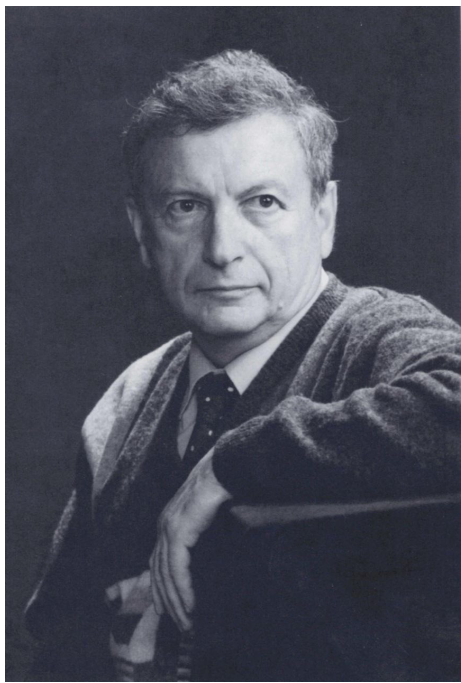
что одна из последних монографий¹⁷ посвящена раскрытию национального своеобразия отечественной литературы о детстве как части художественной концепции человеческой жизни. В работе представлена картина развития темы детства в русской словесности XVIII–XIX столетий, показаны основные тенденции изменений художественно-изобразительных средств в русской литературе касательно данной темы, сопоставлены русские литературные представления о детстве с западноевропейской романной традицией XVIII–XIX веков. И все это являет собой совершенно новый поворот в его творческой биографии. А значит и работа над портретом ученого еще очень далека от завершения.

Коллеги, выпускники, ученики профессора Н.И. Николаева желают ему здоровья, долгих лет жизни, творческих успехов и поздравляют своего учителя с юбилеем!

*Швецова Татьяна Васильевна,
Дулова Светлана Алексеевна,
Шахова Вероника Евгеньевна*

¹⁷Николаев Н.И., Шестакова Е.Ю. Детство в русских литературных представлениях XVIII–XIX столетий: моногр. М.: Флинта, 2021. 160 с.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИСТОРИКА А.Л. ЛИТВИНА

6 марта 2023 года в Казани ушел из жизни доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, заслуженный профессор Казанского университета Алтер (Алексей) Львович Литвин. Всего год с небольшим назад, в декабре 2021, мы поздравляли его на страницах журнала с 90-летием, а в первом номере за текущий год была опубликована статья¹, посвященная размышлениям об одной из последних книг А.Л. Литвина, одним из авторов которой выступил его казанский ученик, профессор А.Ю. Суслов. И вот Алтера Львовича уже нет с нами.

Алтер Львович Литвин родился 18 декабря 1931 года в Казани. Его поколение взрослело быстро. 1941 год нанес мальчику два тяжелых удара: началась Великая Отечественная война

и был репрессирован его отец. Будучи единственной опорой для матери и трех младших сестер, он ушел из восьмого класса средней школы, год проучился на механическом факультете техникума, а потом трудился рабочим на заводе. В 1950 году он с серебряной медалью окончил вечернюю школу и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Одновременно с учебой в вузе он работал учителем истории в школе, а после его окончания А.Л. Литвин был с 1957 по 1962 год старшим научным сотрудником, а затем заведующим отделом в Государственном музее Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, продолжая в это время по совместительству и учительскую работу в школе.

В 1962 году А.Л. Литвин защитил кандидатскую диссертацию, а в 1975 году – докторскую и более полувека (по 2013 год) работал в вузах Казани: педагогическом институте, химико-технологическом институте (где заведовал кафедрой) и государственном университете, где основал в 1989 году кафедру историографии и источниковедения, которую возглавлял по 1998 год. В 2006 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный профессор Казанского университета». Он стал основателем научной школы, под его руководством были защищены несколько докторских и более 30 кандидатских диссертаций. Его ученики трудятся во многих вузах и научных организациях России и зарубежных стран.

Яркий и талантливый, прекрасно владеющий пером историк А.Л. Литвин стал автором свыше 500 научных работ, в т. ч. более 30 книг по проблемам истории Гражданской войны, социалистических партий России, органов Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем – Народного

¹Голдин В.И., Суслов А.Ю. Новая книга об истории индивидуального политического террора в годы Гражданской войны в России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 23, № 1. DOI: [10.37482/2687-1505-V236](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V236)

НЕКРОЛОГИ/OBITUARIES

комиссариата внутренних дел, политических репрессий и террора в XX веке, по проблемам советской и зарубежной историографии. Его монографии издавались и за рубежом. Он активно и плодотворно занимался публикацией источников, став составителем 9 сборников документов. Несколько книг выпущено им в мемуарном жанре. Он был также автором ряда повестей и романов, членом Союза писателей Татарстана.

Будучи авторитетным специалистом по истории Гражданской войны в России, А.Л. Литвин входил в 1980-х – начале 1990-х годов в состав Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» Академии наук Союза Советских Социалистических Республик и с этого

времени на протяжении нескольких десятилетий тесно сотрудничал с коллегами-историками в Поморском университете (позднее – САФУ). Вся его жизнь была посвящена науке и образованию.

Несмотря на преклонный возраст, А.Л. Литвин плодотворно работал фактически до конца своих дней. В 2021 году вышли в свет его последние монографии, а в 2022 – опубликована небольшая книга «Дружба и любовь. Размышления и рассказы», где он выступил и как знаток человеческой души.

В нашей памяти останется светлый образ Алтера Львовича Литвина, выдающегося историка, настоящего человека и друга, а с нами будут жить его книги.

***Голдин В.И., доктор исторических наук,
профессор, главный редактор журнала***

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Авакова М.Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета;

Агафонов А.И., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

Безвесельная З.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Москва);

Варакин В.С., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения Российской академии наук (Москва);

Гришаева Е.И., кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

Давыдов Р.А., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (г. Архангельск);

Дериглазова Л.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета;

Колобов О.А., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой дипломатии и международного права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;

Кривых Е.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета;

Логинов Е.В., кандидат философских наук, младший научный сотрудник, доцент кафедры истории зарубежной философии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Мантатов В.В., доктор философских наук, профессор, заведующий Международной кафедрой «ЮНЕСКО» по экологической этике Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (г. Улан-Удэ);

Осинов С.В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культуры Ульяновского государственного технического университета;

Пеннер Р.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск);

Сенин А.С., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Сердобольская Н.В., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета;

Соловьева Л.Н., кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета);

Терещенко Н.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета;

Ускова Е.В., кандидат философских наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Параметры страницы

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Форматирование основного текста

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм. Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть: <ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты, документальные источники, а также анализируемую литературу (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде) даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»). <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.